

Современная школа

Франсиско Феррер-и-Гуардия

1908

Оглавление

Об авторе	5
Франсиско Феррер — теоретик и практик либертарной педагогики	6
I. Предварительное изложение	11
II. Сеньорита Мёнье	15
III. Принятая ответственность	19
Программа	22
Современная школа	23
IV. Первоначальная программа	25
V. Совместное обучение обоих полов	29
Необходимость совместного обучения	31
VI. Совместное обучение общественных классов	34
Современная школа	36
VII. Школьная гигиена	38
Гигиеническая защита школ — детали применения	40
Игры	44
VIII. Преподавательский состав	47
Индивидуальная педагогика	50
Молодежи	52

Свободным учителям	53
IX. Обновление школы	54
X. Ни поощрений, ни наказаний	60
Почему в Современной школе нет экзаменов	62
Экзамены и конкурсы	63
Никаких больше наказаний	65
XI. Светскость и библиотека	66
Светское обучение	69
Интеллектуалам	71
Конкурс по арифметике	72
Господам учителям	73
Преподавание географии	74
«Вернемся к естественности»	75
Происхождение христианства	80
XII. Воскресные встречи	82
Возмущенные клерикалы	85
XIII. Позитивные результаты	87
Наука является единственной учительницей жизни	89
Очередной год	91
Открытие школьного года	93
Школьная экскурсия в страну промышленности	95
XIV. В законную защиту	98
Педагогический антагонизм	100

Библия	101
Антропоцентризм	102
Третий год	104
Классификация учеников, обучавшихся в современной школе в течение трех первых учебных годов, по полу и количеству	105
Количество школ, пользующихся книгами современной школы в качестве учебных материалов на населенный пункт	107
	111
XV. Детская наивность	112
Смешанная школа	115
Нынешнее общество	117
Школьное братство	121
Ученикам элементарного класса Рабочего кружка Бадалоны	124
XVI. Бюллетень Современной школы	125
Школьная экономия	127
О субсидировании	129
Всем	130
Образование будущего	131
XVII. Закрытие Современной школы	134

Об авторе

Франсиско ФЕРРЕР-И-ГУАРДИЯ
(1859–1909)

Выдающийся испанский мыслитель, политический деятель, один из основоположников и практиков либертарной педагогики. Родился в деревне Алелья близ Барселоны. С 1877 г. работал контролером на железной дороге. В 1885 г. принял участие в восстании республиканцев. После их разгрома эмигрировал во Францию. Зарабатывая на жизнь частными уроками испанского языка, получил диплом преподавателя. С 1895 г. преподает испанский язык в Лицее Кондорсе (Париж). В 1890-х гг. примкнул к анархистскому движению. Под влиянием идей педагога и анархиста Поля Робена разработал собственную концепцию рационального воспитания, подробно представленную в настоящей книге. В 1901 г. основал в Барселоне Современную школу, в которой воплотил в жизнь собственные педагогические идеи. Образовательный эксперимент Феррера вызвал широкий отклик в Испании, положив начало движению «новых школ». При этом деятельность Феррера вызвала враждебное отношение со стороны католической церкви и преследования со стороны сотрудничавших с ней властей, закрывавших школы. С 1901 г. сотрудничал с анархо-синдикалистской газетой «La Huelga General» («Всеобщая стачка»). В 1907 г. был одним из основателей анархо-синдикалистской федерации «Рабочая солидарность». В 1909 г. был арестован по сфабрикованному обвинению в организации восстания в Барселоне. Приговорен судом к расстрелу. Приговор вызвал массовое движение протеста во многих странах Европы и Америки. Митинги протеста были организованы и в России.

Франсиско Феррер — теоретик и практик либертарной педагогики

Педагогика всегда занимала важное место в теории и практической деятельности анархистов и революционных синдикалистов. Проблемы школы будущего свободного общества получили отражение в творчестве П.-Ж. Прудона, М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина, Ж. Грера. Со второй половины XIX в. и по сей день анархисты стремились воплощать в жизнь свои представления о свободном воспитании. Среди наиболее известных учебных заведений, созданных анархистами, можно назвать «Семпюи» Поля Робена и «Улей» Себастьяна Фора во Франции, а также «Новый университет», в 1894 г. созданный Э. Реклю в Брюсселе. Больших масштабов достигла и деятельность Франсиско Феррера — испанского анархиста, пропагандиста свободного воспитания и «рационального» образования.

Франсиско Феррер-и-Гуардия родился в деревне Аллела под Барселоной 10 января 1859 г. Его родители были мелкими землевладельцами. До 13-летнего возраста Франсиско учился в сельской школе, из-за материальных трудностей был вынужден бросить учебу и устроиться приказчиком в фирму, торговавшую сукном. Под влиянием деятельности рабочего движения Феррер проявляет интерес к левым идеям, посещает собрания кружков анархистов и марксистов. Вскоре он вступил в леволиберальную партию республиканцев, включился в активную политическую деятельность. Устроившись контролером на железную дорогу от Барселоны до французской границы, он становится связным между испанскими республиканцами и жившим в то время в Париже их лидером Руисом Сорильей. В 1885 г. он пытается организовать стачку железнодорожников, а в 1886 г. во время восстания республиканцев участвует в боях за город Санта-Колома. После разгрома восставших Феррер эмигрирует во Францию. В Париже он становится секретарем у Сорильи. Чтобы содержать жену и четырех детей, Феррер начинает давать частные уроки испанского языка. Постепенно он разрабатывает собственную методику преподавания, исходящую из потребностей повседневной жизни. В качестве метода обучения он использовал диалоги, связанные с ситуациями в магазинах, кафе, на улицах. Эта методика, подробно изложенная в первой книге Феррера «Практический испанский», принесла ему известность. Вскоре он получает диплом с правом преподавания. В 1895 г. Феррера приглашают преподавать испанский язык в Лицее Кондорсе.

Постепенно Франсиско разочаровывается в идеях левых республиканцев, после смерти Сорильи разрывает с ними и вступает в контакт с теоретиками либертарного коммунизма Жаном Гравом и Элизе Реклю и либертарным педагогом Полем Робеном. Под их влиянием с середины 1890-х гг. Феррер становится анархистом. Как и многие из активных анархистов, Франсиско Феррер придавал большое значение революционно-синдикалистскому движению по примеру французской Всеобщей конфедерации труда. В концепции революционного синдикализма организации, созданные трудящимися в процессе борьбы за свои интересы (самоуправляющиеся профсоюзы, кооперативы и т. д.), являются своеобразными школами для взрослых, очагами будущего либертарного социалистического общества. В них проходит процесс выработки новых культурных ценностей, новой этики, связанной с *самоуправлением*. Феррер считал не менее важным воспитание подрастающего поколения, которое сможет осу-

ществить социальную революцию и создать свободное и справедливое общество. Он полагал, что воспитание свободной личности не имеет ничего общего с христианством. Ссылаясь на проповедь смирения, исходящую от значительной части адептов этой религии, он делал вывод, что христианин мало способен к бескомпромиссной борьбе за создание нового справедливого общественного строя. Это зачастую далеко от истины постольку, поскольку на протяжении всей истории христианства мы можем обнаружить в числе его сторонников тех же анархистов. Так, в число первых адептов анархизма в России традиционно зачисляются еретика XVI в. Феодосия Косого, а также полностью отвергавших подчинение государству участников секты «бегунов» (XVII в.). Немало христиан участвовало в анархистском движении в XIX и XX вв. Среди них можно назвать многих последователей учения Л. Н. Толстого («толстовцев»), участников «Движения католических рабочих» в США Д. Дэй и А. Хеннэси. Рядовые священники и верующие участвовали и в легендарном революционно-синдикалистском профсоюзе США «Индустриальные рабочие мира». Безусловно, подобная деятельность вела к противодействию со стороны руководства православной, католической и значительного числа протестантских церквей. Многие из либертарно настроенных христиан подвергались гонениям. Точка зрения Феррера была реакцией на позицию мейнстримного христианства, и прежде всего — руководства католической церкви в Испании, враждебно настроенного по отношению к рабочему движению и активно поддерживавшего консервативные тенденции в политике правительства.

Сочетая педагогические идеи Поля Робена и других теоретиков свободного воспитания с новейшими открытиями в области психологии, Феррер создал концепцию «рационального воспитания», которую раскрыл в своих трудах «Обновленная школа» и «Принципы научной морали». Под «рациональным воспитанием» понималось интеллектуальное, физическое и нравственное развитие ребенка при максимальном учете его индивидуальных особенностей. Воспитатель, по мнению Феррера, в своих действиях должен был исходить из интересов ребенка: «Вся ценность воспитания должна заключаться в уважении к... воле ребенка»¹. Цель школы — воспитать «людей, способных непрерывно эволюционировать, способных обновлять окружающую их среду и самих себя; людей, главная сила которых будет заключаться в их умственной независимости и которые, не будучи связаны никакими традициями и предрассудками, готовы будут всегда воспринимать всё новое, лучшее»².

Феррер считал недопустимым подчинение школы государству и церкви. Он полагал, что задача любой государственной системы образования состоит в том, чтобы «приучить ребенка повиноваться, слепо верить и думать согласно господствующим социальным догмам», приспособить человека к тому месту в обществе, которое навязано ему правящими элитами. Одной из целей новой школы, как предполагал Феррер, было «вырвать из умов то, что разделяет людей (религию, ложные идеи собственности, родины, семьи и т. д.)». Главный метод воспитания в этой школе — принуждение. Поэтому коренные изменения в ней должны быть основаны на «уничтожении принуждения», устранении «моральной и нравственной дисциплины», которая «прививает детям готовые идеи... уничтожающие волю ребенка». Для развития свободной личности Ф. Феррер считал необходимым формирование критического мышления, способности к саморазвитию и терпимости к иной точке зрения.

Под влиянием статей и выступлений Феррера дочь французского миллионера Эрнестина Менье завещала ему свое состояние. На деньги, полученные в наследство, 8 октября 1901 г. он основал в Барселоне «Современную школу». В нее принимали детей с 5 до 12

¹Раевский М. Франсиско Феррер и его новая школа. Пг.: М., 1920. С. 61.

²Там же. С. 61.

лет, независимо от пола и материального положения. За обучение взималась небольшая плата, но ее размеры изменялись в зависимости от материального положения родителей ученика. В итоге, бедняки платили столько, сколько позволяли их средства. Их распределяли по классам в зависимости от уровня знаний. Феррер отказался от применения наказаний в учебно-воспитательном процессе. Отсутствие принуждения отчасти способствовало установлению дружеского общения между преподавателями и учениками. Чтобы не вызывать конкуренцию между детьми, учителя отказались и от оценок. Традиционному разделению образования на начальное, среднее и высшее Феррер противопоставил идею «всестороннего воспитания» — единой школы. «Современная школа» давала ребенку образование, сочетавшее в себе элементы начального, среднего и профессионального. При школе работали мастерские, где детей по их желанию обучали ремеслам, полезным в будущем. Обучение в школе продолжалось 4 года. Центральное место в обучении занимали естественные науки. Мистические и вообще любые сверхъестественные объяснения каких-либо явлений не допускались. Занятия состояли из бесед преподавателя с учениками, наглядных уроков и образовательных прогулок (на природу, на фабрики и т. д.). Целью таких прогулок было развитие у детей интереса к самым разнообразным вещам и явлениям, склонности к наблюдениям и умозаключениям. Уроки служили средством систематизации знаний, полученных в ходе практических занятий в мастерских, на экскурсиях и прогулках. Детей знакомили с фактами из газет и журналов, отражающими состояние общества, приводили в доступной им форме самые разные точки зрения на социальные и другие проблемы. В школе проводились лекции и для взрослых. Феррер предполагал предоставить в ней помещения для профсоюзов.

Для обеспечения школы литературой он основал издательство. В числе авторов учебников были и известные анархисты — знаменитый географ Э. Реклю и Ж. Грав. Выходил ежемесячный «Бюллетень новой школы» — журнал, посвященный вопросам воспитания и предназначенный для родителей и учителей. В нем печатали труды П. Робена, Э. Реклю, П. А. Кропоткина, Г. Спенсера, биолога Э. Геккеля и астронома К. Фламариона, сочинения Льва Толстого и Максима Горького, переводы статей известных педагогов и психологов, статьи самого Феррера.

Об успехе деятельности Феррера говорят факты. При открытии школы в ней учились 30 детей, к 1907 г. их число возросло до 126. У Феррера появились последователи — «Современная школа» положила начало движению «новых школ» по всей Испании. К 1904 г. в Барселоне и в провинции по этой системе работали 14 школ для детей рабочих. К 1907 г. их было уже 47 с 1700 учениками. Феррер снабжал школы своих последователей учебниками, подбирая для них учителей. Материальную помощь этим учебным заведениям оказывали и испанские синдикалистские профсоюзы, в деятельности которых Франсиско активно участвовал. С 1901 г. он сотрудничал в революционно-синдикалистской газете *La Huelga General* («Всеобщая стачка»), в 1907 г. входил в число основателей федерации революционно-синдикалистских профсоюзов «Рабочая солидарность», из которой позднее выросла знаменитая Национальная конфедерация труда (CNT). Да и само воспитание в «Современной школе», имевшее откровенно антиавторитарный, атеистический и антивоенный характер, по сути, было деятельностью по преобразованию существующего общественного строя.

Испанское правительство до поры до времени терпело существование подобных школ, поскольку государственное начальное образование находилось в плачевном состоянии: к 1907 г. на 18,5 млн населения страны лишь 6 млн были грамотными. Средняя школа находилась под тотальным контролем церкви, школы зачастую не имели нормального помещения. Обучали в них в основном чтению и письму на испанском и началам математики. Наибольшее

внимание уделялось изучению Библии, молитв и катехизиса. Применялись телесные наказания. Но содержание «рационального воспитания» вызывало ненависть клерикалов, бюрократии и капиталистических кругов, поскольку выводило образование из сферы их идеологического контроля. В этой ситуации появился повод для расправы над Феррером. 31 мая 1906 г. Матео Морраль Брока, работник издательства Феррера, по собственной инициативе бросил бомбу в свадебный кортеж короля Альфонса XIII. Феррера обвинили в подстрекательстве к покушению и арестовали, а его школу закрыли. Попытка властей Испании уничтожить Феррера возмутила многих из тех, кто интересовался проблемами образования. Развернулась международная кампания в его защиту. О действиях испанских властей с возмущением писали газеты во многих странах мира, почти во всех странах Западной Европы появились «союзы помощи Ферреру». Под давлением международной общественности суд оправдал Феррера, однако власти не разрешили ему вновь открыть школу, сославшись на тот факт, что используемые в ней учебники не соответствуют установленным требованиям.

Феррер вынужден был уехать за границу и направить все силы на пропаганду своих педагогических идей. С этой целью в апреле 1908 г. совместно с английским журналистом Уильямом Гифордом он основал в Париже «Международную Лигу рационального воспитания детей». В нее входили педагоги из Испании, Германии, Франции, Италии, Бельгии, Швейцарии и Великобритании. В руководство Лиги вошли известные деятели науки и культуры: писатели — лауреаты Нобелевской премии Анатолий Франс и Морис Метерлинк, видный теоретик свободного воспитания Жан-Франсуа Эльсландер, биолог Эрнст Геккель. Продолжали свою деятельность сторонники Феррера и в Испании. С их помощью было возобновлено издание ежемесячного «Бюллетеня новой школы». 17 июня 1909 г., получив известие о болезни жены своего брата и племянницы, Феррер выехал в Барселону, не подозревая, что это путешествие закончится для него роковым образом.

В июле 1909 г. Испания развязала колониальную войну в Марокко. В ответ на мобилизацию рабочей молодежи в армию в Барселоне и других промышленных центрах Каталонии началась всеобщая забастовка, переросшая в стихийное восстание, вошедшее в историю под именем «Трагической недели». Подавив это выступление, испанское правительство и католическая церковь использовали его как предлог для расправы над Феррером, который был совершенно непричастен к нему. Его обвинили в организации восстания, арестовали и предали военному суду. Казни Феррера требовал Орден иезуитов, действия суда одобрил Папа Пий X. Обвинение было сфабриковано так грубо, что даже выделенный трибуналом официальный защитник капитан Гальсеран потребовал оправдать подсудимого. На следствии и в суде выслушивались лишь те, кто давал показания против обвиняемого; были собраны все анонимные доносы, которые могли повредить ему; все же, кого защита выдвигала в качестве своих свидетелей, были высланы за пределы Испании.

Эта расправа вызвала массовое движение в Европе. Создавались «комитеты защиты Феррера», проводились митинги протеста, испанскому королю Альфонсу XIII посылали тысячи телеграмм с требованием освободить Франсиско Феррера. Но это не дало результатов. Он был приговорен к смертной казни и 13 октября 1909 г. расстрелян. Как указывали очевидцы, Феррер сохранял перед казнью мужество и крикнул расстреливавшим его солдатам: «Дети мои, цельтесь лучше! Это не ваша вина. Я невиновен. Да здравствует Свободная школа!»

Казнь вызвала массовые акции протеста. В Париже, Лионе, Тулоне, Шербуре, Лондоне, Вене, Будапеште, Праге, Мюнхене, Брюсселе, Антверпене, Лиссабоне, Буэнос-Айресе, Монтевидео, Рио-де-Жанейро, Мехико прошли демонстрации. В Париже на бульваре Курсель развернулось настоящее сражение демонстрантов с полицией. Всеобщая конфедерация труда объявила бойкот испанским товарам во Франции. В Милане и Риме прошли всеобщие стачки протеста.

ста. Территория Ватикана в течение недели охранялась итальянскими войсками, так как демонстрации носили откровенно антиклерикальный характер; священнослужителей встречали на улицах криками: «Подлые убийцы!» В России прошли студенческие митинги протеста в Петербурге, Киеве и Москве.

Смерть Феррера вызвала лишь рост популярности его педагогических идей. К концу 1909 г. в Испании насчитывалось уже 209 «современных школ», созданных при поддержке рабочих организаций. «Современные школы» Феррера создавались в Аргентине, Бразилии, Германии, Мексике, Нидерландах, Португалии, США, Швейцарии. «Рациональное» образование было включено в программные документы анархо-синдикалистских профсоюзов и анархистских организаций, стало неотъемлемой частью их практической деятельности. В 1919 и 1920 гг. в Гуляй-Поле, на территории, подконтрольной Революционной повстанческой армии Украины Н. И. Махно анархистами также были основаны школы, работавшие на основе концепций Феррера. В наше время идеи Феррера также применяются в различных либертарных учебных заведениях. Одна из наиболее известных среди них — основанная в 1978 г. свободная школа *Paideia* в Мериде (Испания).

В нашей стране идут дискуссии о праве государства и религиозных организаций диктовать обществу содержание образования, вводить в курс изучаемых предметов обязательное изучение основ религий. Часто можно услышать резко критические отзывы о системе Единого государственного экзамена (ЕГЭ). В свете этих событий можно признать, что из высказанных Феррером идей весьма актуальны принцип автономии школы от государства и право сообществ родителей, учащихся и учителей определять содержание образования. Ведь именно в русской общественной мысли конца XIX — начала XX вв. были весьма распространены идеи о реорганизации системы образования на основе независимых от государственных структур, самоуправляющихся, доступных для всех и бесплатных учебно-воспитательных учреждений, находящихся в ведении территориальных общин и свободных союзов жителей. Эти идеи прослеживаются в трудах педагога, теоретика и пропагандиста свободного воспитания К. Н. Вентцеля, М. А. Бакунина и Л. Н. Толстого. Безусловно, могут быть актуальны для наших дней и другие педагогические принципы, практиковавшиеся Феррером. Среди них — устранение в образовательном процессе иерархии, отказ от ориентации на конкуренцию и отбор сильнейших (включая оценки). В той или иной степени эти идеи могут быть воплощены в жизнь на практике с учетом как достижений современной науки, так и сложившихся социальных условий. И мы надеемся, что книга Франсиско Феррера окажет здесь свое влияние.

Д. И. Рублёв, кандидат исторических наук

I. Предварительное изложение

Мое участие в революционной борьбе конца прошлого века подвергло испытаниям мои убеждения.

Будучи революционером, вдохновленным идеалами справедливости, считая свободу, равенство и братство логическим и позитивным следствием установления Республики, находясь под влиянием общепринятого предрассудка и не видя другого пути для достижения этого идеала, кроме политического действия, которое должно было предшествовать преобразованию правящей системы общественного устройства, я посвятил все свои усилия республиканской политике.

Благодаря своей дружбе с доном Мануэлем Руисом Соррильей, которого можно было считать центральной фигурой в революционном движении, я вступил в контакт со многими испанскими революционерами и со многими известными французскими республиканцами, но все эти знакомства привели меня к большому разочарованию: в одних я видел лицемерно скрываемый эгоизм, в других, более искренних, я обнаруживал лишь недостаток идеалов — и при этом никто не осознавал необходимости реализовать радикальные преобразования, которые касались бы самых основ, гарантируя абсолютное социальное перерождение.

Опыт, приобретенный мной в течение пятнадцати лет проживания в Париже, где я столкнулся с кризисом буланжизма, дрейфусизма и национализма, представлявшим собой опасность для Республики, убедил меня в том, что до сих пор нерешенной остается проблема народного образования, а поскольку она остается нерешенной во Франции, тем менее можно было ожидать, что ее сможет разрешить испанский республиканизм, который всегда демонстрировал самое прискорбное непонимание центральной значимости, которым обладает система образования для народа.

Представьте себе, каким было бы нынешнее поколение, если бы испанская республиканская партия, после ссылки Руиса Соррильи, посвятила бы свои усилия основанию рационалистических школ, по одной на каждый комитет, на каждый свободомыслящий кружок, или на каждую масонскую ложу; если бы, вместо того чтобы выбирать президентов, секретарей и представителей комитетов на места, которые они должны будут занять в будущей республике, они активно работали бы над народным образованием, какой прогресс был бы достигнут за тридцать лет в дневных школах для детей и в вечерних школах для взрослых.

Разве удовлетворился бы в этом случае народ, отправляя в парламент депутатов, которые принимают законы об общественных объединениях для представления монархистам?

Разве ограничился бы народ бунтами из-за растущих цен на хлеб, не бунтуя при этом против всех лишений, которым подвергается рабочий из-за обилия роскоши, окружающей тех, кто обогатился за счет чужого труда?

Разве изможденный народ бунтовал бы только против налогов, вместо того чтобы организоваться в борьбе за подавление всех тиранических привилегий?

Мое положение преподавателя испанского языка в Филотехнической ассоциации и в ложе Великого Востока Франции давало мне возможность вступать в контакт с представителями всех классов, как в смысле их собственного характера, так и в смысле социального статуса, и, знакомясь с их идеями о собственной роли в общем деле, я видел в них только людей, готовых потратить как можно большую часть своей жизни на индивидуальные цели: кто-то изучал испанский ради продвижения по служебной лестнице, кто-то для того чтобы заниматься испанской литературой в интересах собственной карьеры, кто-то для того чтобы сделать для себя более приятными путешествия по испаноязычным странам.

Никого не шокировал абсурд, правящий повсюду из-за несообразности между обыденными представлениями и научным знанием, и никого ничуть не беспокоило желание придать рациональную и справедливую форму человеческой солидарности, которую давало всем жи-

вым существам в каждом поколении приобщение к достоянию, созданному предыдущими поколениями.

Я видел, что прогресс считают чем-то вроде фатальной неизбежности, независимой от знаний и доброты людей, результатом случайностей и происшествий без участия сознательных действий и человеческой энергии. Индивид, сформировавшийся в семье с ее необузданными атавизмами, с ее традиционными ошибками, повторяющимися из поколения в поколение по незнанию матерей, и в школе, где происходит нечто худшее, чем просто ошибки — сознательная ложь, навязываемая теми, кто придумывает догмы во имя предполагаемого божественного откровения — такой индивид вступает в общество деформированным и деградированным и вследствие этого уже не может распоряжаться собой, его деятельность приносит лишь иррациональные и пагубные результаты.

Вдохновляясь идеями служения общему благу, я разговаривал с различными людьми своего круга, стараясь оценивать каждого по степени возможной пользы для моего идеала, и вскоре убедился, что среди политиков, окружавших дон Мануэля нельзя было рассчитывать ни на кого; на мой взгляд — и я прошу прощения за то, что смешиваю с общей массой достойные исключения — все это были закоснелые оппортунисты. В силу этих веских и грустных для меня обстоятельств, во мне появилась предрасположенность судить других людей. Дон Мануэль, человек высоких взглядов, но недостаточно подготовленный к образам людских несчастий, зачастую называл меня анархистом каждый раз, когда слышал, как я высказывал обоснованное мнение, как правило, радикальное, по сравнению с оппортунистическими взглядами и дешевым радикализмом осаждавших и эксплуатировавших его испанских революционеров, точно так же, как и французских республиканцев, следовавших политике, наиболее благоприятной для буржуазии, и сторонившихся всего, что могло быть полезно для обездоленного пролетариата, под тем предлогом, будто следует избегать любой утопии.

Резюмируя и конкретизируя вышесказанное: во время первых лет реставрации с Руисом Соррилей сотрудничали люди, которые позже, на министерской скамье, выказали себя самыми убежденными монархистами; а этот достойный человек, поддерживавший огонь протеста против государственного переворота 3 января 1874 года, наивный и чересчур честный, доверял своим ложным друзьям. В результате, как это часто происходит с политиками, большинство оставило республиканского вождя ради министерского портфеля или высокого места, и, в конце концов, он смог рассчитывать лишь на тех, кто не продается из чувства собственного достоинства, но чьим занятиям недостает логики, которая могла бы поднять их мысль и их энергию до уровня активных действий.

Если бы не Асенсио Вега, Себриан, Мангадо, Вильякампа и немногие другие, дон Мануэль стал бы на многие годы игрушкой в руках амбициозных спекулянтов, замаскировавшихся под патриотов.

По всем этим причинам, я ограничился воздействием на моих учеников, выбирая для экспериментов тех из них, кто казался мне наиболее подходящим и лучше всех приспособленным для этого.

С ясным пониманием собственных целей, пользуясь определенным авторитетом, который мне придавала моя позиция учителя и мой экспансивный характер, исполняя свои профессиональные обязанности, я разговаривал со своими учениками на различные темы: иногда об испанских обычаях, иногда о политике, религии, искусстве, философии, всегда стараясь исправить высказываемые ими мнения, которые могли быть преувеличенными или необоснованными, или подчеркнуть те неудобства, которые возникают, если подчиняешь собственное суждение догмам сект; школ или партий, что, к сожалению, происходит очень часто. Таким

образом я добивался того, что после подобных дискуссий люди, далекие от меня по своим убеждениям, становились ближе ко мне и соглашались со мной, отбросив свои ранее неоспоримые убеждения, принятые когда-то на веру из послушания или из-за простой услужливой покорности. Благодаря этому мои друзья и ученики чувствовали себя счастливыми, что избавились от постыдной ошибки и приняли истину, обладание которой возвышает и придает достоинство.

Строгость логики, применяемой без цензуры при каждой возможности, подтачивала фанатичную убежденность, устанавливала интеллектуальное согласие, и в какой-то мере направляла умы в сторону прогресса.

Вольнодумцы, противостоящие религии, но идущие на уступки нелепостям Книги Бытия, гротескной морали Евангелия и даже церковным церемониям; более или менее оппортунистические или радикальные республиканцы, удовлетворяющиеся жалким демократическим равенством, включающим в себя право гражданства, даже в минимальной степени не влияющего на разницу между классами; философы, претендующие на то, что открыли первопричину в метафизических лабиринтах, основывая истину на пустопорожней фразеологии, — все они получали возможность убедиться в чужих и собственных ошибках; все или большинство ориентировались на здравый смысл.

После того, как перипетии моей судьбы уже отдалили меня от тех друзей, некоторые из них, уверенные в моей невиновности, присылали мне изъявления своей преданности даже в застенки тюрьмы, где я дожидался освобождения; всем им я желаю благих и плодотворных прогрессивных деяний, счастливый тем, что мое влияние стало решающим фактором для принятия ими рациональных убеждений.

II. Сеньорита Мёнье

Сеньорита Мёнье была одной из моих учениц. Это была богатая дама без семьи, большая любительница путешествий, которая изучала испанский язык, для того чтобы осуществить путешествие в Испанию.

Убежденная католичка, она рьяно и скрупулезно соблюдала все религиозные обряды, для нее религия и мораль были одним и тем же, а неверие, или безбожие, как говорят верующие, было очевидным симптомом аморальности, распутства и преступности.

Она ненавидела революционеров, с одним и тем же бессознательным и необдуманном чувством смешивала в одну кучу все проявления народной безграмотности, обусловленные в числе прочего необразованностью и социальным положением, и со злобой вспоминала, как в Париже во времена Коммуны, когда она шла в церковь с мамой, ее оскорбляли уличные сорванцы.

Наивная и располагающая к себе, она всегда без колебаний высказывала свои безоговорочные мнения, почти абсолютно не принимая во внимание прецеденты, детали и последствия, и у меня много раз был шанс деликатно указать ей на ошибки в ее суждениях.

В наших частых разговорах я воздерживался от прямого изложения собственных убеждений, и она видела во мне не приверженца или сектанта противоположной веры, а скорее рассудительного мыслителя, с которым ей очень нравилось спорить.

Она сформировала обо мне такое хорошее мнение, что из-за своего одиночества, лишённая личной жизни, она удостоила меня своей дружбы и полного доверия, пригласив сопровождать ее во всех ее путешествиях.

Я принял приглашение, и мы отправились в путешествие по разным странам, в ходе которого она испытала глубокое разочарование, когда благодаря моему поведению и нашим с ней разговорам ей пришлось признать, что не все неверующие люди являются развратниками и не все атеисты являются бесчувственными преступниками, в то время как я, убежденный атеист, стал для нее живым примером человека, противоположного тому образу, который подсказывали ей религиозные предрассудки.

Она считала мою доброту исключительной, вспоминая о том, что говорится об исключениях, подтверждающих правила; но перед лицом моих последовательных и логичных рассуждений она должна была принять очевидные факты; и хотя ее уважение к религии оставляло у нее сомнения, она согласилась со мной, что рациональное обучение и научное образование бережет детей от ошибок, придает людям необходимую доброту и реорганизует общество в соответствии с принципами справедливости.

Ее искренне впечатлила мысль о том, что она могла бы быть в таком же положении, что и те оборванцы, которые оскорбляли ее, если бы она выросла в тех же условиях, что и они. Точно так же из-за своих предрассудков о врожденности идей она не могла удовлетворительно разрешить проблему, которую я перед ней поставил: если представить себе детей, выросших вне всякого контакта с религией, что знали бы они о боге, вступая в возраст совершеннолетия?

Настал момент, когда мне показалось, что мы теряем время, если от слов не перейдем к делам. Разделять идеи о возрождении человечества и при этом вести пассивную, безразличную, растительную жизнь, обладая, благодаря несовершенству общественной организации и случайностям рождения, важными привилегиями, было все равно, что видеть другого человека в опасности и не протягивать ему руки спасения. Поэтому однажды я сказал сеньорите Мёнье:

— Сеньорита, мы подошли к такой точке, на которой было бы правильно определиться, как нам искать новые ориентиры. Мир нуждается в нас, ждет нашей поддержки, и, по совести, мы не можем отказать ему в ней. Мне кажется, что употреблять на удобства и удовольствия

те средства, которые формируют часть общечеловеческого наследия, и которые могут послужить для основания полезного учреждения, исправляющего нравы, является мошенничеством, а это не считается правильным ни в концепциях верующих, ни в концепциях вольнодумцев. Поэтому, я объявляю Вам, что Вы больше не можете рассчитывать на меня в Ваших последующих путешествиях. Я в долгу перед своими идеями и перед человечеством и думаю, что и Вы, в первую очередь, после того, как Вы сменили свою старую веру на рациональные убеждения, должны чувствовать такой же долг.

Это решение удивило ее, но она признала мою правоту и, без дальнейших побуждений, движимая исключительно своей природной добротой и здравым смыслом, она щедро выделила средства, необходимые для создания на деле учреждения рационального обучения — Современной школы, которую я уже создал до этого в своей голове.

Что бы ни выдумывали злые языки по этому поводу с тех пор, как мне пришлось подвергнуться судебным допросам, все это является полнейшей клеветой.

Высказывалось предположение, что я обладал над сеньоритой Мёнье определенной властью, которой пользовался в эгоистических целях; такое предположение, которое может оскорбить меня, пятнает память этой достойной и уважаемой сеньориты и не соответствует истине.

Со своей стороны, я не должен оправдываться. Я вверяю суровому суждению бесстрастных судей свое оправдание, заключающееся в моих действиях и в моей жизни; но сеньорита Мёнье заслуживает уважения людей, обладающих чистой совестью, свободных от догматичной и сектантской тирании, тех, кто порвал с ошибками, тех, кто не подчиняет свет рассудка тем веры, а достоинство и гордость свободы — низкой угодливости подчинения.

Она была исполнена искренней веры: ее с детства приучили доверять и подчиняться иерархической корпорации под названием Церковь, претендующей на роль посредника между созданием и создателем, со всеми ее таинствами и догмами, и она совершенно спокойно жила с этой верой.

Услышав мои мнения, размышления и советы, но не в качестве прямых указаний, а в качестве естественных ответов на ее прозелитические намерения, она поняла, благодаря логике, что, когда она ставит веру выше разума, ее слабые суждения уступают силе моих логических умозаключений.

Меня нельзя считать дьяволом-искусителем, ведь всякий раз, когда она пыталась атаковать мои убеждения, ей приходилось признать свое поражение в борьбе между верой и собственным рассудком, пробудившимся благодаря усилиям, благодаря опрометчивому желанию отрицать убеждения оппонента, противоположные ее вере, и попыткам переубедить его.

В своей наивной искренности она пришла к тому, что простила тех оборванцев Коммуны как бедных и необразованных детей, которых превратили в потенциальных преступников и нарушителей общественного порядка их лишения, а также привилегии других, не менее закоснелых нарушителей общественных законов, тех, кто, в противоположность этим несчастным, могут жить, не делая ничего полезного, эксплуатируя необразованность и нищету, пользуясь несметными богатствами и претендуя, благодаря отправлению ритуальных церемоний и благотворительности, на вечное обладание земными наслаждениями и в потустороннем мире.

Награда за легкие добродетели и наказание за несмываемые грехи заставили взбунтоваться ее сознание и охладили ее религиозный пыл, и, вкупе с желанием разорвать атавистическую цепь, столь сильно затруднявшую любые обновления, подвигли ее на искупительную деятельность, которая давала бы детям возможность естественного воспитания в условиях ис-

пользования без малейшей растраты всего груза знаний, которые человечество добыло благодаря труду, изучению, наблюдению и методичности поколений всех времен и народов.

Таким образом, она решила, что через работу бесконечной мудрости, скрытой от нашего разума оболочкой тайны, или благодаря человеческим знаниям, добытым через страдания, противоречия и сомнения, — будь что будет, — но она сможет сделать вклад, пожертвовав часть своих богатств на необыкновенно высокое дело, и это послужит ее личному удовлетворению и успокоит ее совесть.

III. Принятая ответственность

Теперь, обладая необходимыми для моих целей средствами, я, не теряя времени, решил применить их на практике.

Появилась возможность перейти от от неясного, еще не очень определенного побуждения к делу, и я начал думать над тем, как его уточнить, сделать более жизнеспособным, и, по сути, осознавая свою компетентность в сфере педагогической методики и в то же время особо не веря в прогрессивность титулованных педагогов, считая их большей частью связанными профессиональными и прочими пережитками, я направил свои усилия на поиск компетентного человека, чьи знания, практика и высота взглядов совпадали бы с моими упованиями, для того чтобы можно было сформулировать программу Современной школы, которую я уже замыслил и которая должна была стать не столько совершенной моделью для будущих школ рационального общества, сколько ее предшественницей, наиболее рационально, по возможности, адаптированной к среде, воплощая в себе позитивное отрицание школы прошлого, сохранявшейся по сей день, и будучи подлинно направленной в сторону того полного, целостного, научного образования, которое будут получать дети будущих поколений.

Я убежден в том, что ребенок рождается без готовых идей, что он перенимает их в ходе своей жизни у непосредственно окружающих его людей, позже изменяя эти идеи путем их сравнения, а также благодаря чтению, наблюдениям и отношениям, существующим в окружающей его среде, поэтому очевидно, что если ребенка учить позитивным и соответствующим истине идеям обо всех вещах, предупреждать его о возможных ошибках, чтобы он мог избежать их, необходимо, чтобы он не принимал все на веру, а учился всему через рациональную демонстрацию, тогда он станет наблюдательным и выйдет из школы уже готовым к любому виду обучения.

Я нашел человека, которого искал, и, пока он набрасывал первые строчки плана для реализации, я направил свои усилия в Барселоне на создание заведения: определение места, его подготовку, закупку материалов, поиск и прием на работу персонала, публикацию объявлений, выпуск проспектов, пропаганду и т. д. Меньше, чем за год, несмотря на обман со стороны одного субъекта, принявшего от меня заказ и поставившего меня под угрозу краха, все уже было готово. Причем следует отметить, что вначале мне пришлось бороться со многими трудностями, создаваемыми не столько врагами рационального обучения, сколько определенным классом прожектеров, предлагавших мне в качестве продукта своих знаний и опыта советы и рекомендации, которые нельзя было рассматривать иначе, чем проявление их заботы о самих себе. Так, например, были те, кто, вдохновленные мелочностью регионального патриотизма, предлагали мне ввести обучение на каталонском, ограничивая человечество и весь мир несколькими тысячами местных граждан, зажатых в углу между Эбро и Пиренеями. «Я хотел бы ввести обучение даже не на испанском, — ответил я каталонскому фанатику, — если бы уже существовал универсальный язык, признанный в качестве такового». В сто раз лучше эсперанто, чем каталонский.

Этот инцидент лишь в очередной раз убедил меня, что в исполнении своих планов я не должен полагаться на престиж высокообразованных людей, которые со всей своей славой даже на шаг не продвигаются по пути прогресса.

Я чувствовал на своих плечах вес добровольно принятой на себя ответственности и собирался выдержать ее так, чтобы моя совесть осталась спокойной.

Враг социального неравенства, я не ограничился жалобами на его последствия, решив бороться с ним в зародыше, уверенный, что только таким образом можно было положительно прийти к справедливости, т. е. к тому самому желанному равенству, которое вдохновляет любое революционное рвение.

Если материя едина, нерукотворна и вечна, если мы живем на второстепенном астрономическом теле, окруженном бесчисленным количеством миров, наполняющих бескрайний космос, как это преподают в университетах, и о чем знают те привилегированные слои, что монополизировали универсальную науку, то нет причин и не может быть предлогов для того, чтобы в начальной школе, которую, по мере своих сил поддерживает народ, внушали, что Бог создал мир за шесть дней, а также весь прочий абсурд религиозных идей.

Истина принадлежит всем социальным слоям и всему миру. Присваивать ей цену, оставлять ее в качестве монополии власть имущим, держать в систематическом неведении бедноту и, что еще хуже, учить последнюю догматичным официальным истинам, противоречащим науке, лишь для того, чтобы она принимала без протестов свое жалкое и унижительное состояние при демократическом режиме — нестерпимо и возмутительно, и я, со своей стороны, считаю, что самым эффективным протестом и самым позитивным революционным действием было бы давать угнетенным, обездоленным и всем тем, кто чувствует в этом вполне оправданную потребность, ту истину, которую от них обманом скрывают, и которая может придать достаточно энергии великому делу преобразования общества.

Здесь я привожу первое уведомление общественности о существовании Современной школы:

Программа

Задача Современной школы заключается в том, чтобы обучающиеся в ней мальчики и девочки стали образованными, правдивыми, справедливыми и свободными от всех предрассудков людьми.

В этих целях, обучение догмам будет заменено рациональным обучением естественным наукам.

Оно будет побуждать, развивать и направлять личные способности каждого ученика, чтобы он, со всеми своими лучшими индивидуальными качествами, не только стал полезным членом общества, но и вследствие этого повышал, благодаря собственным качествам, достоинство своего общества.

Школа будет обучать истинным социальным обязанностям в соответствии со справедливой максимой: *нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей.*

Принимая во внимание хорошие результаты совместного обучения за рубежом, и главным образом в целях реализации задач Современной школы, направленной на подготовку истинно братского человечества без разделения по половому или классовому признаку, в школу будут приниматься дети обоего пола в возрасте от пяти лет.

Для выполнения своей миссии, Современная школа будет открыта и по воскресным утрам, посвящая занятия изучению человеческих страданий в общем ходе истории и воспоминаниям о видных представителях науки, искусства и борьбы за прогресс.

В этих занятиях смогут участвовать семьи учеников.

Стремясь к будущей плодотворной работе Современной школы в гигиенически приемлемых условиях, мы позаботились о том, чтобы создать медицинскую инспекцию для обследования новых учеников. Заключение о здоровье учеников, при необходимости, следовало сообщать их семьям во избежание распространения заразных болезней в часы, отпущенные на школьные занятия.

За неделю до открытия Современной школы, я пригласил местную прессу посетить ее, для того чтобы она смогла опубликовать соответствующее объявление, и в качестве исторического документа на память сохранил следующую вырезку из ежедневной газеты *El Diluvio*:

Современная школа

По любезному приглашению, мы стали гостями на церемонии основания новой школы, которая открылась под вышеприведенным названием на улице Байлен.

Наше будущее выходит из школ. Все, что строится на других основаниях, — строится на песке. Более того, к сожалению, школа может служить цементом как для бастионов тирании, так и для дворцов свободы. С этой отправной точки начинаются как варварство, так и цивилизация.

Поэтому мы рады видеть, что патриотичные и гуманные люди, понимая значение этой социальной функции, которую наши правительства систематически игнорируют, а народ вверяет своим вечным врагам, начинают столь разумно заполнять этот вакуум своей **Современной школой**, настоящей школой, чья суть не может заключаться в удовлетворении сектантских интересов и окаменелой рутины, как это происходило до сих пор, но лежит в создании интеллектуальной среды, где недавно пришедшие к жизни поколения, получают самые разнообразные знания, самые разнообразные открытия, которые прогресс беспрестанно совершает на своем пути.

Однако эта цель может быть достигнута только через частную инициативу. Исторически установленные учреждения, зараженные всеми пороками прошлого и мелочностью настоящего, не способны выполнить эту прекрасную функцию. Именно благородным душам, альтруистичным сердцам предстоит открыть новую тропу, по которой новые поколения будут идти к своей счастливой судьбе.

Именно это делают или, по крайней мере, стремятся к этому основатели скромной **Современной школы**, которую нам довелось посетить по любезному приглашению ее руководителей и заинтересованных в ее развитии лиц. Речь идет не о промышленной эксплуатации, как в большей части инициатив подобного рода, а о педагогическом опыте, с неким подобием которого мы сталкивались лишь в случае **Свободного института обучения** в Мадриде, если говорить об учебных заведениях, существующих в нашей стране.

Концепция была блестяще выражена сеньором Саласом Антоном в его программной речи, которую он в непринужденном тоне произнес перед группой журналистов и участников небольшого праздника по случаю открытия школы, в которой будет развиваться вечная идея обучения детей *полноте истины и только истины* или же, по крайней мере, тому, что доказано на данный момент. Ограничимся упоминанием господствующей, по удачному выражению этого сеньора, идеи: речь идет не о том, чтобы создать еще один экземпляр уже существующих, т. н. *светских* школ с их пристрастными догмами, а о том, чтобы создать свободную наблюдательную площадку, открытую четырем ветрам, чей горизонт не закрывает, мешая свету человеческого познания, ни одно облако.

Да простят нам, если мы скажем, что излагаемые в **Современной школе** представления будут соответствовать всему багажу знаний научного характера, необходимых для самых прогрессивных методов, известных Педагогике сегодня, точно так же, как инструменты и аппараты, являющиеся крыльями науки и самым мощным проводником знаний для обучающихся. В самой сжатой формулировке, можно сказать, что обучение *вещами* сменит в этой

школе обучение *словами*, принесшее столько горьких плодов в образовании наших соотечественников.

Достаточно бросить один взгляд на скромные аудитории этого вновь открытого учреждения, дабы убедиться, что оно предлагает улучшенные условия для того, чтобы сдерживать подобные обещания. Материалы, настолько игнорируемые в нашей образовательной системе, причем как в государственных, так и в частных школах, представлены в новой школе образцами животных и растительных организмов, минералогическими, ботаническими и зоологическими коллекциями, кабинетом физики со специальной лабораторией, проектором, питательными, промышленными, минеральными веществами. Можно надеяться, что с помощью этих материалов и под опытным руководством преподавателей, впитавших в себя дух нашего времени, включая среди прочих известного экс-журналиста сеньора Колумбьера, появится, по крайней мере, в зародыше школа будущего.

Пока же последователи есть только у недостатков.

IV. Первоначальная программа

Настал момент подумать об официальном открытии Современной школы.

За некоторое время до этого я предложил ограниченному кругу лиц, пользующихся достойнейшей репутацией образованных и прогрессивных людей, образовать, в случае их благосклонного согласия, Консультационный совет, который мог бы руководить моими действиями через свои рекомендации. Встреча этого совета в Барселоне, где у меня были ограниченные связи, стала очень полезной для меня, и я рад был убедиться в том, что меня знают. На этом совете была высказана идея провести громкую церемонию открытия Современной школы, что могло бы иметь благотворные последствия: расклеить яркие плакаты, опубликовать объявления в прессе, снять хорошее место, заказать музыку и пригласить пару красноречивых ораторов из числа молодых политиков из либеральной партии — все это было бы очень легко выполнить, собрав при этом несколько сотен зрителей, которые аплодировали бы с тем преходящим энтузиазмом, который обычно украшает наши публичные деяния; но меня не соблазнили подобные торжества. Будучи в равной мере позитивистом и идеалистом, я хотел со скромной искренностью начать дело, направленное на далеко идущие революционные цели. Все остальное казалось мне поражением, раздражающей уступкой условностям, уступкой тому же злу, которое на все опасности стремится ответить гарантиями успеха и благополучия; поэтому предложение Консультационного совета было отвергнуто моим сознанием и моей волей, которые в этом случае и во всем, что было связано с Современной школой, представляли собой нечто вроде исполнительной власти.

В первом номере *Бюллетеня Современной школы*, опубликованном 30 октября 1901 г., я в общих словах изложил ее основные принципы.

Плоды воображения, концепции *a priori*, вся мешанина домислов и фантазий, принимаемых за истину и навязываемых до настоящего времени в качестве основного критерия человеческого поведения, после долгих мучительных испытаний, но, обращаясь в замкнутом кругу, потерпели поражение со стороны рассудка и вызвали недоверие со стороны совести.

В наше время солнце освещает не только вершины, свет знания заливает даже подножия гор. Наука, к счастью, больше не является привилегией замкнутого кружка; ее благотворное сияние так или иначе распространяется на все социальные слои. Она повсюду разоблачает традиционные заблуждения; благодаря уверенным результатам своих опытов и наблюдений, она позволяет людям формировать верные суждения и реальные критерии, касающиеся всех вещей и управляющих ими законов, и в настоящее время, своим неоспоримым, несомненным авторитетом она работает на благо человечества, на то, чтобы раз и навсегда покончить со всеми привилегиями и исключительными правами, она становится главной направляющей силой человеческой жизни, придавая ей универсальное, гуманное измерение.

Современная школа была учреждена на основе скромных материальных возможностей и мощных рациональных убеждений, благодаря той решимости, которую мы проявляли несмотря на всевозможные препятствия. Ее задачей стало осуществление педагогического обучения, основанного на естественных науках, без уступок традиционным нормам. Этот новый метод является единственно реальным и признанным во всех уголках цивилизованного мира, будучи подкрепленным бесчисленными работами, появившимися на свет благодаря высоким умам и самоотверженной воле.

Мы не стали игнорировать и окружающих нас врагов. Мы не стали игнорировать бесчетные предрассудки, которыми пропитано социальное сознание страны. Лишь структура средневековой субъективной, догматичной педагогики, смехотворным образом предполагает существование непогрешимого критерия. Мы не стали также игнорировать тот факт, что согласно закону наследования, подкрепленному предпосылками окружающей среды, пассив-

ные тенденции, и так свойственные малолетним детям, еще больше и с крайней легкостью усиливаются у подрастающего поколения молодежи.

Нам предстоит упорная борьба и интенсивные труды, но мы уверены, что достигнем триумфа, которого добиваемся благодаря постоянству и упорной воле, как необходимому проявлению нравственности; что мы воспитаем живые, способные реагировать, умы; что эти умы наших учеников, освободившись от рациональной опеки нашего Центра, останутся смертельными врагами предрассудков; что это будут стойкие умы, способные формировать свои собственные разумные убеждения касательно любого предмета своих размышлений.

Это не означает, что мы предоставим ребенку самому формировать собственные концепции с самого начала периода его обучения. Сократический метод ошибочен, если следовать ему дословно. Сама конституция мозга, в начале развития, требует того, чтобы обучение, в первые годы жизни, было рецептивным. Учитель сеет семена знаний, и они, по мере того, как с возрастом укрепляется мозг, порой приносят плоды и цветы, соответствующие инициативе и характерным чертам интеллектуальной конституции обучающегося.

С другой стороны, нам предстояло продемонстрировать, что мы считаем абсурдной ту забавную концепцию, согласно которой образование, основанное на естественных науках, атрофирует идеализм. Повторимся, мы считаем ее абсурдной, потому что убеждены в обратном. Наука лишь исправляет, выпрямляет его, гарантирует его функционирование, обогащая идеализм чувством реальности. Конечная цель мозговой энергии человека заключается в производстве через искусство и философию *идеалов*, этих *гипотетических* порождений высоких умов. Но для того, чтобы идеал не деградировал в фантазию или в призрачные мечты, и чтобы гипотетичность не становилась фундаментом для замков из песка, абсолютно необходимо, чтобы он строился на надежном, непоколебимом фундаменте точных и позитивных естественных наук.

Более того, нельзя обучать человека, полностью подчиняя его ум дисциплине, пренебрегая сердцем и отодвигая на задний план волю. Человек, в единстве функций его мозга, является сложным существом; он обладает несколькими основополагающими гранями, это зрячая энергия, это чувство, которое отвергает или придерживается определенных концепций, и воля, которая материализуется в действиях, это восприятие и любовь. Лишь мрачное состояние души, борющееся против физических законов человеческого организма, способно создать ту ужасную бездну, в которую повергается здоровое и прекрасное чувство неразрывной связи с окружающим миром, и, тем не менее, этот развод между мыслью и желаниями уже стал разменной монетой. Сколько же у него фатальных последствий! Причем вовсе не обязательно обращать внимание на политических лидеров и на порядки социальной жизни: они глубоко пронизаны схожим зловредным дуализмом. Многие из них, несомненно, сильны в своих ментальных способностях; они обладают богатством идей; они даже понимают реальный ход вещей и прекрасные концепции, приспособляющие науку к жизни отдельных людей и народов. Тем не менее, их безудержный эгоизм, их узкие интересы... все это в сочетании с ослаблением традиционных понятий, лишь образует непроницаемую оболочку на их сердцах, мешающую доступу туда прогрессивных идей, которые у них есть, но при этом не превращаются в чувства, всегда направлявшие человеческое поведение. Отсюда сдерживание прогресса и создание препятствий для передовых идей; и, как следствие, скептицизм коллективов, смерть народов и справедливое негодование угнетенных.

Мы решили поставить перед собой, в качестве цели нашей педагогической миссии, задачу добиться того, чтобы в одном человеке не оставалось этого раздвоения личности: когда словно бы есть один индивид, который видит и одобряет истинное и хорошее, и другой, который следует злему и навязывает его первому. И поскольку приняли естественные науки

за образовательную модель, мы считаем, что когда интеллектуальные представления, которые дает обучающемуся наука, трансформируются в чувства, он начинает интенсивно любить их. А чувство, когда оно сильно, проникает и распространяется до самых глубин человеческого существа, формируя и расцветивая характер человека.

Как и практическая жизнь, поведение человека обращается в замкнутом кругу его характера, следовательно, молодой человек, обученный соответствующим образом, руководствуясь своим особенным пониманием мира, превращает для себя науку, пропущенную через чувства, в единственного, благодетельного учителя своей жизни.

8 сентября 1901 г. была проведена инаугурация школы с фактическим количеством 30 учеников; 12 девочек и 18 мальчиков.

Этого было достаточно для первого набора, на тот момент было решено не увеличивать их число, чтобы облегчить присмотр, предвидя те соблазны, которые могли появиться из-за совместного обучения мальчиков и девочек, у заклятых врагов нового обучения.

Стечение народа образовалось благодаря публике, привлеченной новостью, опубликованной в прессе, семьям учеников и делегатов различных рабочих обществ, приглашенных, чтобы облегчить руководство церемонией. В президиуме со мной были профессора и Консультативный совет, двое из членов которого изложили систему и цели этого нового учреждения. Так, в трезвомыслящем и искреннем настрое, была создана эта *Современная, Научная, и Рациональная Школа*, уже вскорости прославившаяся в Европе и Америке, в названии которой, даже если со временем и будет утрачивать свою актуальность слово «современная», характеристики *рациональной и научной* школы будут лишь усиливаться.

V. Совместное обучение обоих полов

Самым важным проявлением рационального обучения, которое могло сразу шокировать многих, если принять во внимание интеллектуальную отсталость страны, стало совместное обучение девочек и мальчиков.

Это не стало абсолютным новшеством в Испании, потому что и в этой империи бедности в ее, так сказать, примитивном состоянии, есть деревеньки, удаленные от центров и путей сообщения, расположенные в долинах и горах, в которых благодетельный сосед, или священник, или пономарь деревни обучают мальчиков и девочек католицизму и порой букварю совместно; более того: бывали случаи, когда само государство официально разрешало, а если нет, то, по крайней мере, мирилось с этим в маленьких деревнях, чьих общих средств не хватало на оплату учителя или учительницы; ведь иногда именно учительница, а не учитель, занимается обучением мальчиков и девочек, как я сам мог убедиться в одной маленькой деревеньке недалеко от Барселоны; но в городах до тех пор не существовало смешанных школ, и если иногда до нас доходили через литературные источники новости о совместном обучении в других странах, никто не думал о том, чтобы перенять это в Испании, где само предложение ввести это важнейшее новшество казалось безумной утопией.

Зная об этом, я стремился не пропагандировать это новшество публично; ограничиваясь тем, что претворял его в жизнь в частном, индивидуальном порядке. Всех, кто просил записать ученика, мы спрашивали, есть ли в семье девочки, чтобы записать и их в ученицы, поскольку необходимо было объяснить всем причины, по которым мы выступаем за совместное обучение и, хотя работа была тяжелой, результаты были плодотворными. Если бы мы заявили об этом публично, это породило бы тысячу вопросов, это обсуждалось бы в прессе, ведь условности и страхи того, что скажут, являются ужасным препятствием, сводящим на нет бесконечное множество хороших идей, они довлеют над рассудком и, если и не уничтожают идею полностью, ее становится крайне трудно осуществить: продолжая свое дело, я смог обеспечить присутствие достаточного количества мальчиков и девочек на инаугурации, и с тех пор это число постоянно росло, как показывают цифры, приведенные в *Бюллетене современной школы*, которые я приведу ниже.

Совместное обучение обладало для меня фундаментальным значением, оно было необходимо не только для реализации идеала рационалистического обучения, но и само представляло собой идеал, родившись в Современной школе, прогрессивно развиваясь без каких-либо исключений и давая нам уверенность в достижении поставленных целей.

Природа, философия и история учат нас, вопреки всем препятствиям и атавизмам, что женщина и мужчина дополняют друг друга в человеческой жизни, и незнание этой существенной истины было и остается причиной серьезных бед.

Во втором номере *Бюллетеня* я привел обширные доводы в пользу совместного обучения в следующей статье.

Необходимость совместного обучения

Совместное обучение принято у всех цивилизованных народов. Многие из них уже давно убедились в его прекрасных результатах.

Основная идея совместного обучения заключается в том, чтобы дети обоих полов получали одинаковое образование; чтобы они одинаково развивали свой ум, очищали сердце и закаляли свою волю; чтобы женская и мужская части человечества лучше понимали друг друга с самого детства, чтобы женщина, не на словах, а на деле, в реальности, становилась подругой мужчины.

В одном из самых трансцендентальных актов нашей жизни, когда мужчина и женщина соединяются в браке, в торжественной церемонии, мужчине говорят, что женщина является его подругой и спутницей жизни.

Это пустые, бессмысленные слова, не встречающие реального и рационального воплощения в жизни, потому что в христианских церквях, особенно в католической, мы видим и ощущаем полную противоположность этой идее дружбы. Судите сами: одна добросердечная христианка, недавно совершенно искренне горько жаловалась на свою церковь за моральное унижение, которому подвергается ее пол среди правоверных: *было бы безбожной дерзостью со стороны женщины стремиться попасть в храм даже в самую низшую категорию пономарей.*

Тот, кто не замечает, что положение женщины под влиянием христианской морали остается тем же, что и в древности, а может даже и хуже и с отягчающими обстоятельствами, должен страдать от умственной слепоты. В наших христианских обществах, повсюду в результате патриархальной эволюции, происходит так, что женщина, не принадлежа самой себе, остается не более и не менее чем придатком мужчины, постоянно привязанным к столбу его абсолютного господства, иногда... золотыми цепями. Мужчина превратил ее в вечно младшее существо. Калеча ее, он следует дилемме: или угнетает ее и заставляет молчать, или обращается с ней как с избалованным ребенком... стремящимся понравиться капризному господину.

Если и может показаться, что для нее наступает заря нового дня, если в течение какого-то времени в этой стране начинает проявляться ее воля, и она начинает обретать крохи независимости, если из рабыни она начинает переходить, хоть и с раздражающей медленностью, в категорию ученицы, к которой относятся со вниманием, то это благодаря искупительному духу науки, начинающему преобладать над сельскими обычаями и указами местных правителей.

Человеческий труд, направленный во благо человеческого вида, до сих пор был недостаточным: он должен сочетаться с преемственностью; он должен быть доверен в равной мере и мужчине, и женщине. Следует учитывать, что цель мужчины в человеческой жизни, в его жизненной миссии, заключается как не в подчинении женщине, так и не в господстве над ней, которое мы стремимся упразднить. Речь идет о различных качествах, и между столь разными вещами не может быть сравнения.

Как утверждают многие психологи и социологи, человечество разделяется на две основные категории: мужчина олицетворяет сферу мышления и прогрессивного духа; женщина олицетворяет интенсивные чувства и элемент стабильности.

С еще большими основаниями следует учитывать тот факт, что этот образ жизни не дает благоприятной среды для распространения идей реакционеров всех видов, и не имеет ничего общего с ними. Если консервативный элемент и эмоциональные качества преобладают у женщины по закону природы, то из этого вовсе не следует делать вывод о том, что законным сопутствующим последствием для подруги мужчины, из-за личного склада ее характера, является то, что ей нельзя думать о чересчур важных вещах, или же что ее ум функционирует в направлении, противоположном науке, веря в суеверия и приметы всех типов.

С другой стороны, считается, что женщина обладает повышенной эмоциональностью. Она не владеет тем, что она получает, как эгоистичная монополистка; ее мнения, ее идеи, все добро и зло, формирующие ее моральные сокровища, когда она их выказывает, она передает с избыточной щедростью тем людям, которые связаны с нею, благодаря таинственным качествам своей чувственной натуры. Отсюда проистекает то, что общеизвестно: с утонченным мастерством и безупречной интуицией они раскрывают весь свой моральный облик, всю свою душу перед избранными ими возлюбленными.

Если самые первые идеи являются ростками истины, семенами соответствующих знаний, посеянными в сознании ребенка его первым педагогом, в соответствии с научной обстановкой своего времени, то в его отчем доме творится абсолютно доброе, здоровое со всех сторон дело.

Если же человек, в самом раннем возрасте своей жизни, воспитывается на сказках, на всевозможных заблуждениях, противоположных направлению науки, чего ждать от его будущего? Когда ребенок повзрослеет, он станет препятствием для прогресса. Сознание человека в детском возрасте совпадает с его физиологической природой: оно нежно, уязвимо. Оно очень легко воспринимает все, что поступает снаружи. Однако со временем его пластичность затвердевает; его первоначальная чрезмерная податливость превращается в относительную устойчивость. С этого момента можно сказать, что скорее развиваются первые понятия, усвоенные от матери, чем происходит наложение, отождествление с сознанием молодого человека. Чистые воды самых рациональных идей, внушенных при социальном обмене или в результате самообучения, способны порой очищать ум человека от ошибочных концепций, усвоенных в детстве. Но как происходит в практической жизни, в сфере поведения, подобная трансформация ума? Не следует забывать, что, в конечном итоге, чаще всего, в потаенных уголках сердца прячутся мощные эмоциональные склонности, происходящие из самых ранних идей. Именно отсюда у большинства людей появляется абсолютное противоречие между мыслью и действием, рассудком и волей, постыдное и отвратительное противоречие, которое чаще всего служит срыву добрых дел и параличу прогресса. Эти первоначальные отложения, усвоенные от наших матерей, являются настолько прочными, стойкими, что превращаются в нашу суть, и какие же сильные энергии, какие мощные характеры нужны для того, чтобы исправить мысль и волю, когда те, проникая порой в глубины я, составляя весь инвентарь его идей, постоянно сталкиваются с умерщвляющей *иезуитской* субстанцией, переданной им матерью.

Женщина не должна быть заключенной кухни. Радиус ее действий должен распространяться за пределы стен домов: этот радиус должен распространяться до границ всего общества. Для того чтобы женщина могла реализоваться в добрых делах, ее знания не должны сводиться к дозволенному уровню ниже нуля: их качество и количество должно соответствовать качеству и количеству знаний мужчины. Наука, проникая в мозг женщины, ведет его правильной

дорогой, освещает этот богатый источник чувств; этот неизведанный до сих пор феномен; это добрая весть для будущего мира и счастья в обществе.

Секретан говорил, что женщина представляет собой *неразрывность*, а мужчина — *перемены*; что мужчина — это индивид, а женщина — вид. Но перемены, видоизменения в жизни нельзя понять, они могут казаться мимолетным, несостоятельным явлением, которому не хватает реальности, если не будет труда женщины, утверждающей и укрепляющей то, что производит мужчина. Индивид, как таковой, представленный в парне, является однодневным цветком, обладающим эфемерным значением в обществе. Женщина, представляющая вид, обладает миссией удержания, в самом виде, элементов, улучшающих жизнь, но, для того чтобы они были адекватно поняты, необходимо, чтобы она обладала научными познаниями.

Человечество будет улучшаться быстрее, оно будет следовать твердым и постоянным шагом по восходящему пути прогресса, стократно увеличивая свое благосостояние, если представит сильному, импульсивному чувству женщины идеи, завоеванные наукой. Рибо говорит, что идея является не больше, чем идеей, т. е. простым, ничего не производящим, ни на что не способным, неконструктивным фактом познания, если она не сопровождается чувством, эмоциональным состоянием, если ее тенденции не пробуждают, так сказать, движущие элементы.

Отсюда можно заключить, что для блага прогресса, когда наружу выходит идея, посвященная истине в научном мышлении, ее нельзя оставлять в подвешенном состоянии даже на короткий промежуток времени. Этого можно избежать, наполнив идею чувством, сообщив ей любовь, так чтобы человек, к которому приходит эта идея уже не оставлял ее до тех пор пока не реализует ее в жизни.

Когда это все произойдет? Когда между идеями и страстным, неистовым сердцем будет реализован союз в *душе* женщины; тогда в цивилизованных странах свершившимся фактом станет *моральный матриархат*. Тогда человечество, с одной стороны, уже внутри семейного очага, будет обладать педагогическим опытом, возвращающим в направлении идеала семена новых поколений; и, с другой, будет располагать апостолом и убежденным пропагандистом, который, в первую очередь, через свои чувства сможет учить людей свободе, и целые народы солидарности.

VI. Совместное обучение общественных классов

То же, что касается, общего обучения обоих полов, на мой взгляд, касается и социальных классов.

Я мог бы основать бесплатную школу; но школа для бедных детей не смогла бы стать рациональной школой, потому что если не обучать их легковерию и подчинению, как в старых школах, они непременно начали бы склоняться к бунту, у них спонтанно начало бы проявляться чувство ненависти.

Это противоречие нельзя смягчить; нельзя создавать школы исключительно для обездоленного класса: в них будет царить или послушание благодаря заблуждениям и незнанию, систематически поддерживаемым ложным обучением, или ненависть к тем, кто подчиняет и эксплуатирует этот класс.

Эту деликатную тему лучше прояснить сразу: бунт против угнетения — это вопрос истинной эстетики, чистого равновесия между людьми, как говорится в неувядающих строках из первого параграфа знаменитой революционной Декларации: *люди рождаются и остаются свободными и равноправными*, между ними не должно быть социальных различий; если они есть, то пока одни тиранически злоупотребляют властью, другие протестуют и ненавидят; бунт — это тенденция к равенству, и, в качестве таковой, он рационален, естественен, чтобы не сказать, правомочен, так как право дискредитировало себя в плохой компании закона и религии. Скажу прямо: угнетенные, обездоленные, эксплуатируемые должны быть бунтарями, потому что они должны отстаивать свои права на полное и абсолютное участие во всеобщем достоянии.

Но Современная школа работает с детьми, которых она путем образования и обучения готовит к взрослой жизни, без предвосхищения их любви или ненависти, послушания или бунта, поскольку все это относится к долгу и чувствам взрослых; иными словами, она не хочет пожинать плоды без их предварительной культивации, она не хочет навязывать какую-либо ответственность, не сделав свой вклад в осознание условий, которые должны лечь в ее основу: дети учатся быть взрослыми, и, когда настанет их час, они сами заявят о своем бунте.

Школе для богатых детей пришлось бы тратить слишком много усилий на то, чтобы доказать рациональность принципа подобной исключительности. Сама сила вещей заставила бы ее обучать детей принципам сохранения собственных привилегий и использования собственных преимуществ.

Совместное обучение бедных и богатых, вводящее в контакт и тех и других в невинном равенстве детства, через систематическое равенство рациональной школы, является благим, необходимым и восстанавливающим справедливость методом обучения.

Я придерживался этой идеи, стараясь принимать учеников из всех слоев общества, объединяя их в одном классе, приняв систему оплаты за обучение в соответствии с возможностями родителей или опекунов учеников, без единой системы зачисления, уравнивая их, таким образом, на практике, используя как бесплатное обучение, так и минимальные и средние ставки оплаты за обучение, вплоть до максимальных.

В дополнение к вышеизложенному в этой главе я привожу статью из газеты *La Publicidad*, опубликованную в Барселоне 10 мая 1905 г., и в *Бюллетене*:

Современная школа

Наш друг D. R. C. в прошлую субботу организовал конференцию, в Республиканском центре обучения на улице Эстрелья (Грасиа), на тему, обозначенную в заголовке, с целью объяснить публике, что представляет собой современное обучение и преимущества, которые общество может получить от него.

Считая эту тему животрепещущей и достойной общественного внимания гораздо более многих других, я решил, что полезно было бы поделиться с прессой следующими впечатлениями и размышлениями, которые помогут пролить свет на важнейшие истины, и фактически, нам показалось, что участники конференции согласились с нашими идеями, но не согласились ни с предлагаемыми для их реализации средствами, ни с тем, что примеры Бельгии и Франции, приведенные нами в качестве образцов, достойны подражания.

Фактически, сеньор С. в деле основания, финансирования и управления образовательными учреждениями доверяет только государству, депутатам или муниципалитетам; что на наш взгляд является большой ошибкой, потому что если современная педагогика подразумевает новую ориентацию на рациональное, т. е. справедливое общество; если посредством современной педагогики мы предлагаем обучать и воспитывать новые поколения, демонстрируя одновременно причины и мотивы нарушения равновесия в обществе; если посредством современной педагогики мы надеемся воспитать счастливое человечество, свободное от религиозных выдумок и от всех идей о необходимости социально-экономического неравенства, мы не можем доверить ее государству и другим официальным органам, которые поддерживают привилегии, будучи консервативными, и сочиняют все законы, оправдывающие эксплуатацию человека человеком, как основу для всех самых низких злоупотреблений властью. Доказательств наших утверждений существует предостаточно, к тому же каждый может убедиться в них, посетив фабрики, цеха и доки, где трудятся наемные рабочие; спросив их как живут люди внизу и наверху, послушав устные свидетельства во всех дворцах т. н. правосудия всего мира, поговорив с заключенными всех тюрем о причинах, по которым они оказались там.

Если всех этих доказательств недостаточно для того чтобы продемонстрировать, что государство покровительствует владельцам общественных богатств и преследует тех, кто бунтует против подобной несправедливости, достаточно вспомнить о том, что происходит в Бельгии; благополучной, по словам сеньора С., стране, где правительство защищает официальное образование столь эффективно, что любая другая форма обучения там стала невозможной. В официальных школах, как сказал сеньор С., учатся дети и богатых, и бедных, и там очень приятно видеть ребенка из богатейшей семьи рука об руку с бедным и скромным товарищем. Истина заключается в том, добавим мы со своей стороны, что в официальных школах Бельгии могут обучаться все ученики; но при этом следует отметить, что образование, которое они получают, основывается на той идее, что бедные и богатые будут существовать всегда, и что социальная гармония зависит от соблюдения законов. Следовательно, чего еще хотеть хозяевам мира сего, как не того, чтобы подобное образование давали везде? Зачем им заботиться о том, чтобы рациональные идеи принимали детские головы тех, кто однажды может взбунтоваться, как это произошло недавно в Брюсселе и в других городах Бельгии, где дети богатых, воору-

женные и организованные в национальные милиции, расстреливали детей бедных, осмелившихся требовать всеобщего избирательного права. С другой стороны, новости о состоянии бельгийского образования, которые получаю я, сильно отличаются от информации сеньора С. Передо мной сейчас лежит несколько номеров льежской газеты *L'Express*, в которой под заголовками типа: *Разрушение нашего общественного образования*, можно прочитать вещи, которые, к огромному сожалению, сильно напоминают то, что происходит в Испании, не говоря уже о том, что с недавних пор там процветает конгрегационистское образование, которое, как всем известно, является ничем иным, как систематизацией безграмотности. В конце концов, неслучайно в Бельгии правит открыто клерикальное правительство.

Что же касается современного образования в республиканской Франции, мы можем сказать, что ни одна из книг, используемых во французских школах, не служит истинно светскому образованию, и добавим, что в тот же день, когда сеньор С. давал речь в Грасии, парижская газета *L'Action* опубликовала статью под заголовком *Как учить светской морали*, взятую из книги *Recueil de maximes et pensées morales*, в которой содержатся до абсурда анахроничные мысли, удушающие для элементарного здравого смысла.

Нас спросят о том, что мы готовы сделать сами, раз мы не доверяем государству, депутатам и муниципалитетам? Об этом можно спросить всех тех, кто хотел бы изменить свою жизнь: в первую очередь рабочих, затем интеллектуалов, обладающих благородными чувствами, которых если и не существует в избытке, то все же встречается достаточно. Тогда мы узнаем больше.

Тот же сеньор С. жаловался на затраты, ценой которых муниципалитет идет на требующиеся реформы. Я убежден, что гораздо меньше времени и затрат пришлось бы потратить на то, чтобы разъяснить рабочему классу, что он может рассчитывать только на себя.

Поле для деятельности обширно. Посетите рабочие общества, Республиканские братства, Центры обучения, Рабочие кружки и все остальные сообщества, заинтересованные в возрождении человечества, поговорите с этими людьми на языке истины, советуя им укреплять единство, прилагать усилия и проявлять постоянное внимание к проблеме рационального и научного обучения, демонстрирующего несправедливость существования привилегий и возможность их упразднения. Если наши усилия будут прилагаться в этом направлении, если все эти сообщества реально желают освобождения страдающего класса, потому что страдают далеко не только рабочие, да будет уверен сеньор С., что результаты будут положительными, гарантированными и полными; в то время как от правительства мы можем получить лишь запоздалые результаты, которые не послужат ничему кроме заблуждений, усложнения перспектив и упрочения господства одного класса над другим.

VII. Школьная гигиена

В отношении гигиены, в Испании доминирует католическая нечистоплотность.

Св. Алехо и Св. Бенито Лабра — это не единственные и не самые характерные поросята, якобы обитающие в небесном царстве, но они точно самые популярные у бесчисленного количества грязных учителей свинства.

С подобными типами совершенствования, в обстановке полной безграмотности, которую умело и несправедливо поддерживает духовенство, аристократия прошлых времен, а также либеральная и даже демократическая буржуазия наших времен, ясно, что дети, обучающиеся в нашей школе должны были быть сильно отсталыми в вопросах чистоплотности: их нечистоплотность была атавистичной.

Мы благоразумно и систематически боролись с ней, демонстрируя детям отвращение, вызываемое любым грязным предметом, животным, человеком; и напротив, благосклонность и симпатию, вызываемые чистотой; что все инстинктивно стремится быть ближе к чистоплотному человеку и избегают сальных и дурно пахнущих людей, и как нам самим приятно быть чистоплотными для друзей и стыдно вызывать тошноту у тех, кто нас видит.

Мы объясняли, что чистоплотность является одним из аспектов красоты, а нечистоплотность является одной из характеристик уродства, и таким образом мы решительно взялись за гигиену, демонстрируя, что нечистоплотность вызывает болезни, несет в себе опасность заражения различными инфекциями, вплоть до эпидемий, а чистоплотность служит здоровью, и нам легко удавалось благотворно влиять на наших детей, воспитывать в них склонность к чистоте и направлять их интеллект к научному пониманию гигиены.

Влияние этих поучений распространялось и на семьи учеников, благодаря их новым потребностям, изменявшим привычный образ жизни домашних. Один ребенок начинал требовать, чтобы ему мыли ноги, другой хотел купаться, третий просил зубную щетку и порошок, четвертый стеснялся пятен на одежде, пятый просил новую одежду или обувь, и бедные матери, занятые своими ежедневными обязанностями, или, порой обремененные обстоятельствами, вызванными их низким общественным положением, зачастую под влиянием религиозной нечистоплотности, заставляли замолкать своих детей с их требованиями; тем не менее, новая жизнь уже становилась знакомой в их домах и, в конце концов, идеи ребенка одерживали триумф, предвещая будущее возрождение общества через рациональное обучение.

Ниже я привожу мотивы, оправдывающие правила школьной гигиены в глазах абсолютно компетентных людей, взятые мной из двух статей, опубликованных в *Бюллетене Современной школы*.

Гигиеническая защита школ — детали применения

Жалоб предостаточно. Со всех сторон слышны одни и те же возгласы: *из 18 миллионов испанцев, 10 остаются безграмотными; испанцам не хватает образования и обучения.* Эти возгласы вызваны реальным положением дел; они абсолютно справедливы; я бы добавил, что испанцам не хватает упорства и веры в труд, обоих этих качеств; целые регионы нашего полуострова покрыты стерильной серой коркой, сквозь которую едва пробиваются тонкие ростки травы, так что эти равнины больше похожи на пустыню; этой земли не касался плуг, ее никто не возделывал в течение многих лет, ее инерцию никто не прерывал, и поэтому у нас теперь сохраняются тысячи гектаров бесплодной земли, из-за которой обнищали ее владельцы, оскорбляя этим безудержное плодородие нашей почвы. Я говорю не о каталонцах, потому что здесь отраднее видеть на самых пологих склонах, или на самых крутых гребнях, оливковые сады, виноградники, посевы пшеницы или рожковые деревья, как признаки труда и борьбы, не кончающейся до тех пор, пока сок не пойдет из камней.

Это хорошо, что наблюдатели отмечают недостаток образования, которое должно бы стать обязательным для наших ленивых граждан. Однако принятие закона, не поддержанного определенными гарантиями, не представляется мне удовлетворительной мерой; как медик, я много раз имел возможность убедиться в незащищенности встречающихся мне в школах детей, и меня глубоко тронуло отчаяние одного отца, потерявшего сына из-за болезни, подхваченной им в школе, которой можно было избежать.

Достаточно ли защищены дети в наших школах для того чтобы мать спокойно могла отпустить каждое утро свое любимое существо, которое росло вполне здоровым в ее чреве, но возвращается больным из школы? Школьные эпидемии являются доказательством этих рисков; но есть и другие заболевания, развивающиеся исподтишка, и которые по этой же причине поражают еще большее количество жертв, потому что молчание, которым их обходят, не позволяет вмешаться и предотвратить их развитие вовремя.

В течение нескольких месяцев, по чистой случайности, я был свидетелем трех подряд, с перерывом всего на несколько дней, случаев дифтерии у детей; все трое ходили в одну и ту же школу; коклюш, корь, скарлатина и другие заболевания, находят себе в школах самую плодотворную почву для эпидемических вспышек, потому что эти дети, собранные здесь, брошенные в единую среду, когда они расходятся по домам, заражают своих старших и младших братьев и сестер, так, что школьная инфекция охватывает даже грудных детей, даже новорожденных. Иногда заражаются и их родители.

Туберкулез передается таким путем.

Помимо этих ужасных болезней, лишай, глазные болезни, чесотку, истерию, растяжение спины и т. д., почти всегда подхватывают в школе.

Среда, в которой живут школьники, пользование одним туалетом, одним унитазом, обмен тетрадами и ручками, передающимися из рук в руки и изо рта в рот, взаимное угощение хлебом и лакомствами, все это смешение довольно опасно для коллектива. Многим родителям, вопреки собственному желанию, пришлось отказаться от обучения собственных де-

тей в школах, потому что они в них заболевали на каждом шагу. Если бы наши коллеги проводили регулярные ревизии школьных зданий и мебелировки, их гигиеническое состояние не было бы таким убогим. Но речь сейчас не об этом. Будем практичными. Даже обладая большим капиталом, достаточным для приведения школ в соответствие с требованиями гигиены, мы не смогли бы прервать процесс обучения, пока сносятся старые и возводятся новые здания.

Вследствие этого, будучи вынужденными использовать лишь доступные средства, думаю, что без затраты больших усилий можно было улучшить ситуацию, ограничившись *гигиенической профилактикой и образованием* в школах. Для этого не нужны сверкающие дворцы; для распространения знаний достаточно вместительных аудиторий, яркого освещения и чистого воздуха, благодаря которым школьники были бы достаточно защищены.

В других странах такие реформы были проведены правительством; здесь... мне кажется, что инициативы отдельных лиц должно быть достаточно, для того чтобы исправить эти недостатки, причем в своих же собственных интересах. Школьные учителя должны сотрудничать с медиками в школьной кампании по гигиене. Директоры школ могут без особых усилий сотрудничать с медицинскими работниками. Им следует помнить о том, что даже при реализации минимума профилактических мер можно достичь больших результатов. Они теряют, когда ребенок заболевает, перестает ходить в школу и платить ежемесячные взносы; но они теряют еще больше, когда ребенок умирает, и они лишаются клиента навсегда.

Кто знает, сколько теряет школа в своей репутации, когда происходит подобное? Одной из соседних школ с солидной репутацией пришлось послать домой многих своих учеников из-за того, что в самом начале учебного года в ней произошла вспышка эпидемии скарлатины. Насколько было бы лучше избежать ее, приняв должные профилактические меры гигиены, как в смысле доходов школы, так и в смысле страданий ее учеников?

Владельцы школ и муниципальные учителя должны сами думать об этом, без каких-либо официальных инструкций со стороны властей. Мы не будем долго распространяться на эту тему, ограничимся лишь тем, что приведем одну новость: *медицинская инспекция, проведенная в школах Нью-Йорка, временно, на период последней недели сентября, исключила 100 учеников: из них 35 страдали грануляцией глаз, 16 конъюнктивитом, 15 раздражением кожи и т. д.* Вот где можно спокойно отпустить учеников в школу!

Эта защита школы преследует общественные цели, основное и незаменимое условие для эффективности интеллектуального образования. Организация услуг, за которые должен отвечать медработник в каждой школе, должна включать в себя следующие пункты:

Здоровое помещение. В этом смысле следует наблюдать за распределением помещений, освещением, вентиляцией, отоплением, воздушными потоками, размещением туалетов и т. д. Эти элементы школы будут лучше всего способствовать педагогическому прогрессу.

Профилактика заразных заболеваний. Легкий кашель, тошнота, невысокая температура, покраснение глаз, аномальный налет на волосах, должны служить причиной для личного обследования и относительной изоляции ребенка, которому нездоровится. В этом отношении, следует полагаться на лояльную помощь семей, которые не должны скрывать корь или коклюш, или другие симптомы, от которых страдают братья или сестры учеников. Благоразумная изоляция помешает распространению инфекции в школе, и, в случае заболевания, медики определят период изоляции и меры, после принятия которых ребенок может вернуться в школу без опасности для своих товарищей.

Нормальное функционирование органов и рост. Посредством регулярных, тщательных осмотров можно точно устанавливать, насколько хорошо развивается ребенок, сталкивается

он или нет с проблемами, которые могут стать постоянными, такими как близорукость, сколиоз и пр. Такие осмотры очень полезны и для семей.

Мать, отвлеченная домашними делами, и отец, погруженный в свою работу, не замечают, когда их сын начинает хромать, когда начинает кривиться его позвоночник, когда он начинает при чтении слишком сильно приближать книгу к глазам; а когда они наконец замечают это, болезнь уже так разрослась или зашла так далеко, что для ее излечения требуются крупные затраты и жертвы. Это внимание заполнило бы пустоту, существующую во многих семьях. В этом случае задачи школьного медика уменьшились бы до упреждения родителей о симптомах болезни, чтобы они обращались к своим семейным врачам.

Физическое образование и адаптация уроков к интеллектуальным способностям каждого ребенка. Реализуется с согласия учителей. Благодаря таким проверкам дети могут избежать головной боли, бессонницы, детской неврастении и прочего вреда, причиняемого излишней нагрузкой. Благодаря этому можно привести в соответствие физический (гимнастика) и интеллектуальный труд.

Санитарное образование и обучение. Раз или два в неделю детям следует читать лекции о гигиене, благодаря которым они будут привыкать к практической гигиене, мытью рук, рта, купанию, плаванию, подстриганию ногтей и т. д.

Юный человек, которым является школьник, должен получать подобное образование и обучение; эти концепции не слишком сложны для его небольших способностей; все должно быть доступно и понятно для него. Осознавая крайнюю важность такого образования, последний Международный гигиенический конгресс в Брюсселе, издал указ о санитарном обучении, и многие известные зарубежные медики уже практикуют его, не считая, что их высокое положение страдает от этого. Я попробовал перенять эту достойную практику и в нашей стране. Когда ребенка учат любить свое здоровье, заботиться о нем, у себя дома он передает полученные знания родителям и друзьям, гарантируя таким образом распространение этих полезных знаний.

Достигнув зрелости, он будет лучше следить за своим потомством; и возможно именно благодаря этому он избавит общество от коллективного самоубийства. Из-за социальных условий нашей страны подобное обучение скажется более благотворно на Испании, чем на других странах.

Ведение биологического журнала. Такой журнал будет отслеживать появление и развитие болезней у школьника. Помимо своего статистического и антропологического значения, эта личная история обладает и очень важным практическим применением. Например: С большей или меньшей скоростью разыгрывается эпидемия тифоидной лихорадки, коклюша, кори и т. д. Обычное профилактическое закрытие школ не снимает проблему и сталкивается с серьезным противодействием. Если у нас есть биологический журнал на каждого ребенка, те, кто уже перенес эту эпидемическую болезнь, уже этим защищены, они могут продолжать ходить в школу, не подвергая риску ни себя, ни своих товарищей, а те, кто ее еще не перенес, могут пройти определенные процедуры, не прерывающие нормальное течение семейной и школьной жизни, не мешающие веселому времяпрепровождению школьников во время каникул.

Такова программа: на первый взгляд, все эти заботы могут показаться чрезмерными, каким-то нереализуемым проектом, причем я говорю не об экспериментальной педагогике, основанной на психологии, оценивающей интеллектуальные способности каждого и исследующей его частные особенности... но давайте только начнем применять эту спасительную практику к нашим школьникам, и мы увидим, что наш труд и наше упорство при-

ведут нас к вершинам, в краткие сроки, с той же легкостью, с какой мы сегодня поднимаемся на вершину Тибидабо при помощи фуникулера.

Д-р Мартинес Варгас

Игры

Игра незаменима для детей. Все согласятся с этим утверждением в том, что касается пользы игры для их конституции, здоровья и физического развития; но при этом все уделяют внимание лишь физическому развитию, производимому играми. Вот почему игры были заменены гимнастикой, как их полноценным эквивалентом, причем некоторые считают эту замену благоприятной.

Эти утверждения полностью отвергаются гигиеной. Укоренившуюся веру в то, что первостепенное внимание следует уделять физическому развитию, сменила концепция, основанная на научных знаниях. В этой сфере сегодня считается общепризнанным тот факт, что приятные ощущения и свободное развитие природных склонностей являются крайне важными факторами для возмужания и развития ребенка.

Ощущение радости, как утверждает Спенсер, *представляет собой самый мощный тонус; оно ускоряет кровообращение, улучшает отправление всех функций; усиливает имеющееся здоровье и восстанавливает утраченное. Живой интерес и веселье, которые испытывают дети в своем времяпрепровождении, так же важны, как и сопровождаемые ими физические упражнения. Поэтому гимнастика, не дающая таких ментальных стимулов, на деле малоэффективна...* Но, возразим мы мыслителю: что-то все же лучше, чем ничто. Если нам предложат выбор между отсутствием и игры, и гимнастики, и наличием гимнастики, мы сразу же, с закрытыми глазами, выберем наличие гимнастики.

Игры, в другой стороны, заслуживают переоценки своей роли в педагогике и, если угодно, большего внимания.

Сам ребенок должен искренне выказывать свои желания. В этом заключается основной фактор игры, которая, согласно Джохонноту, является приятным волеизъявлением свободной деятельности. Точно так же, нам нетрудно доказать, что абсолютно необходимо, чтобы игра была представлена в занятиях. Это понимание присутствует в самых образованных странах и в их школьных учреждениях, которые обходятся без всяческих устаревших предубеждений и не желают ничего иного кроме рациональных процедур для реализации гармоничных условий для здоровья и развития ребенка. В этих целях там изгоняют из классов и аудиторий непереносимые молчание и неподвижность, скорее характерные для смерти, и вместо них стараются привнести чувство радости, шумного веселья и ликования. Шумное веселье, радость ребенка, которыми он делится с товарищами, когда он читает, или общается со своими преподавателями, являются точным признаком его внутреннего физического и умственного здоровья.

Возможно, эти наши утверждения заставят наморщить лбы наших учителей латыни, которых, к сожалению, все еще слишком много среди нас. Как? Мы так, чего доброго, разрушим весь образовательный механизм, который нам изображают как нечто достойное уважения и неприкосновенное из-за его дряхлости. Как? Мы не признаем, исправляя ошибки наших отцов, первостепенную важность учебы из-за пропорционального чувства отвращения, которое она производит в детях! Мы оставляем простор инициативам ребенка, считая их основным путем, напрямую ведущим его к культуре, не соскабливая в то же время с него его собственные идеальные характеристики, не оставляя мысль ребенка в ловушках отцов и учителей!

Иных средств нет. Истина дурно пахнет для своих врагов. Более оптимистичный и правдивый взгляд на человеческую жизнь заставил педагогов изменить свои идеи.

Те индивиды и коллективы, которых достигла современная культура, ведут образ жизни, противоположный христианским заповедям. Идея о том, что жизнь — это крест, тяжелое и досадное бремя, которое мы должны претерпевать, пока судьба мучает нас, исчезает на чисто.

Жизнь нам дана, говорят теперь, для того чтобы радоваться ей, для того чтобы жить ей. То, что мучит нас и вызывает страдания, следует изгонять из жизни. Те, кто лишь терпит жизнь, напрашиваются на то, чтобы к ним относились как к атавистичным дегенератам, или как к недобросовестным неудачникам, если они делают это сознательно.

Высший индивидуальный долг человека заключается в том, чтобы впитывать в себя все аспекты жизни. Высший коллективный долг заключается в том, чтобы распространять жизнь повсюду. Эта прекрасная тенденция будет распространяться и укореняться в поколениях будущего, и единственное верное средство для этого заключается в поучениях Фребеля: любая хорошо организованная игра становится работой, и наоборот.

С другой стороны, игры помогают раскрыть характер ребенка и его будущее жизненное призвание.

Отцы и педагоги в какой-то мере должны оставаться *пассивными* в деле обучения. Наблюдения отца и указания педагога не должны превращаться в категорические приказы вроде механических порядков в армии или в религиозных заповедях. И тот, и другой, в процессе обучения, имеют дело с отдельной жизнью. Ей нельзя управлять посредством своевольных приказов; ее нужно развивать динамично, изнутри и снаружи, нужно только помогать естественному развитию врожденных склонностей.

Поэтому воспитатель не должен заранее, без предварительного обсуждения, терпеливо и отдающего должное естественным склонностям ребенка, решать за него, что он должен учиться на моряка, или земледельца, или врача и т. д. Разве можно заставлять детей, по одному лишь капризу тех, от кого они зависят, становиться поэтами, учиться на философов или проявлять гениальные способности в музыке? Все равны перед случаем.

Изучение игр детей демонстрирует их большое сходство с занятиями взрослых. Дети придумывают игры и играют в них с таким интересом и энергией, что остановить их может только усталость. Они работают над имитацией всего, что, в их представлениях, делают взрослые. Они строят дома, делают пироги из грязи, едут в город, играют в школу, устраивают балы, играют в доктора, одевают куклы, стирают белье, устраивают цирк, продают фрукты и напитки, разбивают сады, трудятся в угольных шахтах, пишут письма, паясничают, спорят, борются и т. д.

Страстность и эмоциональность, которую они выказывают в этих действиях, демонстрируют, насколько они для них реальны, а также то, насколько инстинкты детей абсолютно не отличаются от инстинктов людей зрелого возраста. Спонтанная игра, которую предпочитает ребенок, указывает на его будущую профессию или на естественные склонности. Мальчик играет в мужчину, и когда он достигает зрелого возраста, он начинает заниматься всерьез тем, что развлекало его в детстве.

Тейлор говорит: *Надо учить детей играть с такой же тщательностью, с какой позже они будут учиться работать... Многие девочки стали прекрасными портнихами после кройки и шитья платьев для своих кукол; как многие мальчики научились пользоваться самыми распространенными инструментами, играя в плотников. Одна моя подруга стала истинной художницей после множества игр с кисточками и красками. Другой мальчик декламировал интересные вещи, играя в театр, и несколько лет спустя он прекрасно сдал экзамен в колледже, поль-*

зуюсь знаниями, приобретенными в игре. Точно так же, многие поэтические образы отдельных авторов содержат в себе воспоминания об играх и приключениях детства.

Кроме того, игра способна развивать в детях альтруизм. Ребенок, в общем-то, является эгоистом, что обусловлено многими факторами, основным из которых является закон наследования. Этот эгоизм развивает в детях деспотические начала, и тогда они начинают командовать своими дружками.

В игре следует наставлять детей практиковать чувство солидарности. Благоразумные наблюдения, советы и обличения родителей и преподавателей должны вести детей в их играх, показывать им, что в терпимости и снисходительности к друзьям гораздо больше пользы, чем в бескомпромиссности: что закон солидарности выгоден как для других, так и для самого себя.

Р. Колумбье

VIII. Преподавательский состав

Еще одной трудностью, с которой я столкнулся, стал подбор персонала. Для формирования программы обучения и рационального образования требовались люди, способные осуществлять его, а практика показала мне, что таких людей не существует. Насколько же верно, что потребности организма создаются его органами!

Учителя-то были, как же нет! В конце концов, даже не будучи очень прибыльным занятием, педагогика все же позволяет человеку поддерживать собственное существование, и не всегда правдой является народная поговорка о бедняках: *Да он более голодный, чем школьный учитель!* Истиной является, например, тот факт, что во многих, очень многих деревнях Испании учитель входит в местную администрацию вместе со священником, доктором, аптекарем и ростовщиком, причем из них из всех последний, хотя и приносит меньше пользы, чем другие, является самым богатым человеком деревни. В общем, учитель получает муниципальную зарплату, равную зарплате своих соседей, и обладает определенным влиянием, которое иногда преобразуется в материальные блага. В крупных населенных пунктах, если учителя не удовлетворяет муниципальная зарплата, он обычно находит себе в образовательной индустрии место в специальных учебных заведениях, в которых, с согласия регионального Института, он готовит молодых буржуа к бакалавриату, а если ему не удастся найти такое привилегированное место, то он живет с щедрости сограждан.

Есть и учителя, посвятившие себя т. н. светскому образованию, пришедшему к нам из Франции, где оно имеет свой смысл, потому что там начальное образование, до того как стать светским, было исключительно клерикальным и осуществлялось религиозными конгрегациями, чего не происходило в Испании, где, каким бы христианским не было образование, им всегда занимались гражданские учителя. Однако испанские светские учителя, вдохновленные и воодушевленные свободомыслящей пропагандой и политическим радикализмом, проявляли больше свои антикатолические и антиклерикальные качества, чем истинный рационализм.

Суть в том, что профессиональным учителям, для того чтобы адаптироваться к научному и рациональному обучению, в любом случае пришлось претерпеть тяжелую подготовку, не всегда легко реализуемую из-за рутинных препятствий, и те, кто без предварительной педагогической подготовки, из-за идеалистического энтузиазма, приходили к нам, предлагая свою помощь, сами нуждались в подготовке, порой даже больше других.

Эту проблему решить было крайне трудно, потому что для такой подготовки и адаптации не существует иного средства помимо самой рациональной школы.

Тем не менее, о чудо и добродетельность системы! Создав **Современную школу** по личному вдохновению, на основе собственных ресурсов, ориентируясь на идеал, как на постоянный критерий, мы преодолевали трудности, мы раскрывали и сразу изгоняли любые догмы, любое вмешательство или отклонения в сторону метафизики, и мало-помалу формировали на практике эту новую спасительную педагогику, причем не столько благодаря моему рвению и неусыпному наблюдению, сколько благодаря самим нашим первым учителям, а иногда и благодаря искренним и наивным мнениям учеников.

Можно сказать, что если потребности создаются органами, то, в конце концов, органы удовлетворяют потребности.

Несмотря на это, настроившись довести свое дело до конца, я создал Нормальную школу, с рационалистическим обучением, осуществляемым учителями под руководством опытного профессора и с помощью преподавательского состава **Современной школы**, в которую набирались молодые люди обоих полов, и которая уже начала функционировать столь успешно, что авторитарное самовластие, подчиняясь давлению таинственных и могущественных вра-

гов, начало повсюду чинить нам препятствия, питаюсь обманчивыми иллюзиями, что сможет одерживать победы всегда.

В дополнение к идеям, изложенным в данной главе, считаю уместным включить сюда некоторые мысли об индивидуальной педагогике, изложенные в нашем *Бюллетене* моим другом Домелой Ньюенгейсом, в следующей статье:

Индивидуальная педагогика

Для детей невозможно сделать достаточно. Тот, кого не интересуют дети, не заслуживает того, чтобы кто-то интересовался им самим, потому что дети — это будущее. Но заботы о детях должны управляться здравым смыслом; доброй воли недостаточно; необходимы также знания и опыт.

Кто культивирует растения, цветы и фруктовые сады без надлежащих знаний?

Кто выращивает животных, например, собак, лошадей, кур и т. д., без знаний о том, что полезно для каждого вида?

Но при этом почти все считают, что обладают достаточной компетенцией в обучении детей, самой трудной вещи в мире, лишь потому, что являются отцами семейств.

Это действительно странно: мужчина и женщина договариваются жить вместе, рожают ребенка и считают, что благодаря этому внезапно превратились в учителей, не беря на себя труд обучиться хотя бы элементарным навыкам педагогики.

Мы не из тех, кто, вслед за Руссо, повторяет, что все, что исходит от создателя всех вещей, есть благо: что все портится только в руках человека.

В первую очередь, мы не можем сказать, что все есть благо, а затем мы должны заявить, что не знаем создателя всех вещей, и тем менее создателя с руками вроде рук рабочего, копирующего образец. А после этого мы спросим: почему говорят, что все портится? Что значит портится? Что это за идея о создателе, чью работу могут испортить люди, сами продукты рук этого создателя? Это значило бы, что один продукт может испортить другие! Если бы рабочий создавал такие продукты для своего хозяина, его живенько бы уволили, как разгильдяя и неумеху.

Давайте всегда помнить про две стороны: позитивную и негативную; обычно чаще портится позитивная сторона, чем негативная.

Какое-то дело может быть полезным, но одновременно и вредным; но если что-то мешает, природа обычно исправляет то, что плохо получается у ребенка.

Знаменитый педагог Фребель говорил: *Мы живем ради детей.* У него были, несомненно, благие намерения, и, тем не менее, он не понимал секрет образования. Эллиен Кей, в своей выдающейся книге «Век детей» дает нам много пищи для размышления, и она более права, когда говорит: *Позволим нашим детям жить ради самих себя.*

Обучение должно начинаться, когда сам ребенок просит об этом. Например, вся школьная программа, одинаковая во всех регионах Франции, смехотворна. В девять утра министр общественного образования знает, что дети читают, пишут, или считают; но действительно ли все дети, а также их учителя, хотят одного и того же в одно то же время? Почему бы не оставить учителю инициативу делать то, что он считает нужным, хотя бы потому что он знает своих детей лучше, чем господин министр или любой другой бюрократ, и должен располагать достаточной свободой для того чтобы направлять образование в соответствии со своими вкусами и вкусами своих детей? Одни и те же средства для всех желудков, один и тот же рацион для памяти каждого, один и тот же рацион для всех умов; одни и те же уроки, одна и та же работа.

Виктор Консидеран, ученик Шарля Фурье, написал важную, уже забытую книгу, которая заслуживает упоминания, *Теорию естественного и привлекательного обучения*, в которой он задает следующие вопросы: *Какой дрессировщик собак подчиняет одним и тем же правилам своих легавых, своих борзых, своих гончих, своих пуделей и овчарок? Зачем таким разным видам одинаковое обращение? Какой садовник игнорирует тот факт, что одним растениям нужно больше тени, другим солнца, одним больше воды, другим света, применяя ко всем одинаковые средства защиты и одинаковые подвязки, одинаково и в одно и то же время, подрезая их и делая одинаковые прививки всех диких саженцев? Так неужели человеческая природа значит меньше, чем природа растения или животного, чтобы уделять меньше внимания воспитанию детей, чем выращиванию шпината, салата, или собак? Мы привыкаем искать вдалеке то, что находится совсем рядом с нами, что достаточно лишь заметить и наблюдать за ним. Вещи обычно просты, но мы сами делаем их сложными и запутанными.*

Если мы будем следовать природе, мы будем допускать меньше ошибок. Официальная педагогика должна уступить место индивиду. Эллен Кей призывала потоп на всех педагогов, и если бы в ковчег попали только Монтень, Руссо и Спенсер, прогресс нам был бы обеспечен. Тогда люди не строили бы *школы*, а рассаживали бы виноградники, в которых работой учителей было бы протягивать виноградные грозди к детским губам, вместо того чтобы мешать детям пробовать больше чем в сто раз разбавленное сусло, как происходит сегодня.

В яйце находится зародыш: по законам природы, он должен расколоть скорлупу; но этого не произойдет, если яйцо не будет помещено в должную температуру. В ребенке скрыто много ростков, способностей к различным ремеслам и многочисленным призваниям, но эти призвания не проявятся в отсутствие среды и обстоятельств, благоприятных для их развития.

Если у нас есть органы, они должны формироваться и развиваться; точно так же дети должны иметь возможности развивать свою природу, и задача родителей и учителей заключается в том, чтобы не мешать их развитию. С ними происходит то же, что и с растениями: для каждой вещи свое время; сначала желтки и листва, потом цветы и плоды; но растение можно убить, если подвергнуть его искусственным процедурам, чтобы заставить его нарушить естественный порядок своего развития. Сохраняйте, поддерживайте, поливайте; вот в чем заключается труд преподавателей.

Великие основоположники социализма понимали, что в образовании заключается начало начал. Фурье и Роберт Оуэн создали оригинальные идеи, которые были недопоняты и недооценены. Ни один учебник педагогики не приводит этих имен, и, тем не менее, они заслуживают почетного места, потому что все идеи о современном образовании, распространенные сегодня, содержатся в этих сочинениях.

Величие этих героев мысли повышает ценность их глубоких мыслей. Ясность их видения достойна восхищения; но она объясняется тем, что они изучали природу.

Подчеркнем еще раз: следуйте природе, и вы будете на правильном пути.

Уже в первых номерах *Бюллетеня Современной школы* мы опубликовали следующие объявления:

Молодежи

Современная школа ввиду хороших результатов, полученных на начальной стадии, и стремясь расширить поле своей спасительной деятельности, приглашает молодежь обоих полов, желающую посвятить себя научному и рациональному преподаванию и способных к нему — что они должны доказать лично или в письме — к подготовке на курсах, открывающихся в различных районах нашей столицы.

Свободным учителям

Учителя и молодежь обоих полов, желающие посвятить себя научному и рациональному преподаванию и свободные от предрассудков и традиционных абсурдных поверий, могут связаться с Директором Современной школы по вопросу о вакансиях в различных отделениях школы.

IX. Обновление школы

Для тех, кто хочет внести свой вклад в обновление детского образования, есть два способа действий: работать над преобразованием школы, в которой учится ребенок, чтобы научно доказать, что нынешняя организация обучения дефектна, и проводить прогрессивные улучшения; или основывать новые школы, в которых будут напрямую применяться принципы, ведущие к идеалам общества и человека, разделяемых всеми, кто отвергает условности, жестокость, фальшь и ложь, лежащие в основах современного общества.

Первый способ представляет большие преимущества, отвечает эволюционной концепции, отстаиваемой всеми людьми науки, которая, на их взгляд, одна способна привести к достижению цели.

Ему принадлежит теоретическая правота, и мы готовы признать это.

Очевидно, что открытия психологии и физиологии должны породить важные перемены в образовательных методах; при их помощи преподаватели, с полным пониманием детской натуры, смогут привести свое обучение в соответствие с законами природы. Я считаю, что эта эволюция будет происходить в рамках общего процесса освобождения, так как уверен, что насилие является следствием безграмотности, и что учитель, реально достойный этого названия, будет добиваться всех своих результатов через спонтанность, зная желания своих детей и направляя уникальное развитие каждого, развивая способности каждого в самом широком смысле.

Но в реальности я не верю, что те, кто борется за человеческое освобождение, должны ждать многого от этого метода. Все правительства всегда старались управлять народным образованием, ведь они лучше всех знают, что их власть полностью основана на школах, и поэтому они с каждым разом все больше монополизировали эту сферу. Прошло то время, когда правительства противодействовали распространению образования и стремились ограничить грамотность масс. Эта тактика была возможной, пока экономическая жизнь наций допускала безграмотность народа, и эта безграмотность облегчала господство над ним. Однако обстоятельства изменились: прогресс науки и многочисленные открытия революционизировали условия труда и производства; теперь уже невозможно, чтобы народ оставался безграмотным; он должен получать образование, чтобы экономическая жизнь страны сохранялась и прогрессировала до универсальной конкурентоспособности. Признав этот факт, правительства начали совершенствовать школу, но не потому что хотят достичь обновления общества через образование, а потому что им нужны наиболее усовершенствованные индивиды, рабочие, инструменты труда для эксплуатации промышленными предприятиями и вложенными в них капиталами. Даже самые реакционные правительства участвуют в этом движении; они поняли, что старая тактика была опасной для экономической жизни их стран и что народное образование должно быть приспособлено к новым условиям. Было бы серьезной ошибкой считать, что власть имущие не предвидят опасностей, которые способны для них повлечь интеллектуальное развитие народов и что поэтому им необходимо менять методы поддержания своей власти; и, на деле, их методы постоянно адаптировались к новым условиям жизни, пока они использовали эволюционирующие идеи в собственных интересах. Стремясь сохранить старые поверья, на которых прежде основывалась социальная дисциплина, они в то же время пытаются придать результатам научных изысканий значение, которое не вредило бы существующим учреждениям власти, и поэтому они стремятся завладеть школой. Правители, которые ранее оставляли заботы о народном образовании священникам, потому что их обучение на службе у власти было полезным для них, взяли в свои руки управление школьной организацией во всех странах.

Опасность, для них, заключается прежде всего в работе человеческого ума, в новом видении жизни, в том, что из науки может возникнуть страсть к освобождению. Было бы безумием

бороться против сил эволюции; гораздо удобнее направлять их в нужное русло, и поэтому, вместо того, чтобы упорствовать в узколобости старого режима, власти приняли новые, явно эффективные открытия науки. Им не нужно было быть гениями, чтобы принять это решение; простое течение фактов жизни заставило власть имущих понять, как можно противостоять опасности: они начали основывать школы, заботиться о распространении образования, несмотря на то что вначале некоторые из них и противодействовали этой тенденции, — потому что она благоприятствовала антагонистичным политическим партиям — все они вскоре поняли, что легче уступить, и что эта лучшая тактика позволяет гарантировать новыми способами защиту интересов и принципов. После этого началась ужасная борьба за завоевание школы; эта борьба ожесточенно шла во всех странах; где-то победило буржуазное и республиканское общество, где-то победил клерикализм. Все партии знают, насколько важна цель и, не задумываясь, идут на любые жертвы, чтобы гарантировать себе победу. Их общий клич: «За школу и ради нее». А народ должен еще и благодарить их за эти благодеяния. Весь мир стремится к образованию и к счастью, которое оно приносит. В прежние времена, некоторые из них говорили: *Тебя удерживают в безграмотности, чтобы лучше эксплуатировать тебя; мы хотим видеть тебя образованным и свободным*. Теперь это уже невозможно: повсюду строят школы, для всех классов и слоев.

В этом единодушном обмене мыслями о школе отчетливо проступают мотивы для недоверия к их доброй воле и объяснение фактов, вызывающих мои сомнения в эффективности средств обновления, которые намереваются применить некоторые реформаторы. В остальном эти реформаторы мало заботятся о социальном значении образования в целом; эти люди с азартом отыскивают научную истину, но в своей работе они отделяют все, что чуждо объекту их исследований. Они терпеливо работают над изучением ребенка и, в конце концов, скажут нам — ведь их наука еще молода — какие методы образования лучше всего подходят для его всестороннего развития.

Но это в своем роде профессиональное безразличие, на мой взгляд, есть наихудшее отношение для тех, кому оно должно служить.

Я вовсе не считаю, что они не осознают социальную реальность, я думаю, что они стремятся в своей работе к наилучшим для общественного блага результатам. *Работая над раскрытием секретов жизни, — думают они, — над поисками путей для ее нормального физического и психического развития, мы будем применять к образованию наиболее благоприятный для высвобождения энергий режим. Мы не хотим заниматься напрямую обновлением школы; мы знаем, что вряд ли оно достижимо, потому что мы все еще точно не знаем, что именно должно быть предпринято.*

Мы будем действовать медленно и постепенно, будучи убежденными в том, что школа будет реформирована благодаря нашим открытиям, самой силой вещей. Если вы спросите нас, каковы наши ожидания, мы согласимся с вами в том, что необходимо обеспечить эволюцию на пути всестороннего развития ребенка и человечества через науку, но и в этом случае мы убеждены, что наш труд направлен как раз на эти цели и что мы сможем найти наиболее быстрые и прямые пути для их достижения.

Эти рассуждения, конечно, очень логичны, никто не может отрицать этого, и, тем не менее, в них содержится много иллюзий. Эти иллюзии легко распознать; если бы власть имущие, как люди, обладали теми же идеями, что и благодетельные реформаторы, если бы ими действительно двигала забота о постоянном улучшении общества в смысле прогрессивного исчезновения рабства, можно было бы признать, что усилия науки действительно улучшают положение людей; но, совсем напротив, вполне очевидно, что те, кто борется за власть, защищают лишь собственные интересы, заботятся лишь о собственных преимуществах

и об удовлетворении собственных appetitов. Мы уже давно не верим в слова, которыми они прикрывают свои амбиции; и все равно, есть наивные люди, верящие в их частичную искренность, и даже иногда воображающие, что ими движет желание счастья для своих ближних; но таких случаев становится все меньше и меньше, и позитивизм нашего века становится достаточно жестоким, для того чтобы оставлять сомнения в истинных намерениях наших правителей.

Точно так же, как они смогли перестроиться, когда появилась необходимость во всеобщем образовании, чтобы это образование не превратилось в опасность, точно так же они смогут перестроить школу в соответствии с новыми научными данными так, чтобы она не смогла угрожать их власти. Эти идеи трудно принять, но необходимо видеть вблизи то, что происходит, и как в реальности обстоят вещи, для того чтобы не поддаться словесному обману. Ах! Чего только не ожидали и до сих пор не ожидают от образования! Большинство людей прогресса ожидает от него всего, и до сих пор еще не начало понимать, что образование порождает лишь иллюзии. Надо обратить внимание на положительную бесполезность познаний, приобретенных в школах при ныне функционирующей системе образования; надо осознавать тщетность всех надежд из-за дурной организации школы, далекой от бытующих идеальных представлений о ней, которая делает из современного образования самое мощное средство для увековечения рабства в руках наших властителей. Преподаватели в этой системе являются лишь сознательными или бессознательными инструментами чужой воли, считающейся лишь со своими собственными принципами; они с самого нежного возраста и больше, чем кто-либо подвергались ее воздействию; очень редки те, кому удалось избежать этой тирании, обессиливающей таким образом любой бунт против нее, потому что школьная организация угнетает их с такой силой, что им не остается ничего иного, кроме как подчиниться. Мы здесь не собираемся разбирать основы этой организации, достаточно известной для того, чтобы ее можно было охарактеризовать одним-единственным словом: **Насилие**. Школа подчиняет детей физически, интеллектуально и морально, чтобы управлять их развитием и их способностями так, как надо системе, она лишает их контакта с естественностью, чтобы штамповать из них угодных системе граждан. В этом и заключается объяснение всего вышесказанного: как той заботы, с которой правительства пекутся о народном образовании, так и тщетных надежд свобододобивой части человечества. Учить в наше время значит приручать, дрессировать, одомашнивать. Я не верю, что применяемая система была сформирована с такой уж совершенной точностью для достижения поставленных задач, это подразумевало бы гениальность; но все происходит именно так, как если бы система образования отвечала другой широко распространенной родственной концепции: лучшего добиться было нельзя. В целях реализации своих идей ее создатели вдохновлялись принципами дисциплины и подчинения, которыми руководствовались социальные организаторы всех времен, ими двигала лишь одна ясная идея и воля, а именно: дети должны привыкнуть подчиняться, верить и мыслить в соответствии с принятыми в обществе догмами. В этом смысле образование не может быть больше, чем сейчас. Оно не направлено на спонтанное развитие способностей детей, не позволяет им самим по себе свободно искать способы удовлетворения своих физических, интеллектуальных и моральных потребностей; оно навязывает им готовое мышление; оно навсегда запрещает им мыслить самостоятельно, иначе, чем это необходимо для сохранения существующих социальных порядков; в общем, оно превращает ребенка в строго соответствующий социальной среде механизм.

Неудивительно, что подобное образование никак не способствует человеческому освобождению. Повторюсь, эта система образования является не больше, чем средством для поддержания господства в руках власть имущих, которые никогда не хотели повышать ин-

теллектуальный уровень личности, потому что они всегда хотели лишь подчинять ее, и было бы абсолютно напрасно ждать чего-либо еще от сегодняшней школы. То, что она производит на сегодняшний день, будет продолжаться и в будущем; нет никаких причин, по которым правительства захотели бы сменить систему; они пользуются народным образованием в своих целях, и будут продолжать пользоваться всеми новыми открытиями и улучшениями. Им достаточно сохранять дух школы, правящую в ней авторитарную дисциплину, чтобы все новшества приносили выгоду лишь им самим. Они всегда будут бдительно охранять существующие школьные порядки и стремиться гарантировать их сохранность.

Хочу привлечь внимание моих читателей к следующей идее: вся ценность образования заключается в уважении к физической, интеллектуальной и моральной воле ребенка. Как и в науке, это может быть продемонстрировано только фактами, так же, как и то, что нет истинного образования, если оно не свободно от всех догм, если оно не помогает ребенку самому направлять свои усилия в нужном направлении, и не ограничивается лишь поддержкой его самовыражения. Но нет ничего легче, чем извратить эту истину, и нет ничего труднее, чем следовать ей. Учитель всегда навязывает, заставляет, принуждает; настоящий же учитель — это тот, кто вопреки собственным идеям и желаниям может защитить ребенка, больше опираясь на собственные энергии самого ребенка.

С этой точки зрения можно судить, с какой легкостью можно моделировать образование, и насколько легка для выполнения задача всех тех, кто хочет властвовать над детской индивидуальностью. Наилучшие методы, попав в руки такого учителя, превращаются в мощные, усовершенствованные инструменты власти. Наш идеал — наука, и к ней мы обращаемся в поисках способов обучения ребенка и его развития путем удовлетворения всех его потребностей по мере их проявления и развития.

Мы убеждены, что образование будущего будет абсолютно спонтанным; для нас ясно, что мы пока не способны реализовать его, но эволюция методов с точки зрения самого широкого понимания фактов жизни, и само то, что любое усовершенствование подразумевает отказ от насилия, все это показывает нам, что мы находимся на стороне истины, когда ожидаем освобождения ребенка от науки. Таков ли идеал тех, кто сегодня держит в своих руках систему народного образования, его ли они предлагают нам реализовать, стремясь в то же время отказаться от любого насилия? Нет, уж скорее они готовы употреблять новые, усовершенствованные методы в тех же целях, что и сегодня; т. е., для воспитания существ, принимающих все условности, всякую ложь, на которой зиждется общество.

Мы не боимся сказать это: мы хотим, чтобы люди беспрестанно эволюционировали; чтобы они были способны разрушать старые и создавать новые условия жизни и обновляться сами; чтобы интеллектуальная независимость стала высшим орудием этих людей, чтобы они никогда и никому не подчинялись; чтобы они всегда были готовы принимать лучшее, счастливые от триумфа новых идей и готовые прожить множество жизней за срок одной. Общество боится таких людей: поэтому нельзя ожидать, что оно когда-нибудь примет систему образования, способную воспитывать таких людей.

Какова же наша миссия? Какие средства мы должны избрать, чтобы сделать свой вклад в обновление школы?

Давайте внимательно проследим за работами ученых, посвященными детскому развитию, и попытаемся отыскать в них средства, применимые к тому образованию, которое мы хотим основать, направленному на полное освобождение личности. Как мы будем добиваться этой цели? Взявшись за работу засучив рукава, способствуя основанию новых школ, где, по возможности, будет царствовать этот дух свободы, которым, как мы предчувствуем, будет пронизано образование будущего.

Мы уже продемонстрировали достаточно для того, чтобы достичь отличных результатов. Мы можем уничтожить все, что в современной школе соответствует организованному насилию, искусственные средства, при помощи которых дети отдаляются от естественности и от жизни; интеллектуальную и моральную дисциплину, которой пользуются для того, чтобы навязывать детям готовые суждения и поверья, портящие и уничтожающие их волю. Не боясь обмануть самих себя, мы можем дать ребенку средства, которые ему нужны, естественную среду, в которой он сможет вступать в контакт со всем тем, что он любит и в которой жизненные впечатления заменят утомительные словесные уроки. Если мы сможем сделать хотя бы только это, мы уже большей частью подготовим освобождение ребенка.

В такой среде мы сможем свободно применять научные данные и плодотворно работать.

Я хорошо знаю, что мы не можем таким образом реализовать все наши надежды; что зачастую мы вынуждены, из-за недостатка знаний, пользоваться несовершенными методами; но нас, в нашей работе, поддерживает одна уверенность, а именно: что, даже не достигая полностью нашей цели, мы можем сделать больше и лучше, несмотря на все несовершенство нашей работы, чем позволяет делать обычная школа нашего времени. Предпочитаю свободную спонтанность ребенка, который ничего не знает, словесному образованию и интеллектуальной деформации ребенка, страдающего от образования, предоставляемого в наши дни.

То, что мы попытались сделать в Барселоне, другие попытались сделать в других местах, и мы все увидели, что это было возможно. Я считаю, что к этой работе надо приступать немедленно. Мы не хотим ждать конца изучения детского развития для того, чтобы предпринять обновление школы; когда ждешь, ничего никогда не делается. Мы применяем то, что знаем, а потом то, чему мы учимся. Единый план рационального обучения уже возможен, и его можно применять в школах будущего, какими их представляем себе мы, в которых дети смогут свободно и счастливо развиваться, каждый в соответствии со своими склонностями. Мы будем работать над его развитием и совершенствованием.

Таковы наши проекты: мы не упускаем из вида трудности их реализации; но мы хотим начать их, мы уверены, что нам в выполнении нашей задачи будут помогать все те, кто борется во всех частях света за освобождение людей от догм и условностей, гарантирующих сохранение нынешней несправедливой социальной системы.

Х. Ни поощрений, ни наказаний

Рациональное образование является в первую очередь методом защиты против заблуждений и безграмотности. Игнорировать истину и верить в абсурд — это отличительная черта нашего общества, и именно из нее происходят классовые различия и противоречия интересов со всем их упорством и продолжительностью.

Приняв на практике совместное обучение мальчиков и девочек, богатых и бедных, т. е. отталкиваясь от принципов солидарности и равенства, мы не хотели создавать новое неравенство, и, поэтому, в **Современной школе** не было ни поощрений, ни наказаний, ни экзаменов, которые разделили бы учеников на *отличников*, середнячков с вульгарнейшей отметкой *удовлетворительно*, и тех несчастных, которым приходится страдать от позора, когда их определяют как отстающих.

Эти отличия, поддерживаемые и практикуемые в существующих официальных, религиозных и профессиональных школах, в соответствии с закостеневшей социальной средой, не могли быть приняты в **Современной школе**, по вышеизложенным причинам.

Не ставя себе целей добиться усвоения определенного материала, мы не могли объявлять кого-либо из учеников способными или неспособными. Когда мы учим детей какой-либо науке, искусству, ремеслу, специальности; чему-либо требующему особых условий, поскольку индивиды могут чувствовать призвание или иметь, по разным причинам, свои особые способности, экзамен может быть полезным, и, может быть, одобрительный академический диплом, как и грустный аттестат с неудовлетворительными отметками могут иметь оправдания для существования, я с этим не спорю; не отрицаю и не утверждаю. Но в **Современной школе** нет такой специальности; здесь не было настоящей потребности в обучении направленном на интеллектуальное согласие с окружающим миром; кульминационный пункт этой школы, отличающий ее от всех остальных, даже от школ, претендующих быть прогрессивными моделями, заключался в широчайшем возможном развитии детских способностей без подчинения догматичному учителю, даже самим убеждениям основателя и учителей школы, и каждый ученик выходил из нее для того чтобы приступить к общественно значимой деятельности со всеми необходимыми способностями, будучи своим собственным учителем и проводником в ходе всей своей жизни.

Ясно, что из-за рационально обоснованной невозможности присуждать поощрения, мы сделали невозможными и наказания, и в этой школе никто и мысли не допускал о возможности применения подобной вредной практики, если только об этом не поступало ходатайств извне. Сюда приходили родители, верящие в гнилой афоризм: «знания даются с кровью», и просили меня установить режим жестокости по отношению к своему ребенку; другие, окрыленные ранним развитием своих чад, убеждали меня, просьбами и подношениями, чтобы их сын смог блеснуть на экзамене и помпезно получить грамоты и медали; но в этой школе не поощряли и не наказывали учеников, и все подобные просьбы родителей отвергались. Тем, кто отличился добротой, способностями, ленью, или недисциплинированностью, мы объясняли насколько хорошо или плохо это может сказаться на них самих, или на общих интересах, потом это отмечалось соответствующим учителем, без каких-либо последствий; и родители постепенно привыкали к нашей системе, нередко страдая сами, когда их собственные дети указывали им на собственные ошибки и недостатки. Несмотря на это, рутина каждый раз заставляла меня сталкиваться с подобными проблемами, и мне приходилось постоянно повторять свои доводы, в первую очередь перед родителями новых учеников. В этих же целях я опубликовал следующую заметку в нашем *Бюллетене*:

Почему в Современной школе нет экзаменов

Классические экзамены, которые мы привыкли видеть в конце учебного года и которым наши родители придавали столь большое значение, не приносят никаких результатов, а если и приносят, то только негативные.

Эти действия, облеченные смехотворной торжественностью, кажется, были созданы для удовлетворения нездорового самолюбия родителей, грубого тщеславия и эгоистических интересов многих учителей и мучений детей перед экзаменами, за которыми следуют более или менее преждевременные болезни.

Любой отец желает, чтобы его сын был признан в качестве одного из лучших учеников школы, устроив представление ученого в миниатюре. Для него не имеет значения, что его сын, в течение пятнадцати дней или целого месяца, будет жертвой изощренных пыток. Нельзя судить об этих мучениях со стороны, потому что они не оставляют ни малейших ссадин или шрамов на коже...

Несознательность по отношению к естественности ребенка и вредности условий принуждения для него, когда он со своей психологической неустойчивостью должен выжимать все свои интеллектуальные силы, в первую очередь свою память, не позволяют родителям видеть, что миг их удовлетворенного самолюбия может стать причиной, как это случалось уже много раз, болезни, морального и физического угасания их детей.

Большинство учителей, с другой стороны, знают лишь стереотипы из готовых фраз, они учат механическому зазубриванию, вместо того чтобы становиться т. н. *моральными родителями* ученика, в экзаменах их интересует в первую очередь собственная особа и экономическое положение; его целью во время экзаменов является показать родителям и конкурентам, что ученик, под его руководством, научился очень многому, что его познания превосходят все ожидания для его малолетнего возраста и что все это произошло благодаря достойнейшему господину учителю.

Кроме этого жалкого тщеславия, удовлетворяемого ценой физической и моральной жизни ученика, эти решительные господа учителя изо всех сил стараются добиться поощрения ничего не знающих о том, что происходит на самом деле, обывателей, родителей и конкурентов, как наиболее эффективного средства, гарантирующего им репутацию и престиж в *Образовательной системе*.

В общем, мы абсолютно против любых экзаменов. В школе все должно быть направлено на благо учеников. Любые действия, не направленные на эту цель, должны быть запрещены, как противоречащие естественному процессу позитивного познания. Из экзаменов не выходит и не закрепляется ничего хорошего, напротив, они сеют только плохое в душе ученика. К вышеупомянутым физическим болезням, связанным в первую очередь с нервной системой и опасностью ранней смерти, добавляются элементы морального порядка, потому что имморальный акт экзамена порождает в ребенке следующие имморальные качества: безумное тщеславие отличников; грызущую зависть и унижение, убивающие здоровые инициативы, у двоечников; и у тех и у других, у всех, зачатки самого откровенного эгоизма.

Я изложил свою мысль профессиональным языком в следующей статье, опубликованной в нашем *Бюллетене*:

Экзамены и конкурсы

К концу школьного года, как и в предыдущие годы, мы начинаем слышать разговоры о конкурсах, экзаменах, премиях. Мы снова видим парады детей, нагруженных дипломами и красными томами, украшенными зеленой и позолоченной тесьмой; мы вновь видим тысячи матерей, мающихся от неуверенности, и детей, пребывающих в ужасе перед предстоящими экзаменами, когда они должны будут предстать перед непоколебимым трибуналом и страдать от ужасного допроса, напоминая злополучные обстоятельства, ежедневно происходящие в территориальном Суде.

Это символ всей нынешней системы образования.

Нашу работу прерывают не только ради раздачи оценок и классификаций в определенное время года, или в определенном возрасте, а в течение всех лет учебы и трудов на протяжении всей жизни.

Все начинается, когда нам исполняется пять или шесть лет, когда нас учат читать, и в этом нежном возрасте, если нас заставляют этим заниматься, то не ради *историй*, которые мы можем узнавать благодаря этому новому навыку, не ради более или менее красивых букв, а ради призов по чтению, за которые мы должны соревноваться; и, самое худшее, мы должны краснеть от стыда, если мы отстаем от других, или раздуться от гордости, если побеждаем других, вызывая их зависть и враждебность.

Пока мы учили грамматику, арифметику, науки и латынь, учителя и родители неустанно, словно по молчаливому соглашению, убеждали нас, что мы окружены соперниками, с которыми мы должны бороться, что мы должны восхищаться отличниками и презирать двоечников. «Чего ради мы трудимся?», спрашивали мы порой, и нам отвечали, что наши усилия принесут нам блага или что нам придется страдать от нашей глупости; и все стимулы и действия побуждали нас к тому, что если мы добьемся первого места, мы будем значить больше, чем другие, наши родители, родственники и друзья, сами учителя, будут проявлять к нам больше благожелательности. Как логическое следствие, наши усилия были направлены исключительно на приз, на успех. Таким образом, в нашем моральном облике формировались лишь тщеславие и эгоизм.

Серьезность этого зла заметно усиливается в возрасте вступления во взрослую жизнь. Бакалавриат не очень опасен, но он приоткрывает дверь для большого числа карьерных возможностей, из-за которых конкуренты жестко оспаривают друг у друга само право на существование. До тех пор молодой человек не понимает, что работает сам для себя, что он должен сам себе гарантировать свое будущее, и каждый раз он все больше убеждается в том, что для этого он должен *побеждать* других, быть сильнее и хитрее их. Этой идеей переполнена вся общественная жизнь.

Мы встречали в обществе людей разного положения и разных возрастов, которые не сделали бы ни одного шага и ни малейшего усилия, если бы не были втайне убеждены, что все их заслуги будут засчитаны и полностью оплачены в какой-то момент. Члены правительства прекрасно знают, что многого могут добиться от своих граждан, давая им премии, авансы, отличия и ордена. Это живое наследие христианства. Догма о вечной славе вдохновила Почетный легион. На каждом шагу в жизни мы встречаем премии, конкурсы, экзамене-

ны и противостояния, есть ли что-либо более грустное, более уродливое и более фальшивое? Есть ли что-либо более аномальное, чем работа над подготовкой программ: избыток морального и физического труда, который в итоге деформирует умы, чересчур развивая одни способности за счет других, которые атрофируются. Самый меньший упрек, который им можно бросить, заключается в том, что это пустая трата времени, и зачастую она разрушительна для жизни, не оставляя времени для остальных личных, семейных, или общественных забот. Серьезные кандидаты не должны отвлекаться на искусство, думать о любви, или интересоваться общественными делами, из-за риска провала. А что же можно сказать о показателях самих конкурсов, помимо общепризнанных мнений? Я не буду говорить об умышленной несправедливости, хотя можно привести много ее примеров; достаточно отметить, что несправедливость лежит в самой основе системы. Отметка или квалификация, которую дают в определенных условиях, была бы иной в иных обстоятельствах; например, если бы состав жюри был иным, если бы состояние судьи, по каким-либо причинам, было иным. В этом вопросе случай правит, как абсолютная власть, а случай слеп. Предположим, что определенным людям, из-за их возраста и опыта, дают весьма спорное право оспаривать ценность других людей, судить их и сравнивать, как если бы индивидуальные достоинства еще нуждались в вердиктах этих судей на постоянной основе.

Вместо этого элементы для благоприятной оценки сведены до минимума — работа на несколько часов, разговор на несколько минут, и этого достаточно, чтобы объявить, что один человек более способен, чем другой, для выполнения определенной функции, для определенного образования или для определенной работы.

Основываясь на случайности и произвольности, конкурсы и их приговоры обладают универсальным престижем и авторитетом не только для индивидов, но и для их усилий и трудов. Сама наука должна получать диплом: у нас есть избранные научные круги, полностью состоящие из посредственностей; но все равно лишь отмеченная и сертифицированная наука может давать обладающему ей человеку право на жизнь.

Мы с удовольствием обличаем пороки этой системы, потому что видим в ней наследство тиранического прошлого. Та же централизация, то же официальное пожалование.

Да будет нам позволено нарисовать в воображении, без обвинений в утопизме, общество, в котором все, кто хочет работать, смогут работать, в котором не будет иерархии, и в котором можно будет работать ради самой работы и ее законных плодов.

Начнем с введения следующих здоровых традиций в нашей школе; пусть педагоги начнут вдохновлять детей на любовь к труду без произвольных санкций, когда уже существуют естественные и неизбежные санкции, на которые достаточно лишь пролить свет. В первую очередь, мы не должны учить детей идеям конкуренции и соревнования между людьми, поскольку для того чтобы люди понимали и ценили бесконечное разнообразие, существующее между характерами и интеллектами, необходимо, чтобы школьники не привыкали к неизменной концепции успевающего ученика, которая должна распространяться на всех и к которой можно больше или меньше приблизиться лишь с большей или меньшей степенью заслуги.

Давайте же отменим, в школах все классификации, экзамены, распределение премий и компенсаций всех видов. Таков будет наш практический принцип.

Эмилия Буавен

В 6-м выпуске *Бюллетеня* за 1905 год я счел необходимым опубликовать следующее:

Никаких больше наказаний

Мы часто получаем сообщения от рабочих образовательных центров и республиканских братств, огорченных действиями отдельных учителей, наказывающих детей в своих школах.

Мы сами, во время наших непродолжительных экскурсий, с отвращением становились свидетелями материальных доказательств подобных действий, видя детей, стоящих на коленях или подвергавшихся другим формам наказания.

Эта иррациональная и атавистичная практика должна исчезнуть; современная педагогика должна полностью избавиться от нее.

Учителя, желающие работать в Современной школе и добивающиеся ее рекомендаций для занятий этой профессией в схожих школах, должны отказаться от любых видов материальных и моральных наказаний, под риском остаться навсегда дисквалифицированными. Ворчливая суровость, нетерпеливость, гнев доходят порой до бесчеловечности и должны исчезнуть вместе со *старым режимом*. В свободных школах все должно дышать миром, радостью и братством.

Мы считаем, что этого совета должно быть достаточно, для того чтобы избавиться в будущем от подобной практики, неподходящей для людей, чьим идеалом должно стать воспитание поколения, способного основать истинно братское, солидарное и справедливое общество.

XI. Светскость и библиотека

Поскольку речь шла об основании рациональной школы для достойной подготовки детей к вступлению в отношения свободной человеческой солидарности, для определения ее программы прежде всего нужна была библиотека.

Весь образовательный багаж старой педагогики представлял собой непоследовательную смесь науки и веры, разума и абсурда, добра и зла, человеческого опыта и божественного откровения, истины и заблуждений; одним словом, он был абсолютно непригоден для новых потребностей вновь создаваемой школы.

Раз школа во все времена, с самой отдаленной древности, была посвящена не обучению в самом широком смысле, не передаче новым поколениям суммы знаний предыдущих поколений, а обучению, согласованному с властью и удобствами господствующих классов, воспитанию послушных и подчиняющихся детей, очевидно, что мы не могли использовать ничего из написанного в этих целях.

Суровая логика подобных доводов не могла сразу убедить меня. Я продолжал верить, что французская демократия, столь активно работавшая над отделением церкви от государства, вызывая столь сильный гнев клерикалов и, приняв обязательное светское образование, не впадет в абсурдную ошибку половинчатого или фальшивого образования; однако мне пришлось убедиться, вопреки всем своим симпатиям, вначале благодаря чтению большей части работ из каталога французского светского образования, в которых Бога сменило Государство, христианскую добродетель гражданский долг, религию патриотизм, а подчинение и покорность королю, автократу и попу — подчинение бюрократу, собственнику и владельцу; а затем благодаря консультациям с одним свободомыслящим чиновником, занимавшим высокий пост во французском Министерстве народного образования, который, узнав о моем желании ознакомиться с книгами по образованию, очищенными от всех традиционных заблуждений, после того как я полностью изложил ему мои взгляды и идеи, со всей откровенностью заявил мне, что у него таких никогда не было; что все они, пользуясь более или менее хитроумными искусственными средствами, основывались на том заблуждении, что социальное неравенство является необходимым злом. Когда же я его спросил, была ли у него — если учесть, что божественный идол был в свое время официально свергнут со своего пьедестала и заменен идолом олигархического происхождения — была ли у него хоть одна книга о происхождении религий, он ответил, что у него не было ни одной педагогической работы по этой теме, но порывшись в своей памяти, он порекомендовал мне одну книгу, которая могла мне пригодиться, «Науку и религию» Мальвера, на что я с удовольствием ему сообщил, что она уже была переведена на испанский язык для изучения в Современной школе, под названием *Происхождение христианства*.

Среди испанской педагогической литературы я обнаружил кое-какие трактаты одного известного автора, сведущего в науках, который писал больше в угоду заказам издателей, чем ради образования и просвещения детей. Некоторые из этих книжек вначале использовались в Современной школе, но, хотя мы и не могли от них отказаться, как от ошибочных, они страдали от нехватки вдохновения, веры в освободительные идеалы разума и соответствующих методов. Я искал встречи с этим автором, надеясь заинтересовать его своими идеями и попросить его писать для нашей библиотеки, но один из издателей настолько связал его контрактом, что он не мог пойти мне навстречу.

В общем, Современная школа открылась еще до того как была написана первая работа для ее библиотеки, но такая книга вскоре была опубликована, став блестящим трудом, оказавшим большое влияние на наше вновь созданное образовательное учреждение; речь идет о «*Приключениях дедушки*» Жана Грера, поэмы, в которой с прекрасной наивностью и драматичной правдивостью сравнивается будущее счастье с грустной реальностью суще-

ствующего общества, радости страны Автономии с ужасами королевства Архирократии. Генри Грива поднял его книгу на высоты недостижимые для цензуры антифутуристических скептиков, одновременно представив социальное зло в истинном свете без малейших преувеличений. Чтение этой книги зачаровывало детей, а глубина содержащихся в ней мыслей предоставляла учителям многочисленные возможности для полезных и уместных комментариев. Дети в своих играх воспроизводили сцены из Автономии, а взрослые в своих трудах и страданиях узнавали реальность Архирократии, в которой правил Монадий.

В *Бюллетене Современной школы* и в различных политических изданиях объявлялись конкурсы на прием и публикацию книг, полезных для рационального обучения, но такие писатели не объявлялись, и мне приходилось мириться с этим фактом, не осуждая их и не вдаваясь в причины.

Мы сами издали две книги для школьного чтения. Их написали не для школ, но Современная школа перевела и издала их, что принесло блестящие результаты: первая называлась «*Рукописная тетрадь*», вторая «*Патриотизм и колонизация*». Это были сборники мыслей писателей из разных стран о несправедливости патриотизма, ужасах войны и беззакониях конкисты. Выбирая эти труды для школьного чтения, я был уверен в их благотворном влиянии на детские умы, которое вскоре отразилось в детских мыслях, опубликованных в *Бюллетене*, а также в яростных нападках реакционной прессы и членов Парламента.

Многие считали, что между светским и рационалистическим образованием нет большой разницы, и во многих пропагандистских статьях и речах эти методы образования называли абсолютно аналогичными. В целях обличения этой ошибки, я опубликовал следующую статью в *Бюллетене*:

Светское обучение

Идея обучения не должна сопровождаться каким-либо качественным прилагательным; оно должно полностью соответствовать потребности и обязанности поколения полностью реализовать свою способность готовить новые поколения, передавая им достояние знаний человечества.

Все еще находясь на пути к этому идеалу, мы сталкиваемся с религиозным и политическим образованием, которым необходимо противопоставить рациональное и научное образование.

Религиозное образование дается в монастырских конгрегациях всех стран, оно в наименьшей степени состоит из полезных знаний и основано на христианской доктрине и Священном писании.

Светское образование было установлено во Франции сразу после падения Империи, оно направлено на воспитание патриотизма и представляет нынешнюю систему политического управления, как инструмент хорошего правления.

Бывает, что к образованию применяют в определенных обстоятельствах такие определения как свободное или светское в пристрастной манере, для того чтобы склонить общественное мнение в свою пользу; так сторонники религии называют *свободными школами* те, что были основаны вопреки истинно освобождающим традициям современного образования, а светскими называют политические, патриотические и антигуманные школы.

Рациональное образование должно быть выше всех подобных явлений.

В первую очередь, оно не должно уступать ни пяди религиозному образованию, потому что наука продемонстрировала, что Творение является сказкой, а боги мифами, что все идет от неграмотности родителей и доверчивости детей, когда подпитывается их вера в сверхъестественное существо, создателя мира, к которому можно обращаться при помощи молитв и заклинаний, выпрашивая разнообразные милости.

Этот обман, к несчастью настолько повсеместен, что до сих пор вызывает большие несчастья, последствия от которых сохраняются так же, как и их причины.

Задача образования состоит в том, чтобы показать детям, при помощи чисто научных методов, что чем больше узнаешь о природе вещей, их качествах и предназначении, тем больше можно производить пищевых, промышленных, научных и художественных продуктов, полезных, удобных и необходимых для жизни, тем легче будет выпускать из наших школ мужчин и женщин, способных развивать все отрасли знаний и деятельности, ведомых разумом и вдохновленных наукой и искусствами, которые сделают прекраснее жизнь и послужат оправданием для существования общества.

Не будем же тратить время, выпрашивая у бога то, что нам может дать только человеческий труд.

Мы также не должны уступать наше образование политике, потому что мы должны воспитывать личность, полностью владеющую всеми своими способностями, а политика подчиняет их другим людям, и, точно так же, как религии подчиняют их божественному духу, порождая этим все злоупотребления власти и препятствуя человеческому освобождению, так и политические системы препятствуют ему, приучая людей ждать этого освобождения

от чужой воли, от энергий предполагаемого высшего порядка, от тех, кто по традиции или по профессии осуществляет функции правителей.

Показывать детям, что пока один человек зависит от другого, будут осуществляться все злоупотребления властью, тирания и рабство, изучать причины народного невежества, понимать происхождение всей рутинной практики, на которой держится нынешний режим, исключая солидарность, направлять размышления учеников на все, что лежит перед нашими глазами, такова должна быть программа рационалистических школ.

Не будем же терять время, выпрашивая у других то, что нужно нам самим и что мы можем обрести сами.

В целом, речь идет о том, чтобы представить детским умам идею о том, что когда они повзрослеют, они добьются большего благополучия в общественной жизни, если будут больше учиться, если будут сами прилагать больше усилий для его обретения; и что тем ближе будет день всеобщего счастья, чем быстрее они избавятся от всех религиозных и схожих предрассудков, которые до сих пор были причинами наших моральных и материальных бед.

По этой причине мы отменили в наших школах все премии, подарки, подачки, все медали, значки и грамоты отличия, имитирующие религиозные и патриотические награды, служащие лишь для того чтобы сохранять веру в талисманы, а не в индивидуальные и коллективные усилия людей, осознающих собственную ценность и собственные знания.

Рациональное и научное образование должно убеждать будущих мужчин и женщин в том, что они не должны ничего ждать от какого-либо другого привилегированного существа (вымышленного или реального); что они должны рационально ожидать всего от самих себя и от свободно организованной и принятой солидарности.

Для того чтобы расширить как следует библиотеку Современной школы, я опубликовал в *Бюллетене* и в местной прессе следующие объявления:

Интеллектуалам

Современная школа призывает всех писателей, которые любят науку и интересуются будущим человечества, предлагать свои тексты, способствующие освобождению духа от всех заблуждений нашего прошлого и направляющих молодежь к познанию истины и практике справедливости, освобождающие мир от авторитарных догм, постыдных софизмов и смехотворных предрассудков, на которых основано существующее общество.

Конкурс по арифметике

Манера, в которой до сих пор преподавали арифметику, остается одним из самых мощных средств навязывания детям ложных представлений капиталистического общества, столь тяжело довлеющих над современностью; благодаря ей ученики начинают придавать деньгам ценность, которой они не обладают. В связи с этим, Современная школа объявляет Конкурс по обновлению преподавания арифметики и приглашает к участию в нем всех друзей научного и рационалистического образования, занимающихся математикой в целях создания методики легкого, истинно практического решения задач, в которых речь не будет идти о деньгах, сбережениях, или прибыли. В этих упражнениях будет рассматриваться сельскохозяйственное и промышленное производство, распределение сырья и продукции, средств коммуникации и транспорта в торговле, выгод человеческого труда в сравнении с механическим и машинным трудом, общественно полезные работы и т. д., и т. п. Одним словом, Современная школа стремится решить комплекс проблем, для того чтобы арифметика стала тем, чем она должна быть на самом деле: наукой социальной экономики, в которой слово экономика вернется к своему изначальному значению хорошего распределения.

Упражнения будут посвящены четырем основным операциям счета (с целыми, десятичными и дробными числами), метрической системе, пропорциям, слияниям и суммам, квадратным и кубическим степеням и извлечению квадратных и кубических степеней.

Господам учителям

Тем, кто посвятил себя образованию, руководствуясь благородными целями рационального обучения новых поколений навыкам, необходимым для осуществления их долга, наставления их радостям использования всех своих прав, рекомендуем обратить внимание на «Руководство по универсальной истории» Клеменсии Жакине и «Приключения дедушки» Жана Грава, изображенные на обложке.

Работы, которые издает и собирается издать Современная школа, предназначены для свободных учреждений рационалистического образования, кружков общественных наук и родителей, врагов интеллектуальных ограничений и догм во всех их религиозных, политических и социальных проявлениях, способствующих триумфальному преобладанию привилегий за счет невежества обездоленных.

Все враги иезуитства и традиционной лжи, заблуждений, передаваемых по привычке и рутине, найдут в наших публикациях истину, подтверждаемую очевидностью. Поскольку наши идеи не вдохновляются прибылью, условия их продажи включают в себя лишь себестоимость и покрытие материальных затрат, а если какая-то выгода и будет получена, она будет использована исключительно в целях дальнейших изданий.

В 6-м номере 2-го года издания *Бюллетеня* я опубликовал следующую статью с ответом Реклю на заданный мной вопрос, который я с удовольствием привожу здесь полностью, потому что речь идет об интереснейшем вопросе, тесно связанном с моей концепцией рационального обучения:

Преподавание географии

Всю историю современной науки, в сравнении со схоластикой Средневековья, можно резюмировать одной фразой: возвращение к естественности. Для того чтобы учиться, мы сначала должны понимать. Вместо того чтобы рассуждать о непознаваемом, начнем с наблюдений и изучения того, что лежит перед нашими глазами, в пределах наших чувств и нашего опыта.

В первую очередь, это касается географии — в изучении природы Земли, мы должны руководствоваться видимым, то есть прямыми наблюдениями за этой Землей, на которой мы родились и которая дает нам хлеб наш насущный; тем не менее, обучение географии, осуществляемое в наших школах, до сих пор несет на себе печать времен схоластики: учитель требует от ученика акта слепой веры, он заставляет его заучивать термины, ничего не говорящие его чувствам; он зазубривает названия пяти рек Франции, трех вершин, двух заливов и одного пролива; при этом все эти названия не сочетаются ни с одним точным, реальным образом. Как это возможно, если учитель и сам точно не представляет, о чем говорит, в то время как этот круговорот воды присутствует на той же улице, перед дверями той же школы, в виде потоков и луж дождевой воды?

«Вернемся к естественности»

Если бы мне выпало счастье стать учителем географии у детей и при этом не быть закрытым в пределах официального или частного образовательного учреждения, я бы не снабжал своих юных товарищей книжками и картами; может быть, я даже не произносил бы перед ними греческое слово *география*, я бы скорее пригласил их на долгие совместные прогулки, и был бы счастлив, что могу сам учиться в их компании.

Будучи учителем, но учителем без титулов, я бы уделял много внимания подобным методическим прогулкам и разговорам, возникающим при виде окружающих предметов и пейзажей. Очевидно, что первый урок должен быть посвящен в своих деталях местности, в которой мы живем; ведь наши беседы не будут одинаковыми в равнинной и гористой местности, в гранитных и известняковых регионах, на пляже или на берегу реки и на пустоши; в Бельгии мы бы не говорили о том же, о чем говорили бы в Пиренеях или Альпах. Наш язык не был бы абсолютно идентичным в разных местах, потому что везде есть свои особенности и индивидуальные черты, на которые стоит обратить внимание, везде можно производить драгоценные наблюдения, которые могут служить нам в качестве элементов для сравнения с другими местностями.

Какой бы монотонной и бедной ни была наша местность, она всегда предоставит нам возможность увидеть, если не горы и холмы, то, по крайней мере, скалы, разорвавшие покровы наиболее недавних слоев земли; повсюду мы будем отмечать различия в почве, песке, глине, болотах и торфе; которые возможно также будут песчаными или известняковыми; мы сможем пройти по краю ручья или реки, увидеть убегающий вдаль поток, образуемые им водовороты, отлив, возвращающий воды, игру складок, появляющихся на песке, направление эрозии, обнажающей часть взморья и намывов, откладывающихся на отмелях. Если наша местность является настолько мало облагодетельствованной природой, что в нашей непосредственной близости нет ручьев, по крайней мере, порой в ней будут проходить ливни, которые дадут нам временные ручьи со своими собственными каналами, берегами, быстринами, дамбами, шлюзами, изгибами, поворотами и притоками; наконец, вокруг нас существует все бесконечное разнообразие гидрологических феноменов.

А как же насчет неба? По нему мы можем изучать бесконечное разнообразие движений Земли и звезд: утро, полдень, сумерки и темноту, в которой видны звезды; снег и облака, скрывающие синее небо, а затем, грандиозные и редкие зрелища грозы, молнии, радуги и, в отдельных случаях, северного сияния. Все эти небесные явления начнут обретать четкость в нашем понимании благодаря началам математики, потому что все звезды следуют пути, который они уже много раз проходили, мы можем видеть, как они снова и снова пересекают меридиан, давая нам возможность с точностью изучить кардинальные пункты их траекторий, а также различные координаты космоса.

К этим прогулкам вокруг нашего привычного местожительства, жизненные обстоятельства могут добавить расширенные экскурсии, настоящие путешествия, составленные методично, чтобы не оставлять все на волю случая, как американцы делают со своим *возвращением в Старый свет*, становясь от этого еще более невежественными, чем раньше, из-за того что беспорядочно нагромождают в своих мозгах места и людей, путая в собственных воспомина-

ниях все: парижские танцы, смотры гвардии в Потсдаме, визиты к папе римскому и султану, посещение пирамид и ритуалы, посвященные гробу господню. Такие путешествия вреднее, чем обычно думают, потому что убивают в человеке способность удивляться и познавать, так, что в конце концов он перестает ценить любые красоты. В этом отношении я вспоминаю ощущение ужаса, испытанное мной, когда услышал, как один симпатичный молодой человек, очень образованный, очень высокомерный, и настолько же тупой, насколько и ученый, лениво восклицал, увидев Монблан: *Ну да; и надо же было тащиться сюда, чтобы увидеть эту ерунду!*

Для того чтобы избежать подобных отклонений, важно относиться к экскурсиям, к путешествиям с такой же заботливостью и методичностью, как и к обычным учебным занятиям; но при этом важно избегать также и любого педантизма в организации путешествий, потому что в них ребенок должен встречаться с поводами для радости: обучение должно происходить в соответствующие психологические моменты, когда виды и описания полностью проникают в мозг, чтобы остаться там навсегда. Будучи подготовленным таким образом, ребенок уже получает значительные преимущества, хотя он и не прошел то, что называют учебным курсом: раскрываются его способности к пониманию и желание познания.

Рано или поздно, но всегда слишком скоро, наступает время, когда школьная тюрьма заключает ребенка в своих четырех стенах; я говорю *тюрьма*, потому что школьные учреждения почти всегда таковыми и являются, потому что греческое слово «школа» уже давно утратило свое первоначальное значение *досуга* или *праздника*. Появляются учебники, а за ними и первый официальный урок географии, который дает учитель своим ученикам; наступает момент подчиниться рутине и вложить в руки ребенка атлас с печатью Совета по народному образованию. Со своей стороны, я не стал бы их трогать; в первую очередь хочу быть вполне логичным в своих объяснениях: после того, как мы сказали, что Земля круглая, что это шар, вращающийся в космосе подобно Солнцу и Луне, мы не должны представлять ее образ в форме четырехугольного листа бумаги с разрисованными фигурами, представляющими Европу, Азию, Африку, Австралию, две половины Нового света!

Как избежать этого явного противоречия? Мне бы пришлось следовать примеру древних магов и просить детей верить мне на слово, или же мне пришлось бы заставлять детей поверить, что шар превратился в планисферу; т. е., если я хорошо понимаю это слово, в *плоскую окружность*; однако подобное объяснение хромало бы, потому что было бы основано на высшей математике, еще недоступной для детей. Ясно, что учитель, с порога своего класса, не рассчитывает на полное совпадение интеллектуальных способностей между учениками и им самим в понимании природы вещей.

Вдобавок, я знаю из опыта, что эти карты, таблицы и неравномерные проекции наносят большой ущерб знаниям моих учеников, как в свое время и мне самому, и, вне всяких сомнений, моему читателю; потому что никто не пытается полностью избавиться от противоречивых впечатлений, полученных от разных карт, в то время как наблюдаемые нами впоследствии проекции, географические формы принимают плавающий и неопределенный вид, а пропорции между различными областями не откладываются в наших умах со всей четкостью, потому что мы почерпнули наши представления о них из различных атласов с их различными деформациями, как о раздутых или сжатых, растянутых, удлинённых или срезанных в разных местах контурах и, как следствие этого, сила нашей интеллектуальной точности притупляется; мы заранее знаем, что наши представления не точны и даже не пытаемся обрести эту точность.

Для того чтобы избежать этого умственного безразличия, мешающего искренности и рвению в учебе, крайне важно, необходимо прийти к закреплению основных форм и пунктов географии через использование школьных глобусов, которых учитель должен придерживаться всегда, потому что пользоваться картами реально невозможно, не предавая при этом сами причины для обучения.

Какой глобус лучше всего подходит для школьного обучения? На мой взгляд, простой шар, на деревянной подставке рядом с учителем, который может брать его, двигать им и давать его своим ученикам. Все очертания на нем должны быть точными: на двух оконечностях должны быть изображены два полюса; одна черная линия, пересекающая его, обозначает экватор; затем, когда наступает время говорить о перемене сезонов, можно добавлять эллиптический чертеж с обеих сторон экватора; никаких меридианов, или параллелей с широтами; все это будет потом; достаточно указать тот пункт, где расположена сама школа, будь она в Брюсселе или в любом другом месте на поверхности Земли; вдобавок можно прочертить линию от полюса до полюса через меридиан этой начальной точки. Таким должен быть первый глобус, который можно покрыть жирным лаком, для того чтобы делать на нем гипсовые изображения, которые можно потом снимать, что позволит учителю делать наглядные демонстрации и отображать теоретические путешествия по поверхности планеты.

Потом ученики будут использовать другие, улучшенные глобусы, желательного собственного изготовления, на которых они сами сделали очертания континентов, морей и всего того, чему учат в школе. В этом заключается истинный метод: видеть, воссоздавать, а не просто механически повторять по памяти.

Нет никаких сомнений: после первого взгляда на глобус, как на пропорциональную и точную модель Земли, нужно переходить к первым урокам географии для ребенка; но это обучение может быть быстро прервано из-за отсутствия средств. Глобус размером 40 миллионных, равный метру в окружности, все равно будет оставаться для детей тяжелой, трудноуправляемой машиной, причем трудности будут возрастать с ростом его размеров в геометрической прогрессии, поскольку если глобус будет равен 20 миллионным, с двумя метрами окружности, его придется подвесить с крыши, чтобы двигать его пальцем в соответствии с задачами обучения. Наконец, круглый инструмент еще более крупных размеров, в его обычной форме, может быть настолько неудобным, что будет непонятно, как на него смотреть, так что, в конце концов, его все равно придется списать и забыть. Таков был конец больших глобусов Олеария и Коронелли, которые, к тому же, утратили географическую ценность в наши дни.

Однако, хотя шары подобных значительных размеров являются чересчур громоздкими для того чтобы размещать их в аудиториях и библиотеках наших школ и институтов, ими не следует пренебрегать в процессе обучения; напротив, стоит оставить их в качестве исторических реликвий, с их особой, оригинальной архитектурой, представляющей новое направление в современном искусстве, что уже начинают понимать, несмотря на то, что до сих пор они помогали достичь лишь средних результатов. Крупные глобусы, особенно 40-метровый (миллионная шкала), выставившийся на парижской выставке 1889 г., абсолютно бессмысленны с точки зрения географической точности, их единственная заслуга, которую мы не можем игнорировать, заключалась в демонстрации перед восхищенными посетителями огромных размеров морей, в сравнении с нашими маленькими политическими территориями, а также относительной ценности расширения земельных владений. В будущем каждый крупный город должен будет создать по глобусу крупных размеров, по миллионной шкале, до 500 000^a, 100 000^a, или еще больше; воспроизводящему настоящую форму земной коры с ее точным рельефом. Детальные проекты подобных сооружений будущего уже были представлены публике,

и их выполнение, вполне возможно, начнется в наше время. Астрономы, предвосхищая современных географов, давно осознали важность воспроизведения лунного грунта в крупных пропорциях.

Несомненно, эти научные монументы будут необходимы и для обучения взрослой публики; но здесь мы говорим об организации уроков для учеников наших школ, где не годятся глобусы крупных диаметров. Не важно; если у нас трудности с приобретением глобуса, что мешает нам демонстрировать его фрагменты? Если глобус чересчур крупный, его можно порезать во всех направлениях. Можно получить его сегмент равный 10-миллионным! Другой 5-миллионным! Вплоть до 10-тысячного, до контура Швейцарии, представленной на 400 метрах поверхности глобуса!

Когда будут доступны соответствующие производственные средства, можно будет изготавливать диски всех размеров в удобных пропорциях, причем, следует отметить, что речь идет не только о географии, а также об астрономии, и вы, изучающие т. н. *небесные сферы*, получите возможность изучать эти вращающиеся в пространстве сферические диски, как мы, при помощи таких наших выпуклых дисков. Ошибки в картах одинаковы для вас и для нас; поэтому я могу со всей ответственностью рассчитывать на ваше участие в том мирном революционном движении, которое мы намереваемся начать в наших школах.

Мы говорим о прогрессе, но, рассматривая его с определенной точки зрения, живя если и не в эпоху регресса, то, по крайней мере, в период неблагоприятных изменений, и нам еще предстоит проделать долгий путь, прежде чем мы достигнем эпохи, соразмерной вавилонскому величию. Самые далекие воспоминания древности относятся к Халдее, к стране, чей народ забрался на *Звездную башню*. Над низкими постройками всегда возводились обсерватории; красивые воздушные сады легендарной Семирамиды поэтизировали посредством своей буйной растительности и пения своих птиц высокую башню, с которой астрономы изучали небесные пространства. В этой стране не было ни одного города, в котором не было бы такого храма науки, посвященного изучению Земли и Небес.

Согласно одной довольно известной легенде, люди, объединенные в единый народ, работали над строительством одного из таких научных зданий, Вавилонской башни, не зная языков друг друга, не понимая друг друга и, в конце концов, став друг другу чужаками и врагами. Сегодня, когда мы вновь говорим на едином языке, на языке науки; ничто не мешает нам объединиться так тесно, как никогда прежде; уже настали времена, когда мы можем без страха возобновить это прерванное строительство. Мы надеемся, что уже вскоре каждый народ сможет построить собственную *Звездную башню*, с которой граждане смогут наблюдать за небесными явлениями и познавать чудеса Земли, своей родной планеты.

Элизе Реклю

Прочитав эту статью, я написал в брюссельский Институт географии, попросив ее автора порекомендовать мне текстовые книги для обучения географии, на которое выдающийся географ Реклю отвечал следующее:

Сеньор Феррер Гуардиа!

Дорогой друг: нет текстов для обучения географии в начальных школах, отвечающих моей концепции. Я не встречал ни одного текста, который не был бы заражен религиозным или патриотическим ядом, или, что еще хуже, административной рутинной.

С другой стороны, когда детям выпадает удача, как, несомненно, выпала ученикам Современной школы, учиться под руководством умных педагогов, любящих свою профессию, они только выигрывают от отсутствия книг. Устное обучение, пробуждающее мысль, которое дает знающий понимающим — лучше всего. Получив семена знаний, они дают урожай в виде своих письменных работ и рисования карт. Тем не менее, можно допустить, что даже учителя

лей обогатило бы руководство, которое служило бы в качестве проводника и советника при обучении этой науке.

Желаете ли вы, чтобы я обратился к N..., человеку, способному, на мой взгляд, написать подобный труд соответствующий упомянутым критериям?

С сердечным приветом, Ваш друг, Элизей Реклю Брюссель, 26 февраля 1903 г.

В 7-м номере *Бюллетеня* я опубликовал следующее предисловие к нашей хрестоматии:

Происхождение христианства

Настоящей, хоть и необъявленной, целью старой педагогики было обучение народа идее бесполезности знаний, для того, чтобы привыкая к материальной нищете своей жизни, люди мечтали о небесном вознаграждении в виде непреходящего блаженства или боялись вечной кары, поэтому с раннего детства им давали читать лишь рассказы, анекдоты, описания путешествий, фрагменты классической литературы и т. д.

Вместе с этой смесью красивого и полезного просачивались заблуждения; достигались несправедливые социальные цели; потому что в умах откладывалась лишь одна мистическая идея, идея установления связей между сверхъестественным существом и людьми через посредство священнослужителей, как основы существования и привилегированных, и обездоленных слоев общества. Следствием этой идеи стали все несправедливости, которым, в зависимости от их положения, подвергались все люди.

Среди множества книг указанного типа, страдающих от одной и той же болезни, есть одна, в которой содержится ученая речь, перл испанского красноречия, направленный на восхваление Библии, чье краткое содержание, помимо несравненных оборотов речи, сводится к следующему варварскому суждению о сожжении Омаром Александрийской библиотеки: *в Священном писании содержится единственная абсолютная истина: если все эти книги истинны, пусть их будет много; если же нет, они достойны огня.*

Современная школа, стремящаяся к формированию свободных, ответственных умов, способных жить в полном развитии человеческих способностей, которое является единственным смыслом человеческой жизни, в конкретном случае формирования своей собственной хрестоматии, должна воспользоваться иными принципами, соответствующими ее методам обучения, и в этих целях обучать доказанным истинам, уделяя должное внимание борьбе между светом и тенью. Мы считаем необходимым представить критические труды, которые, при помощи позитивных, неоспоримых фактов, просветят ум ученика, если не в период раннего детства, то позже, когда взрослеющий человек подключается к социальному механизму, в котором он сталкивается с заблуждениями, суевериями, лицемерием и ложью, опутывающей его под мистической мантией.

К этому процессу формирования добавляется то важное обстоятельство, что наши книги адресованы отнюдь не только детям, они скорее послужат школам для взрослых, создаваемым повсюду по инициативе множества рабочих сообществ, групп вольнодумцев, кооперативов, рекреационных клубов, кружков по изучению социальных наук и прочих просвещенных и прогрессивных коллективов, как существующих, так и формирующихся, готовых бороться с безграмотностью, поддерживаемой традицией и препятствующей прогрессу. В этом смысле мы считаем абсолютно уместным приводимый ниже отрывок, под заголовком «Происхождение христианства», который мы взяли из книги «Наука и религия» Мальвера и в котором мифы, догмы и церемонии представлены в их первоначальной искренности, то в качестве эзотерической символики, скрывающей истину от обращенных и оставляющей безграмотным лишь сказки, то в качестве адаптации старых поверий, упорствующих из-за тупой рутины и из-за извлекаемой из них дурной пользы.

Будучи твердыми в наших убеждениях, обладая доказательствами рациональности и пользы наших идей и трудов, мы посвящаем их своей аудитории, отдавая ей все их плоды, соблюдая лишь необходимые в детстве запреты, указанные при помощи многоточий, чтобы дети на наших глазах превращались в полноценных взрослых людей.

Ф. Феррер Гуардиа

XII. Воскресные встречи

Современная школа не ограничилась педагогическим действием. Ни на минуту не забывая о своих основных характеристиках и изначальном предназначении, она также занялась народным просвещением, организовав серию открытых воскресных встреч, в которых участвовали ученики, их семьи и большое количество рабочих, желающих учиться.

Первым встречам не хватало необходимых методичности и целостности, потому что приходилось обращаться к некомпетентным в некоторых вопросах докладчикам, не связывавшим темы своих выступлений ни с предыдущими, ни с последующими собраниями. В других случаях за неимением докладчиков мы устраивали интересные чтения, дополнявшие устные выступления, без ущерба для них.

Публика прилежно посещала эти собрания, и объявления, публикуемые нами в местной либеральной прессе, пользовались ее вниманием.

Ввиду этих результатов и желая воспользоваться столь благосклонным отношением публики, я организовал встречу с профессорами из Университета Барселоны, докторами Андресом Мартинесом Варгасом и Одоном де Буэном, посвященную созданию при Современной школе Народного университета, в котором наука, преподаваемая, или, лучше сказать, продаваемая в государственных учреждениях привилегированной молодежи, преподавалась бы народу бесплатно, как нечто вроде естественного возврата народу всего того, что имеет право знать любое человеческое существо, потому что наука не должна ограничиться одним классом, будучи продуктом наблюдений, знаний и трудов людей всех эпох и всех стран.

Фактически, собрания стали с тех пор проводиться регулярно, в соответствии со специфическими знаниями обоих лекторов. Д-р Мартинес Варгас объяснял физиологию и гигиену, а д-р Де Буэн географию и естественные науки, сменяя друг друга через воскресенье, вплоть до начала преследований, и их объяснения жадно усваивались учениками Современной школы и усердными посетителями, сформировавшими настолько прекрасную аудиторию из детей и взрослых, что однажды в либеральной прессе Барселоны, постоянно писавшей обзоры о наших собраниях, один из журналистов назвал их *мессами науки*.

Вечные мракобесы, закладывающие в сумраке народной безграмотности основы для поддержания собственных привилегий, страдают неимоверно, видя сияющий с подобной интенсивностью очаг просвещения, и очень радуются, когда служащие ей власти жестоко его гасят.

Сейчас, посвящая эти воспоминания блестящим моментам минувшего, я воодушевлен идеей вернуть их на более прочных основах, которые могут стать неуничтожимыми.

Я с удовольствием вспоминаю тот еженедельный час, посвященный братанию с культурой.

Собрания были открыты 15 декабря 1901 г. д-ром Эрнесто Вендреллом, рассказавшим о Гипатии, как о мученице за идеи Науки и Красоты, жертве фанатизма епископа Кирилла.

За ними последовали другие воскресные собрания с другими лекторами, как мы указывали, вплоть до 5 октября 1902 г., когда эти собрания стали регулярными, оформившись в виде двух научных курсов.

В тот день д-р Андрес Мартинес Варгас, профессор по детским заболеваниям с барселонского факультета медицины, дал свою первую лекцию по школьной гигиене, представив в искренних выражениях, перед детскими умами, основные понятия гигиены, а д-р Одон де Буэн, профессор с факультета наук, рассказал им о пользе изучения естественных наук.

Пресса в целом демонстрировала симпатию к Современной школе; но перед составлением программы на третий учебный год появились и негативные отклики в двух местных газетах: *El Noticiero Universal* и *Diario de Barcelona*. Ниже я привожу их отрывки, свидетельствующие о типичном подходе консервативной прессы к прогрессивным достижениям:

Мы видели, что в нашем городе распространяется проспект о развитии учебного центра, в котором не обращают внимания на *догмы и системы*, и, более того, предлагают освободить мир от *авторитарных догм, постыдных софизмов и смехотворных условностей*. Нам кажется, что все это означает, что в первую очередь учеников и учениц, поскольку школа смешанная, научат отрицать существование Бога, и все остальное, чему учат хороших детей, в частности, девушек, которым предстоит стать хорошими супругами и матерями...

Продолжая в том же ироничном духе, они приводят свои лучшие аргументы и заканчивают следующим коварным доносом:

В этой школе преподают в числе прочих distinguished профессора, один с факультета Естественных наук (дон Одон де Буэн), другой с факультета Медицины. Имя последнего мы не упоминаем на тот случай, если оно было лишь по ошибке включено среди тех, кто участвует в подобном деле.

К счастью, ущерб, который наносит пресса, можно возместить при помощи той же прессы, и на это клерикальное коварство был дан развернутый и энергичный ответ в *El Diluvio*.

Возмущенные клерикалы

Газета *Brusi* [неформальное название *Diario de Barcelona* по фамилии семьи основателей и владельцев, Э. С.] в качестве автора, и *El noticiero*, в качестве его попугая, совершили самую смехотворную глупость, опубликовав заметку против светской школы, функционирующей в Барселоне, под аплодисменты всех либеральных граждан, составляющих большинство в этом демократичном городе; мы говорим о Современной школе, которая, пользуясь случаем инаугурации следующего курса, распространила циркуляры, опубликованные во всех местных печатных изданиях, за исключением, полагаем, *Brusi* и его приложения *El noticiero*, которые подвергли нападкам светское учреждение с улицы Байлен, несомненно, чтобы подольститься к своей клиентуре.

Мы не собираемся защищать Современную школу, потому что наших читателей вовсе не нужно убеждать в ее благотворности, и, к тому же, сама Современная школа не нуждается в нашей рекламе; филиппики *Brusi* лишь продемонстрировали, что эта газета со всей ее религиозностью, не чужда ненависти и досады, а также открытой лжи, как в этой заметке, построенной на неискренности со всех сторон. В этой затхлой газетенке говорится, что в вышеупомянутой школе учат не верить в Бога, подвергают насмешкам религию, и мы не знаем, какие еще ужасы эта напуганная ветхозаветная газетенка обнаружила в словах *Ни догм, ни систем*, которые это учебное заведение выбрало в качестве формулы, выражающей ее абсолютно независимую организацию. Нет, затхлая газетенка, нет; вы очень сильно не правы и нет ни грамма истины в ваших утверждениях о том, что в этом учебном центре отрицают Бога и учат этому детей; ничего подобного не написано ни в одном параграфе ее проспекта. Что так сильно раздражает *Brusi*, заставляя ее раздражаться словами возмущения и лжи, неподобающими для истинного христианина, это следующий параграф: *Ни догм, ни систем, ни штампов, которые уменьшают жизнеспособность до состояния ограниченных потребностей, вызванных переходным состоянием общества, стремящегося стать постоянным; все заявления должны удостоверяться фактами, все теории должны приниматься в соответствии с доводами рассудка, все истины должны подтверждаться доказательствами, в этом заключается наше обучение, направленное на то, чтобы мозги каждого стали двигателем воли и на то чтобы истина сияла сама по себе в абстракции, укореняясь в понимании каждого и, будучи примененной на практике, приносила благо всему человечеству без низких исключений и отвратительной элитарности.*

Это совсем не понравилось газете, под официальным названием *Diario de Barcelona*, которая никак не может смириться с тем, что светское образование выметает образование клерикальное; с тем, что молитвы монастырских школ превратятся в гимны Свободе и чистой Науке; с тем, что безграмотный поп и хитрый филистер, вор умов и тиран стесненных мозгов, уступят место независимому профессору, который отодвинет в сторону религию и вселит в эти умы абсолютно светские знания, основанные на Естественности и Науке. Газетенка *Brusi* знает наверняка, что в тех светских школах, чей прогресс им так мешает, не учат ничему против религии или догм; что их не заботят подобные вещи, потому что они считают, что религиозные чувства должны зарождаться и развиваться в детях в лоне домашнего очага; в таких учебных центрах присутствует здоровое убеждение, что в них должен воспитываться человек

науки и человеческих знаний, в то время как сначала семья, потом общество должны формировать в человеке религиозные убеждения, если таковы его склонности. И пусть затхлая газетенка не делает утверждений о том, что в подобных (атеистских) убеждениях воспитывают антиклерикалы, потому что схожие убеждения имели Вольтер, Вольтей, Дарвин, Виктор Гюго, Золя, Комб и целая плеяда достойных людей и свободных умов, воспитанных при этом иезуитами, монахами или священниками, и глубоких знатоков зла, переодетого добром, в котором они были воспитаны. В конце концов, они обратили свои умы против своих учителей, сокрушив основы клерикализма благодаря силе своих талантов, при помощи оружия своих знаний и энергий своей воли. Поэтому пусть *Brusi* не бьет беспричинную тревогу, запугивая малодушные семьи и боязливые души; пусть проявит благородство и признает, что клерикальное образование лишь теряет свою силу, когда пытается вторгнуться на территорию либерального образования; или, в крайнем случае, пусть заткнется и смирится перед вполне оправданной пропагандой либеральных граждан в пользу светского образования и его преимуществ перед тем, другим образованием, монастырским, ретроградным и средневековым образованием, борющимся с современными, прогрессивными обществами и знаниями. Пусть нам доверится ветхозаветный *Diario*: если он будет продолжать свои бессмысленные труды, пустота, и так давно грызущая его, оставит его в полном одиночестве и изоляции, лишив его даже тех, кто, следуя за ним по традиции, не заходят столь далеко в ханжестве и не считают разумным такое количество сплетен и нащептываний.

XIII. Позитивные результаты

В начале второго учебного года я опубликовал и распространил следующую программу:

Мы подтверждаем нашу предыдущую программу: ее правоту доказал ее успех, и теперь наша теория подтверждена практикой. Главный критерий, которым с самого начала руководствовалась жизнь нашей **Современной школы**, остается твердым и неизменным.

Наука является единственной учительницей жизни

Вдохновленная этим девизом, Современная школа рассчитывает, что сможет давать детям, порученным ее опеке, *необходимую жизнеспособность мозга*, до тех пор, пока они не будут свободны от ее рациональной опеки, продолжая оставаться в общественном мире смертельными врагами предрассудков всех видов, склонными формировать свои собственные рациональные суждения в отношении всех объектов размышления.

Кроме того, поскольку обучение должно осуществляться не столько через дисциплину ума, сколько в соответствии с чувствами и волей, в обучении наших учеников мы тщательно заботимся о том, чтобы интеллектуальные представления, которые мы им даем в процессе обучения, преобразовывались в игру чувств; потому что такая игра, приобретая определенную степень интенсивности, незаметно разливается по всему существу, формируя и украшая характер человека. Как показывает практика жизни, или человеческое поведение, эта игра потом бесперебойно дает о себе знать во всех проявлениях характера, и именно таким образом молодой студент должен превращать науку в единственную, благодетельную учительницу жизни.

Для завершения описания наших критериев необходимо отметить, что мы всей душой остаемся приверженцами *смешанного* образования, чья суть заключается в одинаковом образовании для мальчиков и девочек. Таким же образом женская и мужская половины человечества добьются более глубокого взаимопонимания, и женщина станет и в частной, и в общественной жизни *подругой мужчины* в человеческом труде, направленном на улучшение условий жизни и счастье нашего вида.

Человеческий труд, о котором мы говорим, до сих пор ограничивался исключительно мужчиной, до сих пор он был незавершенным, и, к тому же, неэффективным; в будущем он должен быть доверен и мужчине, и женщине. Поэтому, необходимо, чтобы женщина перестала ограничиваться домашним очагом; чтобы радиус ее действия распространился до пределов самого общества. Но для того чтобы подруги мужчин обрели свое собственное моральное влияние, чтобы их деятельность приносила свои собственные плодотворные и благотворные результаты, знания, получаемые ими, должны быть равными, по качеству и количеству, знаниям, получаемым мужчиной.

Наука, проникая в женский мозг, просветит его, надежно управляя богатым источником чувств, являющихся общеизвестной, характерной чертой женской жизни; этот элемент, отдаленный от своего естественного применения из-за антипрогрессивных взглядов, должен превратиться в благую весть мира и счастья в моральном будущем человечества.

Зная насколько полезно для нашей страны распространение знаний о Естественных науках и Гигиене; особенно для детей, Современная школа готова оказывать всяческую помощь в достижении этих целей. В этом она полагается на помощь двух университетских профессоров. Сеньор де Буэн, профессор Естественных наук, и сеньор Мартинес Варгас, профессор по Детским болезням, будут читать лекции, сменяя друг друга, в областях своих научных знаний, в нашем учебном центре.

В *Бюллетене* от 30 июня 1903-го я смог опубликовать следующее заявление:

Очередной год

Нам исполнилось уже два года с того дня, когда мы впервые заявили о своих намерениях, оправданных за это время нашей практикой, а также уважением и репутацией со стороны многих людей, чье сотрудничество способствовало успехам нашей деятельности.

Мы можем с уверенностью и твердостью утверждать, что выполняем свои намерения, а это уже представляет собой даже не столько гарантию триумфа, сколько сам позитивный триумф.

Выйдя на свой путь, избавившись от препятствий, стоявших на нем из-за противоречивых интересов и забот, мы вдохновляемся той мыслью, что тому, кто добился исполнения трудных задач, будет не трудно проявлять упорство в легком, и, рассчитывая на прогрессивную интеллектуальную солидарность, которая своим мощным светом рассеивает черный мрак невежества, мы продолжим наш труд в этом сентябре, после летних каникул.

Мы очень рады, что можем повторить те же слова, что мы говорили в прошлом году в тех же обстоятельствах и в том же месте.

Современная школа и ее *Бюллетень* полны жизни, потому что они соответствуют этой глубоко прочувствованной необходимости и способны полностью удовлетворить ее: кроме того, нам не нужно многое для того, чтобы продолжать свое дело, как до этого, без громких обещаний и программ, мы продолжали его, делая все, что могли.

Редакция

В том же номере появилась следующая таблица пола и числа учеников, обучавшихся в **Современной школе** в течение двух первых школьных лет:

	Месяцы	Девочки в 1901-2	Девочки в 1902-3	Мальчики в 1901-2	Мальчики в 1902-3	Всего в 1- м году	Всего во 2-м году
--	--------	---------------------	---------------------	----------------------	----------------------	----------------------	-------------------------

	День от- крытия	12	—	18	—	30	-
--	--------------------	----	---	----	---	----	---

	Сентябрь	16	23	23	40	39	63
--	----------	----	----	----	----	----	----

	Октябрь	18	28	25	40	43	68
--	---------	----	----	----	----	----	----

	Ноябрь	21	31	29	40	50	71
--	--------	----	----	----	----	----	----

	Декабрь	22	31	30	40	52	71
--	---------	----	----	----	----	----	----

	Январь	22	31	32	44	54	75
--	--------	----	----	----	----	----	----

	Февраль	23	31	32	48	55	79
--	---------	----	----	----	----	----	----

	Март	25	33	34	47	59	80
--	------	----	----	----	----	----	----

	Апрель	26	32	37	48	63	80
--	--------	----	----	----	----	----	----

	Май	30	33	38	48	68	81
--	-----	----	----	----	----	----	----

	Июнь	32	34	38	48	70	82
--	------	----	----	----	----	----	----

С особым удовольствием, в доказательство триумфального прогресса **Современной школы**, я привожу здесь две нижеследующие статьи, которые я опубликовал в I номере *Бюллетеня* 3-го года издания:

Открытие школьного года

8-го числа текущего месяца мы отпраздновали открытие нынешнего учебного года.

Большое количество учеников, членов их семей и других симпатизирующих нам людей, посещающих наше заведение, постоянно устраиваемые общественные собрания заполнили наши недавно расширенные аудитории, и, еще до того как наступил назначенный час, наши посетители уже смогли ознакомиться с коллекциями, придающими нашей школе вид музея науки.

Собрание началось с краткой вступительной речи директора, объявившего открытым третий учебный год, в течение которого, благодаря наработанной практике и опыту, подкрепленным нашими успехами, мы будем с энергией и убежденностью продолжать дело, оживляющее **Современную школу**.

Д-р де Буэн с удовлетворением отметил материальные улучшения, произошедшие в **Современной школе**, в соответствии с идеалами, согласно которым обучение достоверно отражает естественность, и знание не может быть ничем иным, как отражением того факта, что окружающий нас мир требует наших умственных усилий.

По просьбам детей, учеников **Современной школы** и ее посетителей, он рассказал о проявлениях братской привязанности среди одноклассников, даже в летний период, когда они пожелали воспользоваться возможностью пожить в естественных условиях, на берегу моря, или совершая походы в леса, бегая по равнинам, предпринимая риски скалолазания, беспрестанно наблюдая и изучая чудеса природы.

Он сказал, что в официальном образовании, или точнее, в среде занятых в нем профессоров, несмотря на все еще бытующие там архаичные представления о социальных классах, все же присутствуют тенденции к равенству, вроде тех, которых придерживается **Современная школа**, чему способствует как сам оратор, так и доктор Мартинес Варгас, и другие присутствующие учителя.

Он объявил, что уже вскорости в Гвадалахаре должна открыться школа, аналогичная **Современной школе**, преследующая те же цели, благодаря наследству одного альтруиста, который, умирая, решил сделать вклад в спасение детей, их освобождение от безграмотности и невежества, и выразил надежду и живейшее желание, что богатые, в будущем умирая, поймут, наконец, что гораздо лучше, чем предаваться безумному эгоизму, заставляющему их посвящать свои богатства иллюзорному счастью потустороннего мира, будет, если они вернут эти богатства обществу, отдав их обездоленным.

Д-р Мартинес Варгас подтвердил, вопреки всем тем, кто верит в обратное, что чисто научное и рациональное обучение в **Современной школе** является позитивной основой для хорошего образования, для улучшения отношений между детьми, их семьями и обществом, уникальной для морального и интеллектуального воспитания будущего взрослого человека.

Он с радостью отметил, что школьная гигиена, практиковавшаяся в **Современной школе** в течение двух предыдущих лет в виде периодической экзаменации учеников, профилактики инфекционных заболеваний и теоретических объяснений на общественных собраниях, была публично одобрена на прошедшем недавно в Брюсселе конгрессе по гигиене.

Подводя итоги своему выступлению и дополняя устное объяснение зрительными образами, он воспользовался проектором, сделав презентацию серии гигиенических упражнений, типичных характеристик различных болезней, пораженных органов и т. д., и дав подробные разъяснения по каждому слайду. Неожиданная неисправность в проекторе, которую легко можно устранить до следующих собраний, прервала презентацию слайдов, но не разъяснения выступавшего, перешедшего к вредному влиянию корсета, причинам микробной инфекции, заключающимся в пыли, остающейся на длинной, волочащейся по полу одежде, неудобствам, испытываемым детьми при игре с землей из-за опасности этой инфекции, нездоровому воздуху жилищ и цехов и т. д., завершив обещанием продолжить во время следующего курса, который начнется с серии лекций по гигиене.

В конце выступления собрание выразило свое удовлетворение, и ученики, сияющие от радости, представляли собой очень живую картину, которая могла бы послужить утешением в страданиях причиняемых грустной реальностью настоящего и вдохнуть надежду на лучшее будущее человечества.

Школьная экскурсия в страну промышленности

«Как велик, как прекрасен, как полезен труд».

Подобные восклицания спонтанно вырывались из уст мальчиков и девочек, учащихся Современной школы, во время веселой прогулки в окрестностях Сабаделла, 30 июля т. г., после посещения различных фабрик, в которых они с большой симпатией пообщались с рабочими мужчинами и женщинами, проявившими к своим маленьким гостям любовь и уважение, и в конце визита, когда после братского полевого банкета, собравшись вокруг автора этого очерка о познавательной экскурсии, смогли с восхищением услышать о ее мотивах.

Первобытный человек, сформировавшийся в долгом и постоянно прогрессирующем процессе эволюции, жил на заре человечества, без знаний, без ресурсов, под гнетом давящих на него потребностей. Живя на лоне роскошной и изобильной природы, хоть и мало предрасположенной делиться своими дарами бесплатно, он скорее существовал, чем жил на побережьях, в лесах, в горах, укрываясь в пещерах, в которых он пытался освободиться от стихийных явлений и прожорливости хищников.

Когда, связывая идеи, которые беспорядочно откладывались в его памяти, он смог сформулировать свои первые мысли, из-за необходимости, как главного, если не единственного импульса его интеллектуальной деятельности, он увидел, что природа готова предоставить ему свои дары в обмен на его мысли, когда, например, мысль о впервые брошенном оружии дала ему охоту, мысль о другом, соответствующем предмете, дала ему рыбалку, а когда ему пришлось закопать семя, чтобы спрятать его, он получил выращивание плодов. Это помогло ему не только не умереть с голода, но также защититься от опасных хищников и создать первые наброски общественной жизни.

Ему необходимо было одеваться, и порой пользоваться волокнами текстильных растений, после того как он уже использовал шкуры съеденных животных, грязные, бесформенные, скоропортящиеся, лишённые необходимой выделки, что натолкнуло его на мысли об использовании волокон шерсти, о создании зачатков ткацких станков, на которых нити натягиваются между двумя столбами, а узор вышивается вручную, потому что тогда еще не существовало ни ткацкой основы, ни зевобразования, ни челнока с точной нитью, для формирования ткани.

Появилась первая пряха, что ознаменовало собой крупный социальный прогресс; поскольку с ее появлением кочевое племя, перебиравшееся с одной истощенной территории на другую в поисках девственной и изобильной земли, не всегда находя ее, страдая от суровых лишений на своем пути, приходя на земли, занятые другими племенами, и вступая с ними в жестокие войны, или просто погибая, не найдя таковой, наконец, превратилось в оседлое.

Кроме того, пряха означает семью, очаг, возделанное поле, стадо, одежду, регулярный рацион хлеба, овощей, зелени с огородов, фруктов, молока, сыра и мяса; а также железо, кузницу, инструменты, труд, мораль и мир.

Если бы на этой высокой ступени прогресса не возникли, подобно болезням, способным поразить весь организм, священник, мандарин и воин, то этот прогресс поднимался бы все выше и выше, и те идеалы, которые мы предугадываем сейчас, как нашу далекую надежду, насчитывали бы уже века практического применения.

Мы знаем об этом типе пряжи из визуальных произведений искусства, потому что такие пряжи до сих пор существуют в тех далеких уголках планеты, куда еще не добрался поток цивилизаторов: сидящая за своей прялкой, на которой натянута выстиранная и чесаная овечья шерсть, она берет нить, которую она скручивает и укрепляет при помощи веретена, и быстро и мягко пропускает между пальцев, будь она дряхлой старушкой, красивой матроной, или робкой девочкой.

С этими представлениями в уме, дети узнавали и запоминали механические чудеса, представавшие перед их наивным, восхищенным взглядом, хотя им и трудно было запомнить объяснения и технические детали, ясно и с любовью представленные им оратором и рабочими из разных цехов, причем это преобразование грубой, грязной, недавно состриженной шерсти в тончайшие ткани элегантного вида и богатой расцветки, в течение короткого времени, благодаря действию нескольких механизмов, не дающему им никакого представления о сложности операций и утомительности труда, казалось им делом рук добрых фей.

Необходимо было показать им реальность и привлечь их внимание к механизму, на который поступает неотделанная шерсть, где она механически отмывается в нескольких раковинах, в каждой из которых увеличивается его мягкость, до состояния белоснежной чистоты; потом начинается прочесывание, при котором обычный, известный всем клочок шерсти распускается на бесчисленные, распущенные нити и на редкие, тончайшие волокна; после чего, надвигающихся вперед и назад каретках с веретенами, появляется пряжа, производя за одну минуту столько работы, на какую пряжа прежних времен тратила целые месяцы; потом свивка, придающая нити прочность и однородность; затем основа, предвосхищающая ткацкий станок; а вслед за ним, весь этот процесс был увенчан гениальной машиной Жаккарда, которая, словно бы обладая собственной волей и рассудком, подобно артисту управляет кистями и красками, движет иглами и досками, при помощи которых она производит цветные эскизы, украшающие ткани, используемые нами в качестве одежды и различных видов орнаментов.

Эту сложную картину дополняло управление отходами производства, бракованным материалом и обрезками, при котором, благодаря простым операциям, определенным образом обновлялись использованные волокна, которые можно было использовать для дешевых тканей, предназначенных для бедняков, т. е. в качестве компенсации для производителей.

Гимн прогрессу, цивилизации, труду спонтанно начинал звучать в возбужденном воображении школьников на экскурсии, выражаясь в восхищенных возгласах, издававшихся ими на каждом шагу, в хрустальном звоне модуляций их детских голосов.

Их пришлось вновь возвращать к реальности. В этом помог случай: некоторые мальчики и девочки из-за жаркого воздуха и неприятного запаха материалов и ингредиентов не захотели заходить в последний цех, что предоставило возможность для последней дискуссии.

Рабочие, мужчины и женщины, занятые на этих фабриках, начали учиться своему ремеслу еще будучи детьми, задолго до того как вырос и окреп их организм и до того как они закончили свое образование; им тоже не нравился жаркий воздух и запах материалов; но выше этого отвращения была жизненная необходимость, и здесь им придется находиться до самой смерти, как правило, это грустный, преждевременный конец задолго до того возраста, который обычно отпущен человеческому организму.

Конечно, достойно восхищения то, как наука и индустрия вместе реализовали чудеса, вроде тех, что производят эти машины; но, к сожалению, им противостоит один ужасный факт: их преимущества не распределяются на равноправной основе; на первый взгляд дело обстоит так: этим рабочим приходится постоянно терпеть эти условия, непереносимые для некоторых детей, они много страдают и, как правило, умирают рано, причем все это ради жалкого поденного заработка; в то время как официальные хозяева машин, продуктов и прибылей, когда торговля идет хорошо, обогащаются и вместе со своими семьями наслаждаются преимуществами своих богатств, и это показывает нам, что до тех пор, пока социальная справедливость не поднимется на высоты, достигнутые наукой и индустрией, нам предстоит много поработать над осуществлением нашей задачи, возвышения человечества до вершин достоинства и позитивного счастья.

Таковы были общие изложенные тезисы, которые произвели впечатление на наших учеников во время экскурсии, став полезным дополнением к урокам, преподаваемым в нашей школе.

XIV. В законную защиту

Передо мной программа третьего школьного года, с 1903-го по 1904-й: по сути, основной идеей **Современной школы** является способствование постоянному прогрессу детей, избегая при этом дремучих пережитков, противопоставляющих прошлое явным и признанным достижениям, направленным в будущее.

Ни догм, ни систем, ни штампов, сводящих жизнь к ограниченным потребностям преходящего общества, претендующего на вечность; наши решения проверяются фактами, наши теории приемлемы для разума, наши истины подтверждаются свидетельствами, именно в этом заключается наш урок, направленный на то, чтобы интеллектуальные способности каждого стали двигателем воли и чтобы истина сияла сама по себе в мире абстрактных идей, мы основываем этот урок на понимании, применяя его на практике, мы стремимся использовать его во благо всего человечества, без недостойных исключений и отвратительной элитарности.

Два успешных года служат нам в качестве гарантии, напрямую свидетельствуя о пользе смешанного обучения, это блестящий результат, можно сказать триумф, достигнутый благодаря самому элементарному здравому смыслу, преобладающему над заботами и рутинной.

Считая, что если ученик формирует верные представления обо всем, что его окружает, это, по крайней мере, удобно, **Современная школа** распространяет знания о естественных и физических науках и гигиене, посвятив этим предметам курсы с участием докторов наук сеньора де Буэна, с кафедры естествознания, и сеньора Мартинеса Варгаса, с кафедры факультета медицины данного университета, которые поочередно будут проводить воскресные собрания по своим предметам, с одиннадцати до двенадцати в помещении **школы**, что должно послужить расширению и завершению лекций по вышеназванным предметам для учеников в течение года.

Нам остается упомянуть, что всегда заботясь о хорошем выполнении наших трудов, направленных на возрождение интеллекта и воли, мы обогатили наши учебные материалы новыми коллекциями, которые, облегчая понимание, делают более приятным процесс овладения науками, и что поскольку наше помещение оказалось недостаточным для растущего числа учеников, мы арендовали новые, более просторные классы, отвечающие потребностям процесса обучения.

Публикация данной программы, как было указано, привлекла внимание реакционной прессы и вызвала возражения либеральной. В целях демонстрации рациональной силы **Современной школы**, я напечатал в *Бюллетене* следующую статью:

Педагогический антагонизм

Современная педагогика, лишенная традиций и условностей, должна выйти на уровень рациональных концепций человека, современных научных знаний и соответствующих гуманистических идеалов.

Если под каким-либо посторонним влиянием обучению и образованию придают иной смысл, и учитель не выполняет свои обязанности, как следует, тогда будет только справедливым обличать его как обманщика, и заявлять, что педагогика не является средством для подчинения человека его угнетателям.

К сожалению, чаще всего случается последнее: общество организовано и порядок в нем поддерживается таким образом, что вместо того чтобы направляться на удовлетворение общих потребностей и достижение идеала, оно ведет себя так, словно бы обязано сохранять свои примитивные формы в борьбе против любых реформ, какими бы рациональными и прогрессивными они ни были.

Это стремление к неподвижности придает старым заблуждениям характер священных поверий, окружает их высоким престижем, дает им непререкаемый авторитет, вследствие чего научные истины вместо того, чтобы создавать волнения и конфликты, остаются без разъяснений или их разъясняют скудно, и вместо того чтобы просвещать умы и быть принятыми общественными учреждениями и устоями для общего блага, они остаются ограниченными привилегированной сферой; так что и в наши дни, как во времена египетской теократии, существует эзотерическая доктрина для посвященных и экзотерическая для низших классов, предназначенных для труда, обороны и самой унижительной нищеты.

Отсюда наше отношение к мистической и мифической доктрине, чье господство и повсеместность можно было объяснить и понять разве что в первобытные времена человечества, но при этом они и по сей день почему-то пользуются всеобщим признанием, до такой степени, что научная доктрина, несмотря на свою очевидность, остается достоянием ограниченной сферы, населенной интеллектуалами, и, максимум, в тайне признается также отдельными лицемерами, которые не хотят рисковать своим положением, и на публике утверждают противоположные ей вещи.

Чтобы показать абсурдность этого противостояния, достаточно следующего сравнения, в котором высокопарное воображение невежественного верующего контрастирует с искренней рациональностью ученого:

Библия³

В Библии описывается происхождение небес, земли и человеческого рода; в ней, как в самом божестве, содержится все, что было, все, что есть, и все, что будет: на ее первой странице мы встречаемся с началом времен и всего мира, а на последней странице находится конец всего мира и времен. Она начинается с книги Бытия, т. е. с идиллии, и заканчивается Апокалипсисом св. Иоанна, а это реквием. Книга Бытия прекрасна, как первый ветерок, освежающий этот мир; как первая заря, расцветающая в небе; как первый цветок, распускающийся в полях; как первые слова любви, произнесенные человеком; как первое солнце, восходящее на Востоке. Апокалипсис св. Иоанна печален, как последний вздох Природы; как последний луч света; как последний взгляд умирающего. Между этим реквиемом и той идиллией перед взглядом Бога проходят все поколения и все города этого мира. Проходят племена со своими патриархами; республики со своими магистратами; монархии со своими королями и империи со своими императорами, Вавилон со своими ужасами, Ниневия со своей помпезностью, Мемфис со своим жречеством, Иерусалим со своими пророками и храмами, Афины со своими искусствами и своими героями, Рим в своей короне и с сокровищами, награбленными во всем мире. Ничто не незыблемо перед Богом; все проходит и умирает, как проходит и умирает пена морской волны.

Род человеческий начал читать эту чудесную книгу тридцать три столетия назад, и читая ее во все дни, во все часы, он все еще не начал ее чтение. Это чудесная книга, в которой все уже было рассчитано до того как появилась наука расчета; в которой без лингвистических наук содержится новость о происхождении всех языков; в которой без астрономических анализов рассчитаны все вращения звезд; в которой без исторических документов рассказана вся история; в которой без физических анализов раскрыты законы мира. Чудесная книга, которая видит все и знает все; которая знает все мысли, зарождающиеся в сердце человеческого и присутствующие в уме Божьем; которая видит все, что происходит во глубине морской и в безднах земных; которая рассказывает и предсказывает все катастрофы людские, и в которой бережно хранятся все сокровища сострадания, все сокровища справедливости и все сокровища милосердия. Наконец, книга, которая, когда небеса свернутся в самих себе, словно от гигантского ветра, и когда сама земля будет изнывать в обмороке, а солнце спрячет свой свет, и звезды погаснут, с Богом останется только она, потому что она — его вечное слово, отдающееся эхом во веки вечные в горних высях.

Доносо Кортес

³Речь на академическом приеме, включенная в сборник под названием «La Elosciencia» (Красноречие), хрестоматию известных текстов, предназначенных для школьного чтения.

Антропоцентризм⁴

Отсталая философия традиционных догм черпает свои основные силы в антропизме и антропоцентризме. Под этим словом я имею в виду *обширный и влиятельный комплекс ошибочных идей, противопоставляющих человеческий организм, рассматриваемый как божественная сущность, всей остальной природе, возводя его в ранг венца органического творения, от которого он радикальным образом отличается.*

Глубокая критика этого комплекса идей демонстрирует, что они основаны на трех догмах, именующихся *антропоцентризмом, антропоморфизмом и антрополатрией*⁵.

Догма антропоцентризма утверждает, что человек является центром, венцом всей земной жизни, и, при расширении этой концепции, всей Вселенной. Как эта ошибка удовлетворяет человеческий эгоизм, и как она интимно связана с мифами трех крупных средиземноморских религий: моисеевой, христианской и магометанской — уже доминирующих в большей части цивилизованного мира.

Догма антропоморфизма сравнивает создание Богом Вселенной и управление ей с художественным творчеством умелого техника или инженера-механика и с управленческими функциями осмотрительного главы государства. Бог, Господь, создатель, верховный консерватор и администратор Вселенной, рассматривается в абсолютном соответствии с человеческой моделью мышления и работы. Отсюда логично следует, что человек подобен Богу, чем подтверждается догма: *Бог создал человека по своему образу и подобию.* Эта чистосердечная примитивная мифология является чистой воды *обожествлением* человека и придает своим богам человеческую форму, наделяя их плотью и кровью. Новая мистическая теософия поклоняется личному богу, как *невидимому* — в реальности в газообразной форме — и в то же время заставляет его думать, говорить и работать в манере человека, что приводит нас к абсурдной выдумке о *газообразном позвоночном.*

Догма антрополатрии проистекает естественным образом из сравнения человеческой и божественной деятельности, приводящего к религиозному культу человеческого организма, в антропоцентристском бреде величия, в результате которого появляется вера в личное бессмертие души, родственное дуалистской догме о двойной природе человека, чья бессмертная душа лишь временно обретается в наших телах.

Эти три антропоцентристские догмы, развитые и адаптированные разными способами, в зависимости от обстоятельств времени и места, в изменяющихся формах различных религий, со временем приняли необычайную важность, став источником опаснейших заблуждений.

Эрнесто Хакель

Перед этим антагонизмом, сохраняющимся между невежеством и интересами позитивной педагогики, той, что предлагает обучать истинам ради реализации справедливости на практике, последняя должна методично систематизировать позитивные знания окружающего мира, передавать их с раннего возраста и т. о. готовить элементы для равноправного об-

⁴Из сборника «Los Enigmas del Universo» («Загадки Вселенной»), откуда взята выдержка, приведенная в конце Букваря, первой книги для чтения в Современной школе.

⁵Лексический корень Antropos (человек), соединенный с терминами *centro, morfo* (форма) и *latría* (обожание).

щества, которое, по верному выражению социологов, должно функционировать как на благо индивидов, так и к взаимной выгоде всех своих членов.

Нужно, чтобы Моисей, и кто бы ни был автором книги Бытия со всеми прочими догматиками, с их семью днями творения из ничего благодаря одной энергии создателя, который несколько вечностей до этого пребывал в абсолютном недеянии, уступили место Копернику, продемонстрировавшему двойное движение планет вокруг самих себя и вокруг солнца; Галилею, впервые заявившему, что земля и солнце не являются центром космического мира; Колумбу и всем тем, кто, отталкиваясь от сферической формы Земли, решили обойти ее всю, чтобы сформировать инвентарь знаний о ней и дать практический фундамент человеческому братству; Кювье и Линнею, основателям естественной истории; Лапласу, автору неопровержимой и последовательной космогонической системы; Дарвину, автору эволюционной доктрины, объясняющей формирование видов путем естественного отбора, и всем тем, кто благодаря своим наблюдениям и научно-исследовательской деятельности разоблачили т. н. откровения и продемонстрировали доказуемые истины о Вселенной, мирах, Земле и жизни.

Против зла, порожденного поколениями, погруженными в заблуждения и суеверия, от которых большое число людей избавляется лишь через антиобщественный скептицизм, эффективнейшим средством, не отбрасывая другие, не менее эффективные, является обучение и образование зарождающегося поколения на чисто гуманистических основах позитивных и рациональных знаний об окружающем мире, частью которого оно является.

Образованные т. о. женщины станут матерями в истинном, естественном и социальном смысле слова, и вместо того, чтобы передавать детям традиционные суеверия, они будут учить их целостности жизни, достоинству свободы, социальной солидарности, а не слепому подчинению выхолощенным и стерилизованным доктринам, равно как и абсолютно незаконным иерархиям власти.

Люди, освобожденные от тайн, чудес, недоверия к самим себе и подобным себе, полностью владея знанием о том, что они родились не для того чтобы умереть, согласно вредоносным мистическим тезисам, а для того чтобы жить, смогут усовершенствовать общественные условия и дать жизни самое полное развитие.

Таким образом, сохраняя воспоминания о других поколениях и о других этапах интеллектуальных представлений в качестве наставления, или даже горького урока, мы раз и навсегда закроем религиозный период, чтобы полностью вступить в чисто рациональный и естественный мир.

Несмотря на все трудности, в *Бюллетене* от 30 июня 1904 г. я опубликовал следующее заявление:

Третий год

Три года прогрессивной и процветающей практики, с тенденцией к растущему распространению нашего метода, показывают, что **Современная школа** Барселоны не только полностью состоялась, но и смогла распространять мощную энергию и спасительные инициативы, способные преобразовывать новые поколения, избавлять их от пережитков, и воспитывать их так, чтобы, достигнув полноты жизни, они были застрахованы от господствующих ошибок и открыты для науки, разума, справедливости, и обретали в качестве компенсации мир и счастье.

По окончании третьего года нашего существования, и с началом ежегодных каникул, *Бюллетень Современной школы* с удовлетворением констатирует блестящие результаты, выражает благодарность всем, кто сотрудничал с ней и повторяет свое предложение упорствовать до конца в предпринятом деле.

Редакция

**Классификация учеников,
обучавшихся в современной школе
в течение трех первых учебных годов,
по полу и количеству**

Месяцы	Девочки в 1901- 1902	Девочки в 1902- 1903	Девочки в 1903- 1904	Мальчики в 1901- 1902	Мальчики в 1902- 1903	Мальчики в 1903- 1904	Всего 1-й год	Всего 2-й год	Всего 3-й год
--------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	-----------------------------	-----------------------------	-----------------------------	---------------------	---------------------	---------------------

День от- кры- тия	12	—	—	18	—	—	30	—	1
----------------------------	----	---	---	----	---	---	----	---	---

Сентябрь	16	23	24	23	40	40	39	63	64
----------	----	----	----	----	----	----	----	----	----

Октябрь	18	28	43	25	40	59	43	68	102
---------	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Ноябрь	21	31	44	29	40	59	50	71	103
--------	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Декабрь	22	31	45	30	40	59	52	71	104
---------	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Январь	22	31	47	32	44	60	54	75	107
--------	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Февраль	23	31	47	32	48	61	55	79	108
---------	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Март	25	33	49	34	47	61	59	80	110
------	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Апрель	26	32	50	37	48	61	63	80	111
--------	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Май	30	33	51	38	48	62	68	81	113
-----	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

Июнь	32	34	51	38	48	63	70	82	114
------	----	----	----	----	----	----	----	----	-----

В том же номере приводится следующее резюме:

**Количество школ, пользующихся
книгами современной школы
в качестве учебных материалов
на населенный пункт**

	Вильянуэва и Гельгру	Кооперативное общество	1 школа
	Таррагона	Светская школа «Об- разование»	1 школа
	Севилья	Светская школа	1 школа
	Сестао	Светская школа	1 школа
	Реус	Рабочий учебный центр	1 школа
	Портбу	Светская школа «Прогресс»	1 школа
	Паламос	Светская школа	1 школа
	Монгат	Светская школа	1 школа
	Масаррон	Светская школа. Общество разных служб	2 школы
	Матаро	Рабочий атеней	1 школа
	Малага	Светская школа Ху- лиана Варгаса	1 школа
	Маон	Рабочая федерация	1 школа

	Ла Унион	Рабочие общества	1 школа
	Гаусин	Рабочая школа «Истина»	1 школа
	Гранойерс	Светская школа	1 школа
	Гранада	Рабочая ассоциация «Дело»	1 школа
	Эсплугас	Свободная академия «Новое человечество»	1 школа
	Кордова	Рабочие общества	1 школа
	Касарес	Рабочий учебный центр	1 школа
	Картахена	Рабочая федерация. Светская школа Льяно дель Реал	2 школы
	Барселона	Свободная школа Остафранкс	-
	Колледж «Жерминаль»		-
	Общество каменщиков		-
	Общество каменщиков Грасии		-

		Взаимное обучение	-
		Свободная школа Поблета	-
		Республиканское братство Сансенсе	-
		Коллективная школа Сан Мартина	-
		Республиканский атеней форта Пио	9 школ
	Асналкольяр	Рабочий учебный центр	1 школа
		Всего	32 школ

XV. Детская наивность

В *Бюллетене* от 30 сентября 1903 г. были опубликованы работы учеников из разных классов Современной школы, которые были зачитаны на заключительном уроке второго школьного года.

Надо учесть, что в этих сочинениях, в которых дети, их авторы, должны были найти вопрос, к каковому они смогли бы применить свои развивающиеся критерии суждения, само интеллектуальное усилие доминировало над неопытными, наивными рассуждениями, вдохновленными чувством справедливости, при применении формальных правил; поэтому если эти рассуждения и не обладают подчас развитой рациональностью, то это происходит исключительно из-за недостатка данных и знаний, необходимых для формирования вполне развитой способности к рассуждению; в противоположность господствующим мнениям, основанным исключительно на традициях и догмах.

Так, например, мальчик 12 лет устанавливает критерий для суждений о нациях в следующих словах: «Для того чтобы нация или государство считались цивилизованными, им необходимо избавиться от следующих вещей...».

Воздержимся здесь от выводов и отметим, что слово *цивилизованный* было использовано автором в значении *справедливый*, и в первую очередь автор приводит примеры тех зол, которых можно избежать и исчезновение которых он рассматривает, как необходимое условие для справедливости:

1. Существование бедных и богатых, и эксплуатация, как следствие.
2. Militarism, средство разрушения, которым пользуются одни страны против других, является следствием плохой организации общества.
3. Неравенство, которое позволяет одним людям править и командовать, а других заставляет унижаться и подчиняться.
4. Деньги, обогащающие богатых и угнетающие бедных.

Ясно, что этот критерий является наивным и искренним, как слабо подкрепленное документами свидетельство интеллекта, не способное решить сложные проблемы социологии; но он обладает тем преимуществом, что дает свободный доступ всем рациональным объяснениям: он словно бы вопрошает: «Что нужно больному, чтобы выздороветь?» — и отвечает: «Нужно чтобы прошла боль». Разумеется, такой естественный и непредубежденный ответ не дал бы ребенок, воспитанный в духе религиозной метафизики, которому в первую очередь придется считаться с волей предполагаемых сверхъестественных существ.

Понятно, что такой искренний подход к проблемам социальной жизни не исключает рациональное решение, скорее одно логически требует другого, как это показывает то же самое комментируемое нами сочинение, в своем заключении:

Речь идет не о том, что если не будет богатых, военных и денег, люди перестанут бороться друг с другом и нарушать свободу и благополучие друг друга, а о том, что если все выйдут на высокий уровень цивилизации, воцарится сердечность, все станут друзьями, и наука, конечно же, продвинется намного дальше благодаря тому, что не будет войн и политического отупения.

Девочка 9 лет делает следующее тонкое наблюдение, которое мы приводим с исправлениями ее вполне объяснимых грамматических ошибок:

Преступника приговаривают к смерти: если убийство заслуживает этого наказания, тогда те, кто приговаривает преступника и убивает его — такие же убийцы; по логике их тоже надо убить, и так кончатся все люди.

Лучше было бы, если вместо того, чтобы наказывать преступника, совершая тем самым еще одно преступление, ему бы давали хорошие советы о том, что нельзя поступать плохо.

Не говоря уже о том, что если бы мы все были равны, не было бы воров, убийц, богатых, бедных, все были бы равны друг другу, любили бы труд и свободу.

Искренность, ясность и прозрачность этой мысли не требует комментариев; таким образом, объясняется то восхищение, которым были встречены эти слова, исходившие с губ этой нежной и красивой девочки, больше напоминавшие символическое представление об истине и справедливости, чем живую реальность.

Мальчик 12 лет говорит об искренности следующее:

Тот, кто не искренен, не живет спокойно: он всегда боится, что будет раскрыт; в то время как если ты искренен, то, даже если ты что-то сделал плохо, твое искреннее признание облегчает твое сознание.

Если начинаешь лгать с самого детства, когда повзрослеешь, будешь врать по-крупному, а это может вызвать большие беды.

Бывают случаи, когда не надо быть искренним. Например: в наш дом приходит человек, который убегает от полиции. Если нас потом спросят, видели мы этого человека или нет, мы должны сказать нет: иначе это будет предательство и трусость.

Грустно, что серьезность злоупотреблений власти заставляет этот еще не созревший ум, считающий истину бесценным благом, *без которого нельзя жить*, считать ложь добродетелью в определенных случаях.

Девочка 13 лет, говоря о фанатизме, рассматривает его как зло, характерное для отсталых стран, она ищет и находит его причины в следующем:

Фанатизм порождается состоянием неграмотности и отсталости, в котором находится женщина; поэтому католики не хотят, чтобы женщина училась, потому что в основном женщины его и поддерживают.

Это очень глубокое замечание, согласно которому причины фанатизма состоят в необразованности, а неграмотность женщины увековечивает всеобщую необразованность.

Против этого серьезного зла другая 13-летняя девочка предлагает свое средство в комментарии, который мы приводим полностью:

Смешанная школа

Смешанная школа для обоих полов абсолютно необходима. Мальчик, который учится, работает и играет в компании девочки, бессознательно учится уважать ее и помогать ей, точно так же как и девочка; в то время как при раздельном обучении, когда мальчику говорят, что быть в компании девочки плохо, а ей говорят то же самое, произойдет так, что мальчик, став мужчиной, не будет уважать женщину, он будет относиться к ней как к игрушке, или рабыне, и именно таково отношение к женщине в наше время. Поэтому, по возможности, мы должны содействовать основанию смешанных школ везде, где это возможно, а где нет, мы должны бороться с мешающими этому трудностями.

Нам нечего добавить к такому разумному и трезвому замечанию, кроме того, что мы считаем достойным внимания эту заключительную часть сочинения 13-летней мыслительницы.

Мальчик 12 лет считает школу достойной всякого уважения, потому что в ней он научился читать, писать и думать, узнал об основах морали и науки. Он добавляет:

Если бы не школа, мы бы жили в лесу, ходили бы голые, ели бы траву и сырое мясо, и прятались бы в пещерах и на деревьях; то есть, мы жили бы как животные.

Со временем, благодаря школе, весь мир станет умнее, в нем не будет войн, уничтожения народов, и люди будут с ужасом вспоминать военных, считая их рабочими смерти и разрушения.

Надо покончить с тем, что дети играют на улице и не ходят в школу, потому что они вырастут очень несчастными людьми.

Мы также должны быть благодарны нашим учителям за то терпение, с которым они нас учат, и мы должны всегда уважать школу.

Это справедливое рассуждение, написанное с хорошим чувством, указывает на уравновешенное состояние психики ребенка. Если этот мальчик сохранит и разовьет свои способности, его эгоизм и альтруизм будут должным образом уравновешены во благо ему самому и обществу.

11-летняя девочка сетует на то, что народы уничтожают друг друга в войнах; точно так же она сетует на неравенство между классами и на лишения и эксплуатацию бедных, которым их подвергают богатые, завершая свою работу следующей фразой:

Почему люди вместо того, чтобы убивать себя в войнах и ненавидеть друг друга из-за классовых различий, не посвящают себя радостям труда и открытий во благо человечества? Люди должны объединиться и любить друг друга, чтобы жить по-братски.

Этот детский упрек должен пристыдить тех, кто упорствует в поддержании причин, вызвавших такую боль в нежном сердце этой девочки.

Мальчик 10 лет, в своем почти грамотном сочинении, которое мы хотели бы привести целиком, но не станем из-за недостатка места и поскольку его мысли совпадают с уже приведенными выше мыслями его одноклассников, пишет следующее о школе и об учениках:

Объединенные под одной крышей, желая узнать то, чего мы не знали, без классовых различий, мы стали братьями, идущими к одной цели... Неграмотность превращает человека в ничтожество; от которого можно ожидать лишь малого, или совсем ничего. Это нам служит стимулом, и мы не теряем времени впустую; напротив, мы пользуемся им, и в свое время нам

воздастся... Мы никогда не забудем плоды этой доброй школы, и, отдавая должное нашим учителям, семьям и обществу, мы будем счастливы.

Прекрасное сознание, которое в возрасте 10 лет гармонизирует с детской радостью.

10-летняя девочка, размышляя о недостатках рода человеческого исправимых, на ее взгляд, благодаря образованию и доброй воле пишет следующее:

К недостаткам человеческого рода относятся ложь, лицемерие и эгоизм. Если люди станут более образованными, особенно женщины, которые станут тогда абсолютно равны с мужчинами, эти недостатки исчезнут. Родители не будут отдавать детей в религиозные школы, где их учат лжи, они будут отдавать их в рациональные школы, где им не будут рассказывать о сверхъестественных вещах, которых не существует; где их будут учить не войне, а солидарности и общему труду.

В этой критике общества прослеживается идеал, которым должно руководствоваться человечество.

Мы завершим эту часть цитатой из сочинения сеньориты 16 лет, которую благодаря ее правильности и глубине мы хотим привести полностью, без каких-либо исправлений:

Нынешнее общество

Как сильно развито неравенство в этом обществе! Одни работают с утра до ночи, с перерывом только на скудный обед; другие получают продукты труда рабочих, чтобы наслаждаться своим поверхностным досугом.

Почему должно быть так? Разве мы не все равны? Разумеется, да, хотя общество не признает этого, обрекая одних на тяжкий труд и страдания, а других на леность и удовольствия. Если кто-то из рабочих бунтует против своей собственной эксплуатации, его жестоко наказывают и ненавидят, в то время как другие обреченно терпят неравенство.

Рабочий должен обучаться, а для этого необходимы бесплатные школы, которые можно оплачивать теми же деньгами, что тратят богатые.

Тогда рабочий будет с каждым разом все больше приходить к справедливой самооценке, потому что именно он делает все самое полезное для общества.

Каковой бы ни была рациональная ценность этих мыслей, очевидно, что Современная школа справилась со своей основной задачей: интеллект учеников, под влиянием всех позитивных знаний, которые он приобрел, функционирует свободно, без предрассудков или сектантских предубеждений какого-либо рода, в полной автономии, руководствуясь только критериями разума, равными для всех. Этому интеллекту достаточно истины, прекрасного сияния доказательств, перед которыми исчезают все тени софизмов и навязываемых догм.

На Конгрессе рабочих-железнодорожников, проходившем в Барселоне в декабре 1903-го, визит в Современную школу был объявлен частью его программы.

Эта идея была встречена с радостью всеми учениками, и чтобы воспользоваться ей полностью, им предложили сформулировать свои мысли, в соответствии с обстоятельствами, которые они могли бы зачитать во время визита.

По непредвиденным причинам этот визит был отменен, но мы собрали прекрасный сборник детских мыслей, от которых исходит тонкий аромат искренних, непредубежденных суждений, украшенных интуитивной наивностью, и опубликовали его в *Бюллетене*.

Следует отметить, что речь шла об обязательной теме здоровья рабочих, собравшихся на Конгресс, чтобы обсудить улучшение условий труда и жизни, несмотря на то, что ученикам не было дано каких-либо указаний, даже намеков, и без предварительного обсуждения, они все, словно бы вдохновленные единым критерием, продемонстрировали единомыслие в своих утверждениях, слегка расходясь лишь в аргументации. Мы приводим выдержки из их сочинений, опуская лишь фрагменты, в которых содержатся повторения и неизбежные грамматические ошибки.

Девочка 9 лет написала следующее:

Почет вам, дорогие рабочие, за ваш труд на благо общества.

Именно вас и всех других рабочих должны мы благодарить за труд, благодаря которому у нас есть все необходимое для жизни, а не богатых, которые платят вам маленькую зарплату, и платят вам не ради того, чтобы вы жили, а лишь потому, что если не будете работать вы, придется работать им.

9-летний мальчик, после милого приветствия, пишет:

Земля должна принадлежать рабочим, так же, как и все остальное. Природа не создала человека на всем готовом. Землю необходимо обрабатывать, но того, кто работает, не должны эксплуатировать те, кто ест добытые им плоды. Рабочий живет в маленьком, темном доме, и не ездит на машине, как буржуа. Если бы рабочий только захотел, ему принадлежало бы все; потому что если посчитать рабочих и буржуа, кого больше? Поскольку рабочих больше, они должны получить свое.

Эти 9-летние дети в своих детских суждениях, показывают, что могут многому поучить отдельных дряхлых экономистов, которые оправдывают текущее положение вещей и считают, что все должно оставаться, как есть, лишь потому, что так сложилось, не задумываясь над причинами или справедливостью этого.

Пишет девочка 11 лет:

Настанет день, когда в распределении труда будет преобладать разум и наука и исчезнут социальные классы... Долг человека заключается в том, чтобы делать все возможное добро, где возможно физическим трудом, где возможно интеллектуальным, тот же, кто делает зло, бесчеловечен... Образование является основной потребностью человека и спасает его, оно также дает ему все его права.

Девочка 11 лет:

Приветствую вас, люди труда!.. Вы, рабочие-железнодорожники, управляете мощными машинами, как маленькими послушными животными. Эти машины, как продукт человеческой цивилизации, должны принадлежать всему человечеству, но они принадлежат горстке власти имущих, которым их положение ничего не стоило, они получили его благодаря эксплуатации рабочих... В то время как вы страдаете от солнца, дождя и снега, занимаясь вашим трудом, самодовольные буржуа, пользуясь скоростью поезда, валяются в своих спальнях вагонах.

Девочка 11 лет:

Приветствую вас, тех, кто работает на железной дороге, чтобы развивалась промышленность и поезда перевозили путешественников, продукты и многое другое из города в город. Те, кто занят этой работой и открытиями, действительно улучшают жизнь человечества, и некоторые люди считают, что они лучше, чем генерал, который выиграл битву.

Мальчик 11 лет:

Рабочего, которым должен восхищаться весь мир, наше общество презирает больше всех. Тот, кто дает нам одежду, дом и мебель; пасет стадо, которое дает нам шерсть и мясо; при помощи поездов и кораблей перевозит нас из одного места в другое, и предоставляет нам много других услуг. Ему мы обязаны жизнью.

Мальчик 11 лет, чьи мысли отчасти совпадают с вышеизложенным, пишет:

Паразиты, которые потребляют, но не производят, привыкли к эксплуатации, презирают рабочих, которые каждый день вынуждены зарабатывать на жизнь, работая по много часов в день, получая очень мало, так что им едва хватает на пропитание для семьи. Если бы общество было организовано иначе, никто бы не упахивался насмерть (в оригинале выражение на каталонском диалекте, примеч. пер.), пока богатые пользуются всем.

В этой группе 11-летних интеллектуалов можно встретить элементы, по которым можно написать социологический трактат. В этом трактате содержалось бы все, что нужно: изложение фактов, с последующим критическим рассмотрением, и завершался бы он красивым и искренним утверждением идеала.

Мальчик 12 лет:

Кто же эксплуатирует труд рабочих? Богатые. Зачем нужны богатые? Это непродуктивные люди, которых можно сравнить с пчелами, за тем исключением, что пчелы знают, что паразитов нужно убивать.

Девочка 12 лет:

Рабочий — это раб буржуа... В то время как богатые отдыхают в садах и на прогулках, у рабочих их дети просят хлеба, а им нечего дать им. Почему так происходит? Потому что богатые забирают все.

Мальчик 12 лет:

Рабочий, помимо того, что он должен трудиться, также должен воевать, а это великое зло, и когда он уходит на войну, его родители остаются без его помощи; к тому же он может вернуться непригодным к работе. В тот день, когда общество изменится так, что каждому, кто выполняет свой общественный долг, будет гарантировано удовлетворение его потребностей, не останется ни богатых, ни бедных, и все будут счастливы.

Девочка 12 лет:

Рабочие, благодаря вашему труду расстояния сокращаются при помощи железных дорог, и когда-нибудь, когда настанет тот день, когда вы сделаете так, что исчезнут границы, отделяющие один народ от другого, вы будете нужны еще больше, потому что при помощи поездов можно добиться большого прогресса и развития промышленности, можно будет общаться и передавать свои мысли людям в самых отдаленных странах.

Мальчик 12 лет:

Плохая организация общества увековечивает несправедливое разделение между людьми, потому что у людей сохраняется два класса, те, кто работает, и те, кто не работает... Когда происходит забастовка, только и видишь у фабричных ворот людей в штатском с маузерами наготове. Не лучше ли было бы для них заняться чем-то полезным?

Девочка 12 лет:

Для того чтобы рабочего уважали, как следует уважать любого человека, чтобы соблюдали его права, без оскорблений и унижений, необходимо образование.

Мальчик 12 лет:

Разве дети и буржуа, и рабочих сделаны не из мяса и костей? Так почему же в обществе одни должны отличаться от других?

В следующей группе, само собой, по сравнению с предыдущей, чувствуется гораздо больше энергии и силы, над чувством преобладает мысль, исполненная определенной глубины и истины, а также правильное и прекрасное выражение.

Девочка 13 лет:

Эксплуатация человека человеком безжалостна, бесчеловечна и жестока... настанет тот день, когда рабочие объединятся и взыщут с буржуазии, да так, что эта несправедливая эксплуатация прекратится раз и навсегда.

Девочка 14 лет:

Долг любого человека — искать и находить все, что может быть полезно для него самого и ему подобных, помогая им по мере возможности и утешая их своими заверениями. Тот, кто не работает, почти не заслуживает звания человека. Солидарность, братство и равенство — это самые большие устремления будущего общества.

Девочка 17 лет:

Я приветствую рабочих-железнодорожников и желаю вам всех благ, как представителям труда и поборникам равенства, тех вещей, которые столь плохо сочетаются с нынешним эгоистичным, лицемерным и тщеславным обществом. Желаю, чтобы работа вашего Конгресса

увенчалась искомыми результатами, сокращением рабочего дня и повышением зарплаты, которые так необходимы для ваших потребностей, и дадут вам время для образования.

В том, как пробуждающиеся умы, развивающиеся в Современной школе, были взволнованы перспективой свободного самовыражения перед представителями одной из самых важных отраслей промышленности, следует видеть лишь демонстрацию позитивных знаний, не ориентацию мнений в определенном направлении, а гениальную спонтанность, с которой ученики выражали свои чувства, будучи свободными от забот и условностей.

Рациональное образование сделало шаг вперед. Чтобы доказать его прогресс, хочу привести здесь выдержку из *Бюллетеня*:

Школьное братство

Ученики первого класса Рабочего кружка Бадалоны прислали ученикам Современной школы следующее письмо.

Ученикам Современной школы г. Барселона

Дорогие друзья:

Желая наладить связи с ребятами из других школ, чтобы нас объединила дружба и учеба, в этом письме мы хотим изложить вам наши предложения.

Несколько дней назад мы начали читать книгу «Приключения Ноно», которая нам очень нравится, и наш учитель сказал нам, что вы тоже ее читали. Мы хотим, чтобы вы написали нам, какие впечатления у вас остались от ее чтения.

Также хотим воспользоваться этим случаем, чтобы предложить вам нашу дружбу, узнать вас получше, и сообщить, что наш учитель обещал свозить нас в Барселону, показать зоопарк; там мы могли бы увидеться. Мы уже точно приедем.

Мы уже считаем себя вашими друзьями и ждем вашего ответа, пока же крепко обнимаем вас.

С пожеланиями Здоровья и Любви, ученики Элементарного класса Рабочего кружка Бадалоны.

От имени детей Франсиско Родригес. Бадалона, 16 февраля 1904 г.

Это письмо, зачитанное в классе учителем из Бадалоны, вызвало живейший интерес среди наших учеников; они все, от первоклашек до старшеклассников, сразу почувствовали сильную симпатию к детям, предложившим им побрататься, и с нетерпением ждали момента продемонстрировать это на практике.

По предложению учителей в ответ на инициативу бадалонских ребят, на их прекрасные человеческие чувства и мысли, каждый взялся за перо, чтобы написать ответное письмо.

Для того чтобы дать этому ответу коллективную форму, сохранив при этом основные индивидуальные элементы каждого вклада, как и должно быть в любой коммунистической деятельности человека, в которой, как в арифметике, любое количество является суммой формирующих его интегральных единиц, мы собрали 64 письма; 16 от девочек и 19 от мальчиков элементарного класса, плюс 10 от девочек и 19 от мальчиков старшего класса: радость, с которой каждый ученик передает горячий привет, и мысль о совместном письме была единодушной при обсуждении в выходной день; ответ насчет того, что *осталось у наших учеников от чтения Приключений Ноно*, не был категоричным, потому что большинство высказалось в том духе, что книга им очень понравилась, и упомянуло сцены, которые им понравились больше всего; кроме того, отдельные мальчики и девочки, причем не только старшеклассники, углубили тему, высказав свои частичные суждения и общее мнение о книге.

Стоит отметить, что в этой коллекции мнений не было противоречий. Каждый ученик выражал свои впечатления, причем тот, кто довольствовался немногими словами, из-за неумения выражать свои мысли, чувствовал то же, что и тот, кто выражал свое мнение более красноречиво; все они могли самовыражаться, каждый по-своему, в едином направлении. Кто-то был очарован идиллией Автономии, кого-то возмущала тирания и отсутствие солидарности в Плутократии; кому-то больше всего понравилось описание семейного очага в доме Ноно; кому-то — солидарность на практике, лучше всего выразившаяся в следующих словах: *не отдавая себе в этом отчета, они применили на практике великий закон универсальной солидарности, согласно которому все живые существа помогают друг другу*. Следует принимать во внимание все комментарии, и по каждому из них есть свое толкование: свобода труда, социальное равенство, неудобства и последствия пороков и отсутствия взаимной искренности, общее счастье и гармония как следствие героизма солидарности, прекрасное ощущение

красоты и поэзии окружающего мира, вплоть до комичной схватки; очень многим понравилось, что Ноно ударил Монадио в нос.

Включив все эти элементы и слегка подправив грамматические ошибки, удалив повторения, мы составили следующее письмо, под которым смогли подписаться все, если и не благодаря целостности формы, то благодаря точно переданным основным мыслям и чувствам.

Ученикам элементарного класса Рабочего кружка Бадалоны

Дорогие друзья!

Точно так же как и вы, мы хотели бы вступить в контакт с учащимися ребятами и практиковать с ними на деле принципы дружбы и солидарности.

Мы с радостью принимаем ваше предложение и с нетерпением ждем того момента, когда мы сможем познакомиться, чтобы играть с вами, делиться знаниями и говорить об этой прекрасной книге «Приключения Ноно», которая уже так сильно нравится вам, хоть вы и только начали читать ее, и которую так сильно любим мы, после того как мы ее уже прочли.

Считаем, что мы должны прилагать наши умственные усилия к тому, чтобы приблизить общество к идеалам наших родителей, которых они не смогли достичь; это наше призвание.

Как прекрасна страна Автономия! Там очень хорошо живется: люди работают, отдыхают и играют, когда хотят; человек там делает то, что хочет, как и должно быть у людей; там нет ни денег, ни охранников, ни сельских сторожей, ни солдат с лицом куницы или гиены, ни богатых, живущих во дворцах и катающихся на карете рядом с бедными, живущими в лачугах и умирающими с голода после изнурительных трудов; там нет воров, потому что все принадлежит всем и нет эксплуатации человека человеком. В такой прекрасной стране желаем жить мы все. Об этой стране мечтает Ноно, сегодня она невозможна, но однажды она будет существовать; мы все должны работать ради этой цели, потому что Автономия — это пример будущего общества. Мы считаем, что именно так надо жить, а не так, как мы живем сейчас, вдалеке от настоящей и совершенной цивилизации.

Плутократия является повторением нынешнего общества; все страны, одни больше, другие меньше, имитируют Плутократию, ужасную страну, в которой существует эксплуатация, где одни работают, а другие отдыхают, где одни служат другим, а тех, кто говорит о счастье Автономии, сажают в тюрьму.

Вкратце: приключения Ноно — поучительная книга, которую следует читать очень внимательно, и ее основной смысл в том, что страна, в которой все работают для каждого и каждый для всех, где нет ни денег, ни воров, ни тех, кто принимает лишь угодные себе законы, ни оружия, и где развиваются науки и искусства — это то, каким должен быть наш мир.

Ждем нашей встречи, и взаимно желаем вам: Здоровья и любви. Ученицы и ученики Современной школы Барселоны

XVI. Бюллетень Современной школы

Современной школе был необходим собственный печатный орган, и он у нее был.

Политическая или информационная пресса отзывалась о нас то положительно, то как об опасном учреждении, и никогда не придерживалась строго объективных позиций. Ее похвалы отдавали преувеличениями или содержали неверные интерпретации, ее критика, при участии цензуры, отдавала клеветой. Против наносимого ей ущерба не было иных средств кроме искренности и ясности наших собственных заявлений, потому что обвинения, оставленные без ответа, могли стать причиной непоправимого урона для нашей репутации, и *Бюллетень Современной школы* полностью справился со своей задачей.

Руководство школы публиковало в этом органе школьные программы, новости о самой школе, статистические данные, оригинальные педагогические работы учителей школы, новости о прогрессе в рациональном образовании в нашей стране и за рубежом, переводы интересных статей из иностранных журналов и периодических изданий, не противоречащих общему характеру издания, отчеты о воскресных собраниях и, наконец, объявления об общественных конкурсах на места учителей в нашей школе и анонсы нашей Библиотеки.

Одним из разделов *Бюллетеня*, вызвавших больше всего реакций, стали публикации мыслей учеников. В нем не публиковались материалы о достижениях школы, это был скорее орган, посвященный спонтанному проявлению общих настроений. Мальчики и девочки, без каких-либо различий в интеллектуальном развитии из-за половой принадлежности, при столкновении с жизненной реальностью, о которой им рассказывали лекции профессоров и чтение, выражали свои впечатления в искренних заметках, пусть иногда упрощенных и несовершенных, выказывая при этом неоспоримую логику при обсуждении важных философских, политических или социальных вопросов.

Вначале он распространялся бесплатно среди учеников, а также использовался для обмена на другие печатные издания, потом мы начали продавать его, после чего появилась потребность открыть публичную подписку.

К тому моменту *Бюллетень* стал уже не просто органом Современной школы, а философским журналом, и регулярно издавался в этом качестве, до тех пор, пока не начались преследования, в результате которых Школа была закрыта.

В качестве доказательства значимости задач *Бюллетеня*, помимо уже продемонстрированной пользы от публикации данных и статей, см. ниже материал, опубликованный в № 5, на 4-й год выпуска журнала, в котором содержится поправка к высказываниям отдельных светских профессоров, которые непреднамеренно допустили искажение фактов.

Школьная экономия

В школе одного из Рабочих кружков нововведением стало основание сберегательной кассы, предназначенной для детей.

Эта новость, распространенная прессой в хвалебных тонах, словно бы призывающих к восхищению и подражанию, вынуждает нас выразить свое собственное мнение об этом вопросе, поскольку мы считаем, что если кто-либо обладает правом действовать и делать заявления, то мы имеем такое же право выражать собственное суждение, делая таким образом вклад в рациональную последовательность общественного мнения.

В первую очередь, мы должны отметить, что сама идея *экономии* сильно отличается от идеи *сбережения*, чтобы не сказать противоречит ей; и если речь идет о том, чтобы давать детям практические знания об экономике, это не означает, что мы должны учить их копить.

Экономия подразумевает разумное, методичное и дальновидное использование продуктов, а *сбережение* является сокращением и ограничением использования этих продуктов. При *экономии* мы избегаем расточительности; при *сбережении* тому, кто не располагает поверхностными излишками, всегда приходится лишать себя необходимого.

Обладают ли эти дети, которых хотят научить практике сбережений, поверхностными излишками? Название корпорации, покровительствующей этой школе, заставляет нас дать негативный ответ. Рабочие, участвующие в этом Кружке, отправляющие своих детей учиться в эту школу, живут на зарплату, которую получают за свою работу от капиталистов, и минимальный размер которой определяется спросом и предложением; а при такой зарплате у них не только никогда не будет поверхностных излишков, но до тех пор, пока социальное богатство остается монополизированным в руках привилегированных слоев, рабочие будут еще долго далеки от того, чтобы наслаждаться жизнью в полном соответствии с благами, предоставленными нынешнему поколению цивилизацией и прогрессом.

Этих ребят, детей рабочих, будущих рабочих, которых учат науке сбережения, как добровольного лишения под видом получения процентов, при помощи такой науки готовят подчиняться привилегированным классам, и, вместо того, чтобы преподавать им азы экономики, на деле их превращают в жертвы и соучастников экономического хаоса капиталистического общества.

Ребенок рабочего — это ребенок человека, и, как таковой, обладает правом на развитие своих способностей и возможностей, на удовлетворение всех моральных и физических потребностей, потому что именно для этого существует общество, которое должно не подчинять или угнетать личность и ее образ жизни, как этого хотят из-за своего иррационального эгоизма сложившиеся привилегированные классы, живущие за счет труда других людей, а, напротив, должно верно представлять взаимное равновесие между правами и обязанностями всех своих участников.

Да; для того чтобы личность участвовала в обществе, ей следует дать ее права, удовлетворение ее потребностей и ее удовольствия; на деле же, напротив, при этом хаосе хотят, чтобы порядок пришел за счет терпения, страданий и ложной рассудительности детей. Мы возвышаем экономию и призываем к сбережениям, не думая о том, что детей приходится учить становиться рабочими в обществе, в котором средний уровень смертности бедняков, живу-

щих без свободы, без образования, без радости, достигает ужасающего уровня, по сравнению со схожей статистикой паразитов, веселящихся и живущих непринужденно.

Пусть те, кто из *социальной идолатрии* хотят ущемлять права человека там, где они и так минимальны, прочтут прекрасную энергичную отповедь Пи и Маргалла: *кто ты, чтобы отнимать у меня мои права человека? Вероломное, тираническое общество, я создал тебя, чтобы ты их защищало, а не для того, чтобы ты их ограничивало; так обратись же к безднам своего происхождения, к безднам пустоты.*

Отталкиваясь от этих рассуждений и применяя их к педагогике, мы считаем необходимым, чтобы дети понимали, что расточительство любых материалов и вещей противоречит общему благосостоянию; что если ребенок тратит бумагу, теряет ручки или рвет книги, он не дает извлекать из них пользу и причиняет ущерб своим родителям и школе. Тем не менее, им твердят, что нужно быть запасливыми, воздерживаться от приобретения пустяков, думать о работе, болезнях и старости; не упоминая при этом, что если ваша зарплата не удовлетворяет ваши жизненные потребности, не гарантирует вам жизнь; значит, она есть арифметическая ложь.

Рабочие лишены университетской науки; они не ходят ни в театры, ни на концерты; не путешествуют; не восторгаются чудесными произведениями искусства, достижениями промышленности и природными феноменами в мире; не наполняют свои легкие чистым воздухом; не читают книг и журналов для общего развития, напротив, они страдают от всяческих лишений и могут пострадать еще больше при кризисе перепроизводства, и учителя не должны скрывать эти грустные истины от детей, тем более, они не должны их учить, что экономия может спасти их от еще большего зла.

Сегодня, когда благодаря силе науки и индустрии право участвовать в празднике жизни есть у всех, не следует школе, на службе у привилегированных классов, поучать бедных, что они должны услужливо экономить крошки и отходы.

Не будем протитуировать образование.

В развитие своего предложения избегать отклонений в народном образовании, я посчитал своим долгом опубликовать следующий материал в *Бюллетене*:

О субсидировании

Я испытал грусть и негодование, когда ознакомился со списком субсидирования, в который муниципалитет Барселоны включил голосованием отдельные организации, занятые в народном образовании.

Мы видели суммы, предназначенные для Республиканских братств и других схожих центров, причем эти организации не только не отказались от субсидий, но еще и разослали благодарственные письма в адрес окружных муниципальных советников и всего муниципалитета.

Было бы понятно, если бы это сделали католики или ультраконсерваторы, хотя бы потому что власть церкви и капиталистического общества сохраняется только благодаря доброй воле и поддержке, с которыми подобные учебные заведения умело удерживают обездоленный народ в подчинении у своих хозяев. Но когда республиканцы превращаются из революционеров, которыми они должны быть, в попрошайки, покорных христиан, мы не можем смотреть на это и молчать перед теми, кто добровольно борется в рядах республиканского лагеря.

Внимание! говорим мы: внимание! вы плохо обучаете ваших детей и вы пошли плохой дорожкой, если хотите вырастить их на подачках. Внимание! Вы не освободите ни себя, ни своих детей, полагаясь на чуждые силы и официальную протекцию.

Кончится тем, что из-за незнания реальности, в котором пребывают католики, они будут ждать всего от бога; от святого Иосифа, или от другого мифического существа, поскольку, хоть и нельзя в этой жизни чего-то достичь одними лишь молитвами, они будут утешаться тем, что получают свое после смерти.

Кончится еще и тем, что они станут игроками в лотерею, которые не смогут распознавать обман со стороны правительств, моральными и материальными жертвами которого они становятся, получая лишь немного из того, что у них отобрано; лишь то, что можно дать неграмотному народу, который ждет своего благополучия от судьбы, а не от своей энергии.

Так, когда эти люди протягивают руку за подачками, вместо революционного протеста, они объединяются с режимом; они принимают унижительное подаяние и благодарят за него, не доверяя собственной энергии, разуму и силе, это вызывает у нас, повторимся, грусть и негодование.

Внимание, говорим мы, люди доброй воли! При таком развитии событий мы придем не к настоящему обучению детей, а к их приручению.

После года задержки, после закрытия Современной школы и во время моего процесса и тюремного заключения в Мадриде, *Бюллетень* вышел вновь, и в первом же номере своей второй серии, в майском выпуске № 1 (1908 г.) была размещена следующая статья:

Всем

Мы говорили об этом вчера...

Еще не было более подходящего случая, чем сейчас, в момент выхода в свет первого номера второй серии нашего *Бюллетеня*, когда мы смогли бы столь успешно употребить эту фразу: Современная школа продолжает существовать, без изменений в процедурах, методах, ориентирах, или идеях; она продолжает идти к своим идеалам, получив очередное доказательство того, что ее миссия является спасительной и помогает готовить, путем рационального и научного образования, лучшее, более совершенное и справедливое общество, чем нынешнее. Нынешнее общество погружено в ненависть и нищету, будущее общество появится в результате вековых усилий, направленных на всеобщий мир.

Нам не нужно ничего изменять в нашей работе, проделанной до сегодняшнего дня; мы глубоко убеждены, и каждый раз убеждаемся все больше, что без полномасштабной реформы способов обучения не будет возможности готовить человечество к будущему. Мы идем к этому; благодаря школам, по примеру которых могут создаваться другие школы; благодаря книгам, которые каждый день пополняют нашу библиотеку, распространяя истину, доказанную наукой; благодаря устному слову, на конференциях, проливающим свет истины на умы, вопреки традиционным заблуждениям; благодаря этому *Бюллетеню*, в котором находят свое выражение наши надежды, а истина, добытая путем изучения, может распространяться благодаря печатному слову.

Наши друзья, те, кто был с нами в течение пяти лет существования нашей любимой Современной школы, объединившиеся с прогрессивными людьми всего мира против несправедливости, с которой реакция набросилась на основателя школы, не оглядываются назад: напротив, с высоко поднятой головой они смотрят в завтрашний день, полный справедливости и любви, они с еще большей энергией помогают нам реализовать это дело истинного и плодотворного освобождения.

Мы выражаем профессиональную солидарность и передаем горячий привет прессе.

Мы искренне протягиваем руку всем людям доброй воли, в знак мира.

Всем привет.

Чтобы проиллюстрировать работу *Бюллетеня*, привожу также перевод нижеследующей статьи, сочетающей в себе педагогическую компетентность с ясными представлениями об идеалах образования.

Образование будущего

Основополагающая идея реформы, в которой заключается будущее образования, заключается в замене, во всех видах деятельности, искусственных требований дисциплины естественными требованиями фактов.

Посмотрим, что делается сейчас: детей обучают по программе, которую считают необходимой для их культуры и, хоть эти знания не имеют ничего общего с их потребностями, их силком заставляют овладевать ими, выставляя им за это оценки.

Но только учителя понимают эту учебную программу, знают ее содержание и цели; не ребенок. Именно в этом берут начало все пороки современного образования. Когда мы оставляем желаниям и действиям их естественные причины — это необходимость, обусловленная фактами; когда мы претендуем на то, чтобы заменить их искусственными причинами, такими, как абстрактный долг, не существующий для тех, кто еще не способен понять его, приходится устанавливать систему дисциплины, которая неизбежно, приводит к наихудшим результатам: ребенок будет постоянно бунтовать против власти учителей, отвлекаться, лениться, проявлять очевидное нежелание во всем. К каким только маневрам не прибегают учителя, чтобы сломить это непреодолимое сопротивление! Всеми средствами, порой неподобающими, они пытаются завладеть вниманием ребенка, его действиями и желаниями, причем тех, кто проявляет наибольшее хитроумие в этой практике, считают лучшими преподавателями.

Они считают, что им повезло, когда у них появляется видимость успеха; но у них всегда появляется только видимость, там, где единственным, высшим мотивом для деятельности является искусственная причина, в то время как необходимость требует лишь необходимого. Весь мир осознает, что только та работа, которую направляет желание, стоит трудов. Как только исчезает этот мотив, появляется безалаберность, страдания и уродство.

В нашем обществе искусственные мотивы для работы сменяют повсюду логические и здравомыслящие требования необходимости, естественного желания добиться определенного результата, реализовать нечто; в глазах людей нашей эпохи получение денег представляется единственной целью, на которую должны быть направлены все усилия. При этом современное образование не сделало ничего против этой вредной концепции, но, напротив, способствует ее распространению. Из-за этого день за днем растет гонка за деньгами, подменяя собой прекрасное чувство свершения, встречающееся у тех редких людей, чья воля не поддается фальсификации, кто сохранил нормальные мотивы для собственных действий и работает над реализацией собственных идей, испытывая благородное презрение к деньгам. Как вышло, что некоторые люди, привыкнув с детства работать по чужой воле, по принуждению навязанных законов, видя результаты своей работы, которых они не понимают — потому что смысл труда теперь сводится лишь к наказанию или награде — не могут заинтересоваться красотой и благородством человеческого усилия, борьбы человека против слепых сил Природы?

Дурная концепция образования вызывает органическую болезнь нашего общества: необходимость чего-то добиваться, чем-то обладать; презрение и ненависть к труду; тоска по полнокровной жизни, не знающая чем удовлетворить себя; ужасающая взаимная враждеб-

ность существ, ненавидящих друг друга и стремящихся к взаимному уничтожению. Мы забыли о том, что защищать и сохранять любой ценой в человеке нужно естественную игру всех его действий, которые должны быть направлены во внешнюю среду, в сторону общих усилий человечества. Борьба за существование! Какая же это избитая фраза, и сколько же низостей она призвана оправдывать! и, кроме того, как плохо ее понимают! Ее понимают в том смысле, который отрицает все естественные принципы общества: нигде в Природе не встречается отклонения, подобного тому, какой вкладывается в общепринятое понимание этой фразы. Нет ни одного живого организма, ни одной животной колонии, в которой индивидуальные элементы стремились бы к взаимному уничтожению; наоборот, все вместе представители вида борются против враждебных проявлений среды обитания, и функциональные преобразования, происходящие среди них, привносят необходимые различия, здоровые изменения в общую организацию, а отнюдь не уничтожение.

В первую очередь, необходимо, чтобы жизнь была таковой, стала таковой, чтобы человек работал над тем и боролся только за то, чтобы быть полезным себе подобным; ради этого он должен сохранять и развивать в себе самом инстинкт самосохранения против враждебных сил Природы; поэтому он должен научиться любить труд и приносимое им удовлетворение, плоды, приносимые таким упорным трудом, он должен осознавать весь огромный масштаб и утонченную красоту человеческого усилия. Наши великие люди, наши изобретатели, ученые, художники являются таковыми, потому что сохранили замечательную способность любить, предпринимать усилия не против себе подобных, а ради них. В глазах своих современников они представляются странными, и, пребывая в состоянии наиболее гармоничного союза с законами существования, они кажутся провидцами еще до того, как достигают своих результатов.

Рациональное обучение, кроме всего прочего, сохраняет в человеке способность любить, мыслить, стремиться к идеалам, надеяться; эта способность основывается исключительно на естественных потребностях жизни; она помогает свободно проявлять такие потребности; она максимальным образом облегчает развитие и эффективность сил организма, для того чтобы они могли сконцентрироваться на единой внешней цели: на борьбе и трудах за реализацию достижений мысли.

Поэтому основы нынешнего образования должны быть обновлены: оно не должно быть полностью основано на теоретическом обучении, на приобретении знаний, не обладающих значением для ребенка, нужно исходить из практического обучения, чьи цели должны быть вполне ясными, то есть, начинать следует с обучения физическому труду.

Причины для этого вполне логичны. Образование само по себе не обладает пользой для ребенка. Он не понимает, зачем его учат читать, писать, забывают ему голову физикой, географией и историей. Все это кажется ему абсолютно бесполезным, и он демонстрирует это, сопротивляясь такому обучению всеми силами. Ему забывают голову научными знаниями, которые он забывает, как только это становится возможным, и так происходит всегда, в моральном и физическом обучении, точно так же, как и в интеллектуальном, отсутствие естественных причин восполняется искусственными причинами.

Все должно быть основано на естественных причинах. Поэтому нам достаточно вспомнить, что эволюция первобытного человека в сторону цивилизованного состояния началась благодаря труду, направленному на удовлетворение потребностей; страдание вынудило его создать средства защиты и борьбы, и из этого постепенно развились ремесла. В ребенке заключена атавистическая потребность в труде, достаточная для преодоления первичных обстоятельств, и для развития этой потребности достаточно помочь ему. Достаточно организовать

его труд в определенном месте, поддерживать в нем логическую и законную дисциплину для получения желаемых результатов, и будет достигнуто полное, легкое и здоровое обучение.

Все, что нам остается — это наблюдать за ребенком. Достаточно лишь чуть-чуть пожить жизнью ребенка, чтобы понять, что в нем есть непреодолимое желание к труду. Но сколько же прикладывается усилий, чтобы отвратить его от этого благого намерения! Кто после этого осмелится говорить о пороке и лени? Здоровый человек, здоровый ребенок обладают здоровой потребностью в труде: это доказывает вся история человечества.

Ребенок постепенно оставляет игру, которая является лишь одной из форм труда, врожденным проявлением жажды деятельности, еще не находящей себе должного направления, но рожденной из атавистической склонности к борьбе, унаследованной из первобытного периода человеческой жизни; он оставляет игру, подчиняясь импульсу необходимости, медленно зарождающемуся под влиянием примера: он начинает работать и прикладывать все свои силы к труду.

И тут подключается преподаватель; это незаметное и не прямое вмешательство; его знание жизни помогает ему понять то, что происходит с ребенком, разобраться в его желаниях, помочь ему справиться с его неуверенностью и неосознанностью своей воли; он знает, как дать ему то, что ему нужно; для этого достаточно обратиться к первобытной жизни дикарей.

В этом случае все становится легко, естественно, искренне. Всякое ремесло обладает собственной негибкой логикой: оно улучшает труд через применение научных знаний; профессора не должны чересчур задерживаться на несовершенном первобытном труде, на усилиях без знаний, они должны передавать ребенку самые прогрессивные знания самых развитых народов, требуя от него прилагать усилия с применением всех знаний полученных человечеством.

Разумеется, любое ремесло в наши дни, для того чтобы о нем знали и чтобы его применяли, требует интеллектуального труда, знаний, объединяющих в себе результаты обучения, которое в данный момент ограничивается теоретической зубрежкой. По мере прогресса в обучении ребенка, возрастает его потребность в знаниях, в обучении, и тогда важно не подавить ее, а, напротив, облегчить все средства удовлетворения этой потребности, в целях дальнейшего логического обучения, в соответствии с потребностями самого труда, никогда не упуская из вида решающий фактор желания, движущего ребенком.

Бесполезно настаивать на качестве такой работы и на обязательности отличных результатов. При обучении нескольким ремеслам, они смогут приобрести необходимые знания в рамках гораздо более сильного и здорового образования, чем нынешнее образование, состоящее из видимостей.

Куда ведет подобная направленность? Она ведет к тому, что учитель будет искренне советовать с Природой и, сталкиваясь с трудностями, он будет исследовать, что их вызвало; он доверит Природе дисциплину, которая будет поддерживаться наилучшим образом.

Такая работа над образованием человека неизбежно приведет к формированию более ответственного человечества, которое сохранит всю энергию своей воли, все свое моральное здоровье; постоянно стремясь к новым идеалам. Такое человечество не будет более погружаться в низкую, глупую борьбу за место под солнцем, не будет слепо стремиться лишь к насыщению личных appetitов, увязая в собственных пороках и лжи. Из грустного, раздраженного и порочного, оно станет любящим, красивым и веселым.

XVII. Закрытие Современной школы

Я подошел к кульминационной точке своей жизни и своих трудов.

Мои враги, коими являются все реакционеры мира, представленные в первую очередь всеми отсталыми реакционерами Барселоны, а во вторую и всей Испании, сочли за свой триумф, когда им удалось втянуть меня в процесс с угрозой смертной казни, очернения памяти и закрытия Современной школы; но их триумф является лишь эпизодом в борьбе практического рационализма против атавистических, традиционалистских пережитков. Тупое упорство, с которым они требуют для меня смертной казни, отступает в трибунале, где моя очевидная невинность привлекает ко мне симпатии всех либералов, или лучше сказать, всех настоящих прогрессивных сил человечества, а также их внимание к значению и идеалам Современной школы, порождая универсальное движение протеста и восхищения, не утихавшее в течение года, с мая 1906-го по июнь 1907-го, освещенное прессой на всех языках цивилизованного мира того периода в редакторских статьях или в совместных материалах, в описании протестов, конференций и народных выступлений.

Вкратце можно сказать, что самые яркие враги моего дела и дела рабочих, стали его самыми эффективными сотрудниками, облегчившими зарождение интернационального рационализма.

Я признал свою незначительность перед его величием. Движимый неугасимым светом идеалов, я замыслил и воплотил в реальность создание *Международной лиги за рациональное обучение детей*, в чьих секциях, открытых по всему миру, собрались люди, представляющие собой лучшие плоды мысли и творческой энергии общества. В печатном органе Лиги, брусельском *L'École Renovée*, вместе с барселонским Бюллетенем Современной школы и римским журналом *La Escuela Laica*, публикуются, обсуждаются и распространяются все педагогические новости, призванные очищать науку от всяких нечистых контактов с заблуждением, рассеивать легкое верие, добиваться совершенного соответствия между верой и знанием, и уничтожить моральные привилегии эзотерики, зародившиеся в давние времена, когда эзотерика была оставлена плембсу.

Все эти знания, объединенные одним страстным устремлением, должны воплотиться в мощном, сознательном и едином действии, которое придаст будущей революции характер практического применения социологии, без пристрастий или мести, без трагедий террора, или героизма самопожертвований, без стерильных оценок, без слабости иллюзий и страстности, которую затем подкупает реакция, потому что научное и рациональное образование покажет народным массам, как превратить каждую женщину и каждого мужчину в сознательного, ответственного и активного человека, укрепляющего свою волю собственным суждением, владеющего собственными знаниями, навсегда освобожденного от страсти, вдохновленной эксплуатацией чувства чести и традиций, и от шарлатанства всех современных составителей политических программ.

Революция будет в прогрессирующей мере терять свои драматические характеристики и обретать черты устойчивой, стабильной и последовательной эволюции в сторону того рационального общества, к которому стремились революционеры всех времен, и которое с уверенностью предсказывают социологи. Оно предстанет перед взглядом наших потомков, не как иллюзорная мечта утопистов, а как позитивный и заслуженный триумф, состоявшийся благодаря высоко революционной эффективности разума и науки.

Слава, обретенная новшествами в образовании и обучении Современной школы, привлекла внимание всех тех, кто уделяет особое значение образованию, и все они хотят ознакомиться с новой системой.

Существуют отдельные светские школы, как частные, так и поддерживаемые разными обществами, директоры и попечители которых стремятся дать оценку той разнице, которая мо-

жет существовать между их практическими методами и рационалистическими новшествами. Они постоянно направляли своих представителей или целые комиссии в Современную школу для ознакомления и консультаций со мной. Я каждый раз с удовольствием консультировал их, рассеивал их сомнения и вдохновлял их на нововведения, и уже вскоре они начинали реформировать свои школы, или создавать новые, беря Современную школу за образец. Энтузиазм был велик, в нем содержалась импульсивная сила, способная на крупные свершения, но все они сталкивались с одним серьезным и неизбежным препятствием: им не хватало учителей, и, что еще хуже, у них не было средств для их найма. Перед титулярными профессорами, которых и так было мало, стояли трудности в двух отношениях: в педагогической рутине и в страхе перед будущими последствиями, и лишь немногие из них, представляя собой достойное исключение, решались на эту прогрессивную авантюру из альтруизма и любви к идеалам. Образованная молодежь обоих полов, которая могла посвятить себя делу обучения, стала для нас тем ресурсом, к которому можно было прибегнуть, для того чтобы покрыть этот серьезный дефицит; но кто должен был посвятить их в учителя? где они должны были пройти собственное обучение? Когда ко мне обращались рабочие и политические общества, решившие открыть школу; они обладали хорошим местом, были способны приобрести необходимые материалы, сотрудничали с Библиотекой Современной школы, но когда я спрашивал: есть ли у вас учитель? — они отвечали отрицательно, полагая, что это легко разрешимый вопрос. Тогда, это все равно, что у вас ничего нет, — отвечал я им.

Фактически, став, благодаря стечению обстоятельств, директором рациональной школы, постоянно консультируя и отвечая на вопросы аспирантов и профессоров, я четко осознал эту серьезную нехватку, которую я попытался возместить своими детальными объяснениями и привлечением молодых помощников к обучению в Современной школе. Это принесло желанные результаты: сейчас есть достойные профессора, начавшие свою карьеру у нас и твердо придерживающиеся принципов рационального обучения, хотя были и те, кто не справился, из-за отсутствия должных интеллектуальных и моральных качеств.

Не желая дожидаться, когда вырастут ученики самой Современной школы, которые смогут посвятить себя работе учителей, я открыл Нормальную школу, о которой говорится в другом месте, убежденный опытом в том, что в научной и рациональной школе ключевой является социальная проблема, целью которой стала, в первую очередь, подготовка преподавательского состава, способного и готового к столь достойной судьбе.

В качестве практического и позитивного результата всего, о чем я говорил выше, я могу заверить читателя, что Современная школа стала удачнейшей реализацией усилий, характеризующейся следующими двумя признаками:

1. Она установила форму, открытую для дальнейших усовершенствований, для будущего обучения в усовершенствованном обществе.

2. Она дала творческий импульс для подобного обучения.

Раньше не существовало обучения в истинном смысле слова: была лишь авторитарная традиция передачи заблуждений и догм, смешанных с научными истинами, открытыми благодаря исключительной гениальности, доступной во всем ее свете, лишь привилегированным студентам Университетов; а для народа существовало лишь начальное образование, которое было и остается, к сожалению, лишь видом приручения; эта школа является чем-то вроде загон, в котором усмиряют естественные энергии, для того чтобы бедные классы продолжали страдать, смирившись с теми условиями, в которые их поставили.

Истинное обучение, берущее начало в той вере, что освещает лучами истины очевидность, для того чтобы ее каждый раз мог подвергнуть своей проверке и оценке опыт, об-

ладающий непогрешимостью, ошибочно приписываемой создателю; обучение, которое не обманывается и не обманывает; началось с Современной школы.

За свою недолгую историю она произвела значительнейшие улучшения: ребенок, принятый в школу и влившийся в компанию новых друзей, проходил через очень быстрые изменения в своем характере и привычках, как я уже отмечал: он становился мягче, избавлялся от хулиганских замашек, переставал гоняться за уличными животными, подражать в своих играх варварским обычаям национальных праздников, и, претерпевая умственный рост и очищая свои чувства, он начинал осознавать социальную несправедливость, общественные недостатки, которые невозможно скрыть из-за их обилия и серьезности; все это открывалось перед ребенком ежеминутно. Точно так же, он начинал ненавидеть войну, и уже не мог не признавать, что национальная слава, вместо того чтобы приносить благо и счастье своему народу, основывалась на завоеваниях, господстве и неприкрытом насилии.

Влияние Современной школы, распространившееся и на другие школы, созданные в качестве филиалов и перенявшие ее систему, при поддержке рабочих обществ и центров, пришло и в семьи, через детей, которые, будучи просвещенными сиянием разума и науки, бессознательно превращались в учителей собственных родителей, а те, перенося это влияние на свой собственный круг общения, осуществляли вполне здоровое распространение наших идей.

Благодаря заметному росту нашего влияния мы заслужили ненависть иезуитов всех мастей, притаившихся во дворцах, церквях и монастырях Барселоны, подобно змеям подколодным в их гнездах, и эта ненависть вдохновила план закрытия Современной школы, которая даже будучи все еще закрытой сейчас, вновь группирует свои силы, строит и совершенствует свои планы, набираясь сил, необходимых для осуществления реальных свершений, незаменимых для прогресса.

Здесь я рассказал о том, чем была, чем является и чем должна быть Современная школа.

Примечания

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Франсиско Феррер-и-Гуардия
Современная школа
1908

Сохранено 3 августа 2014 г. из <http://www.e-reading.ws/book.php?book=1022710>
L'escola moderna

ru.theanarchistlibrary.org